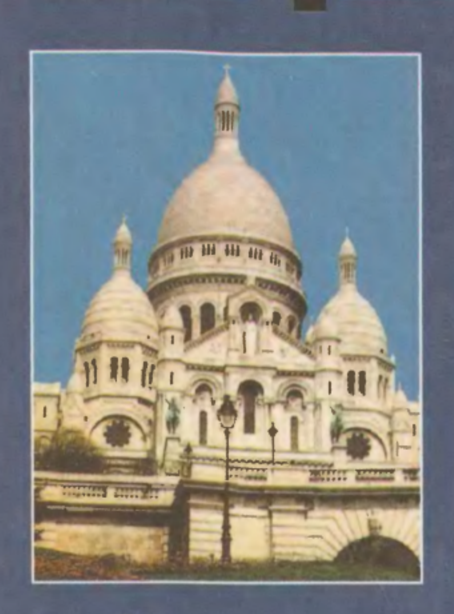
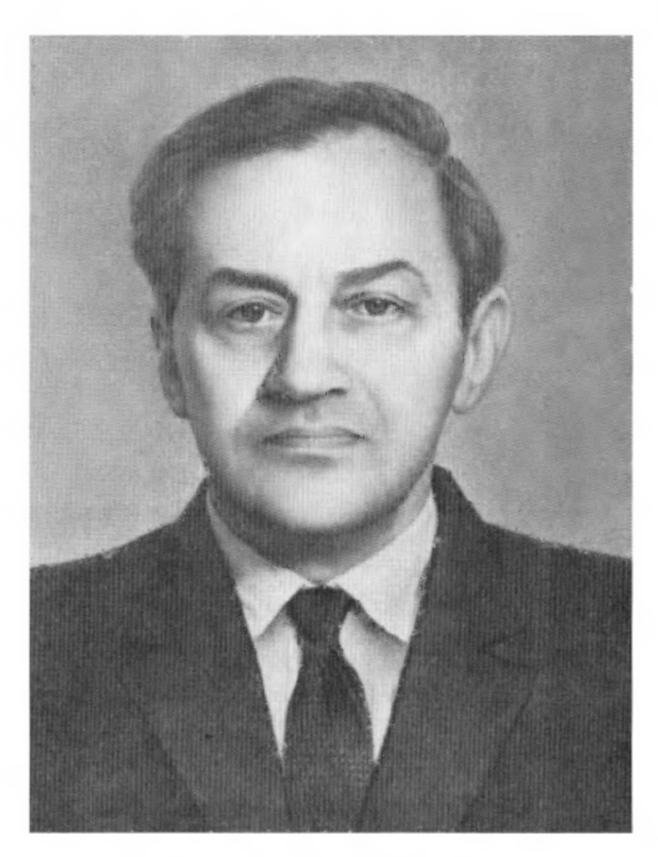
Россия и Европа

Дипломатия и культура

НАУКА

Альберт Захарович Манфред

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

Diplomacy and Culture

MOSCOW
NAUKA
2002

Россия и Европа

Дипломатия и культура

МОСКВА
НАУКА
2002

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
Р 76

Серия основана в 1995 году

Редакционная коллегия:

А.С. НАМАЗОВА (ответственный редактор),
Е.В. КИСЕЛЕВА, А.Г. МАТВЕЕВА, С.П. ПОЖАРСКАЯ

Рецензенты:

доктор исторических наук О.В. ЧЕРНЫШЕВА,
кандидат исторических наук О.В. ХАВАНОВА

Россия и Европа: Дипломатия и культура. Вып. 2 / [Отв. ред. А.С. Намазова]; Ин-т всеобщей истории. – М.: Наука, 2002. 238 с.: ил.
ISBN 5-02-008780-7

Сборник открывается статьями, посвященными памяти выдающегося отечественного ученого А.З. Манфреда: как воспоминаниями о нем, так и исследованиями по сюжетам Великой французской революции, находившимся в сфере внимания историка. Статьи остальных разделов раскрывают многообразие связей России с различными государствами Европы в новое время. Они написаны на основе архивных дипломатических документов. В книге затрагивается проблема образа России в восприятии европейских интеллектуалов. Завершают сборник статьи, приуроченные к 170-летию создания независимого Бельгийского государства.

Для историков и широкого круга читателей.

ТП-2002-I-№ 25

ISBN 5-02-008780-7

© Российская академия наук и издательство “Наука”, серия “Россия и Европа” (разработка, оформление), 1995 (год основания), 2002

К ЧИТАТЕЛЮ

Европа...
С течением времен не ты ль преобразила
Колумба новый свет и Южный материк?
И ныне, как в былом, лирическая сила
Живет в руке твоей, и твой порыв велик!
...Рукой уверенной ты раскрываешь дали
Той справедливости, что снится нам в веках

Э. Верхарн. "Европа"

Предлагаемый читателю второй выпуск сборника "Россия и Европа" продолжает традиции первого выпуска, вышедшего в издательстве "Наука" в 1995 г. Основная часть сборника содержит статьи, освещающие актуальные проблемы русско-европейских дипломатических отношений, а также различные аспекты культурных связей России с европейскими странами.

В его первой части публикуются статьи, посвященные памяти выдающегося отечественного исследователя Альберта Захаровича Манфреда, долгие годы возглавлявшего сектор истории Франции Института истории АН СССР, затем Института всеобщей истории РАН.

Альберт Захарович стоял наравне с самыми выдающимися умами в мировой исторической науке. Его друзьями были крупнейшие современные отечественные и французские историки. Общение с ним доставляло большую радость, так как редко можно было встретить даже в кругах ученых человека такой разносторонней и высокой культуры и такую углубленность в жизнь духовную.

Литературный талант в значительной мере определил то место, которое занял А.З. Манфред среди отечественных ученых. Он придавал исключительное значение литературной стороне своих трудов и, пожалуй, никто не добился таких успехов, такой высоты, как он. А.З. Манфред был почетным доктором Клермон-Ферранского университета во Франции. На XIV Международном конгрессе исторических наук он был избран одним из трех почетных председателей международной комиссии по истории Великой французской революции при Международном историческом комитете.

Одна из учениц А.З. Манфреда С.Н. Гурвич-Бухарина в своих воспоминаниях "На всю оставшуюся жизнь" с горячей признательностью пишет об Альберте Захаровиче не только как о крупнейшем франковеде, но и как о человеке редких душевных качеств, сыгравшем огромную роль в ее научной жизни.

Во второй части сборника представлены статьи по актуальным проблемам межгосударственных дипломатических отношений России с европейскими державами. Статьи написаны главным образом

на основе тщательного изучения дипломатических документов Архива внешней политики Российской империи и некоторых зарубежных архивов. Эти документы отражают неуклонное развитие и укрепление отношений России с европейскими странами в различных сферах общественной жизни, в политике, экономике и культуре.

В сборнике затрагивается вызывающая живой интерес проблема образа России в восприятии интеллектуальной европейской элиты. Ряд публикаций архивных документов освещает малоизвестные факты взаимовлияния и взаимообогащения русской духовной культуры и европейских стран.

Третья часть посвящена различным сторонам культурных контактов России с европейскими странами. Читатель с интересом прочитает о доме-музее Вольтера в Фернее, воспоминания известного французского мыслителя Ф.Р. Шатобриана об Александре I, об истории русской общественной библиотеки им. И.С. Тургенева в Париже и других сюжетах русско-европейских культурных связей.

Завершает сборник раздел, приуроченный к 170-летию создания независимого бельгийского государства. Бельгийская революция 1830 г., нанесшая ощутимый удар Венской системе, на целый год приковала к себе внимание дипломатов, политиков, монархов. "Бельгийский вопрос" разрешился в 1831 г. признанием независимости и рождением новой династии Саксен-Кобург Гота, которая и ныне правит в Бельгии.

В статьях рассматриваются различные аспекты проблем новой и новейшей истории Бельгии и ее культуры: от фигуры известного бельгийского экономиста Гюстава де Молинари, бывшего весьма популярным в России и на страницах ее печати, широкой панорамы русской прессы, охотно публиковавшей статьи о Бельгии, основных вех в развитии русско-бельгийских культурных связей в XIX – начале XX в. до нарушения ее нейтралитета Германией накануне Первой мировой войны.

Авторы сборника надеются, что он будет интересен не только узкому кругу профессиональных историков, но и студентам, преподавателям и всем, кто по-настоящему интересуется историей.

А.С. Намазова

Часть I
ПАМЯТИ А.З. МАНФРЕДА

АЛЬБЕРТ ЗАХАРОВИЧ МАНФРЕД. НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ

С.Н. Гурвич-Бухарина

Последняя буква алфавита так и просится на первое место в моем рассказе. Приходится уступить, но только формально. Мой случай не единственный, но все же особый, и я обязана написать о величии души Альберта Захаровича.

В 1944 г. декан Истфака МГУ Сергей Павлович Толстов совершил смелый поступок: допустил меня к вступительным экзаменам и принял на Истфак. А в самом конце 1946 г., под новый год, другое начальство исключило из МГУ дочерей расстрелянных "врагов народа" Бухарина и Серебрякова. Мне через некоторое время разрешили сдавать текущие экзамены на заочном отделении. И вот, весной 1949 г. я защитила диплом, оставалось сдать госэкзамены. Но... за несколько дней до них меня провезли в машине по улице Герцена мимо Истфака; отворились тяжеленные ворота Лубянки, потом дверь тюремной камеры, и несколько пар удивленных женских глаз уставились на меня: кто вы? что вы? Предъявленное обвинение гласило: "Достаточно изобличается в том, что является дочерью Бухарина". Достаточно изобличается! В таком преступлении! Заклеймили ведь! Для таких я была наследственной "контрой" (почему-то оставшейся в живых), для других – естественной же хранительницей идей гуманного социализма, его мирного, ненасильственного строительства на базе НЭПа, идей демократизации государства, его "отмирания" при коммунизме; одним словом, людям приходили в голову мысли о том, что позже, в 70–80-е годы, стало называться "бухаринской альтернативой" сталинизму. Среди первых были непримиримо враждебные "начальники", среди вторых – много тех, чья самоотверженная помощь спасала меня и мою многострадальную мать в те роковые годы и в наступивший потом наш "восстановительный период".

К последним относился Альберт Захарович. Благодаря ему мой путь к новой жизни, определившийся в 1956 г., не был затем прерван, а колеи и рвы отеческой земли удавалось преодолевать без катастрофических ушибов в течение двадцати лет.

Когда меня освободили из ссылки летом 1953 г. по амнистии, объявленной после смерти Сталина, опять передо мною возник тот

же вопрос: кто я? что я? Одна посреди великого пространства Сибири, на полпути по железной дороге между Москвой и Тихим океаном; мать в лагере в Иркутской области. В Томске я получила паспорт, в тамошнем университете – отказ. Надо сдавать госэкзамены, но где и как? Фактически имея высшее образование, я не имею документа-диплома. Легко сказать: надо закончить университет! Кто меня туда примет и где? Чье слово уравновесит страшную фамилию Бухарина? В Томске встретила на улице бывшего профессора Истфака МГУ И.М. Разгона. Он сразу и решительно сказал: "Светлана, вам нужно, вы обязаны закончить университет. Другого пути у вас нет. Сегодня же садитесь в поезд и поезжайте в Москву". На другой день я купила билет.

Анна Михайловна Панкратова, академик, член ЦК КПСС и член Президиума Верховного Совета СССР не колеблясь взялась хлопотать за меня в высших инстанциях! Ей сказали: "Пусть она (т.е. – я) выбирает любой университет кроме московского и ленинградского. (В столицы, конечно, не пустили...) Я выбрала Горьковский – самый близкий к Москве, и это оказалось правильно. Приказ о зачислении меня в ГГУ подписал В.П. Елютин, тогда председатель Госкомитета по высшему и среднему специальному образованию (т.е. министр). Приказ ректор ГГУ исполнил, но лишь после долгой проволочки – от страха. Анна Михайловна, видимо, понимая возможность такого оборота дела, предусмотрительно дала мне на дорогу довольно много, по моим тогдашним представлениям, денег. Итак, летом 1954 г. я сдала госэкзамены, получив диплом, и по общему распределению получила назначение в Челябинск. Два года работала преподавателем в техникуме в Карталы – на границе с Казахстаном – целая эпоха, до 1956 г., которая дала мне право поступать в аспирантуру. Тем временем А.М. Панкратова хлопотала об освобождении мамы – Эсфири Исаевны Гурвич, доктора экономических наук, члена КПСС (до ареста) с 5 мая 1917 г. А.М. Панкратова передала наши заявления лично Генеральному прокурору СССР Руденко, который ответил: "Сейчас не могу, надо ждать съезда". XX съезд КПСС в феврале 1956 г. всколыхнул всю страну. Весной маму освободили, и я, закончив учебный год, заявила начальнику техникума, что буду поступать в аспирантуру и скорее всего не вернусь в техникум. Два года работы преподавателем по специальности давали мне законное право поступать в аспирантуру (я узнала об этом позже, уже в Москве), но много ли оно значило, если мой отец не был реабилитирован? Опять – кто уравновесит? А.М. Панкратова была в отъезде, и я отправилась к Глебу Максимилиановичу Кржижановскому на дачу, в Мозжинку близ Звенигорода. За Глебасем (прозвище, полученное им от Николая Ивановича) был авторитет самого близкого личного друга Ленина, создателя плана ГОЭЛРО, бывшего вице-президента АН СССР; близилось его 85-летие, и на "волнах юбилея" последний из могикан ленинской гвардии надеялся добить-

ся успеха: "Я их распропагандирую!" – воскликнул он уверенно. Первым он распропагандировал главного ученого секретаря Президиума АН А.В. Топчиева, который на моем заявлении с просьбой допустить к экзаменам в аспирантуру, начертал: "Допустить на общих основаниях". Итак, поздней осенью 1956 г., в начале периода либерализма хрущевской оттепели, я стала, не без помех конечно, аспиранткой Института истории.

С Альбертом Захаровичем я познакомилась не сразу. А он, как я слишком поздно узнала, сразу же решил "взять меня под крыло". Сама судьба подарила мне удачу, когда понадобилось выбрать тему для диссертации по новейшей истории Франции. Значит – идти к Альберту Захаровичу.

Как раз тогда вышел из печати том мемуаров Эдуарда Эррио "Из прошлого. Между двумя мировыми войнами" (М.: Изд. Иностранной литературы, 1958). Вышел под редакцией и с обстоятельной вступительной статьей Альберта Захаровича. Здесь я и нашла свою тему. Партию радикалов и радикал-социалистов, в прошлом самую популярную во Франции, патриархом и бывшим лидером которой был автор мемуаров, у нас было принято ругать как партию мелкобуржуазную, а французских социалистов проклинали за соглашательство с нею. Альберт Захарович, не отказываясь от критики, рассказал о больших достоинствах Э. Эррио: человек из народа, высокообразованный, талантливый и известный филолог, последовательный демократ, сторонник союза с Россией и СССР, друг русского народа, противник германского милитаризма и, конечно, нацизма. При этих достоинствах Эррио оставался противником революционных и вообще насильственных методов в политике и политической борьбе. Альберт Захарович выяснял отношение партии радикалов к рабочему движению. Я предложила в качестве своей темы оборотную сторону проблемы Левого блока в 20-е годы XX в., именно в те годы, когда радикалы во главе с Эррио находились у власти. Надо было беспристрастно выяснить отношение рабочих партий и профсоюзов к партии радикалов и роль этой проблемы в развитии отношений между коммунистами и социалистами, между революционными и реформистскими профсоюзами. Получалась, в перспективе, предыстория Народного фронта, предыстория "отрицательная".

Альберт Захарович одобрил тему и взял на себя роль научного руководителя, подлинного, хоть и неофициального, даже негласного. Он не руководил в обычном банальном смысле этого слова, не давал никаких указаний, не просил показать текст, вообще совершенно не "контролировал". Если у меня не было ответа на какой-либо вопрос – я искала, находила и сообщала. Альберт Захарович был ученый, рядом с которым надо было "держать марку", а мне особенно. Периодически он приглашал меня к себе, и мы беседовали в его кабинете: Альберт Захарович сидел за письменным столом,

во вращающемся кресле, а я – напротив, на диване. А придирчиво читать мои письмена Альберт Захарович определил своего ближайшего друга, сотрудника и обожателя, историка "божьей милостью" Виктора Моисеевича Далина. Он стал редактором всех моих работ.

"Светлана, почему все наши историки – те, кто занимается французским рабочим движением – делятся на жоресистов и гедистов, как и сами французы? – спросил редактор издательства "Наука" Ю.И. Хаинсон. – Вот ведь и ваши корифеи – один жоресист, другой гедист". Правильно, а кто я? Юлия Исаковна не спрашивала. Виктор Моисеевич в конце жизни переосмыслил свой "гедизм" – так мне сказал.

Поддержка Альберта Захаровича была для меня спасением. Ему я обязана всем – и тем, что оставалась работать в институте, и тем, чего смогла достигнуть в науке. Ведущий и самый авторитетный франковед, Альберт Захарович определил мою защиту кандидатской диссертации. Кому послать работу на отзыв, кого пригласить оппонентами – все он взял на себя. Время, к счастью, было благоприятное – "оттепель" еще стояла в стране. Препятствий не было, если не считать въевшегося традиционного страха. Была даже поддержка "сверху". Тема диссертации была: "Рабочее движение и левый блок во Франции 1921–1924 гг.". Через несколько лет вышла из печати книжка (1967) под тем же названием, но с расширенными временными рамками. Главным редактором был наш второй корифей историк Франции В.М. Далин.

Тем временем кончилась "оттепель". В секторе новейшей истории, где я работала, мне стало невмоготу. Заведующий сектором Н.И. Саморуков относился ко мне недружелюбно, в дирекции был поставлен вопрос об увольнении. Но этому решительно воспротивился очень известный историк-аграрник Виктор Петрович Данилов, тогда секретарь парткома института. Его протест спас меня. Конечно, в секторе многие сочувствовали мне, особенно такие незаурядные люди и первоклассные специалисты как Л.В. Пономарева, Б.Р. Лопухов, С.П. Пожарская и другие. Но что они могли сделать? Я же стала тревожиться, что моя тень, т.е. "тень" моего отца, падет на них. Надо было уходить. Тут подоспел раздел Института истории (1968 г.), и я перешла в Институт всеобщей истории к Альберту Захаровичу в сектор новой истории. Теперь можно было спокойно работать над новой темой о французских демократах.

Почему же Альберт Захарович по своей доброй воле взвалил на себя тяжесть этой ноши – опекать в идеологизированной и находящейся под строжайшим партийным контролем общественной науке – реабилитированную дочь недореабилитированного Николая Бухарина? Ведь у Альберта Захаровича не было и в помине таких позиций, какие позволили А.М. Панкратовой и Г.М. Кржижановскому выиграть в моих делах. Они – в верхах партии и власти, а он даже не был членом КПСС! И своими глазами видел ост-

ровок Гулага! И никогда не говорил, каково ему приходилось, какие препятствия преодолевал, какие битвы выигрывал, каких людей убеждал! Лишь один раз, после падения Хрущева, спросил: "Как дела вашего батюшки?" Я поняла, скорее ощутила, что с кем-то был у него разговор на эту тему. Ответила сразу: "Обвинения по процессу сняты, но официально не объявлено, в партии не восстановлен. Сказанное нам в КПК (Комитете Партийного Контроля при ЦК КПСС) в апреле 1961 г. остается в силе". Ответ мой был точный и правильный: мне кажется, он дал Альберту Захаровичу какую-то "правовую базу".

Трудно было опекать меня, более того – опасно. "Дело Панкратовой" в 1957 г. просветило тех, кто слышал об одном его эпизоде, а ей самой стоило жизни. Недавно в международном журнале "История историографии" была опубликована статья А.С. Кана. «Анна Панкратова и "Вопросы истории": новаторский и критический исторический журнал в Советском Союзе 50-х гг.»[1]. Оказывается, среди критических упреков в адрес А.М. был и такой: помогала дочерям расстрелянных в 30-е годы Бухарина и Серебрякова...

Ирина Альбертовна Манфред говорит, что ее отец с самого появления моего в институте следил за моими делами в аспирантуре, а потом и в секторе новейшей истории. Он считал своим человеческим и гражданским долгом помогать и мне, и Светлане Валерьяновне Оболенской, и Зоре Леонидовне Серебряковой. Его сила была в высоком авторитете ученого, в умении убеждать своих влиятельных учеников, и в его большой роли в налаживании и поддержании связей с французскими историками. Только одного "барьера" не мог одолеть Альберт Захарович, да и не брался. В конце 60-х годов, когда я работала над новой темой по истории партии радикал-социалистов в начале XX в., сам собой возник вопрос об источниках. Я еще не успела начать разговор, только в мыслях приготовилась, как Альберт Захарович, взмахнув по привычке руками, воскликнул: "Светлана, никогда не поднимайте этот вопрос!" И не поднимала, конечно: по природе "не выездная". А источник аутентичный и редчайший все-таки появился в ИНИОНе: фотопленки стенографических отчетов ежегодных съездов партии радикал-социалистов. Виктор Моисеевич Далин однажды поведал шепотом, что он сам и еще некоторые историки получили руководящее указание: не сообщать приехавшим тогда в институт французам, что здесь работает дочь Бухарина. А он "проговорился". Так-то: "с сединою на висках, со слезами на глазах". Еще одна задумка, глубокое желание было у Альберта Захаровича. "Пока я жив, – говорил он дочери, – они должны защитить докторские..." Они – это мы, его подопечные. Надежда Васильевна, его вдова, рассказывала, как Альберт Захарович ходил хлопотать о нас в ЦК, какая это была тяжелая миссия, им самим на себя возложенная, сколько сил и нервов тратил он, уже неизлечимо больной...

"Я хочу, чтобы они стали докторами..." Не дожил... Мне защищаться не разрешали... Альберт Захарович не дожил до выхода из печати моей работы "Радикал-социалисты и рабочее движение во Франции в начале XX века". Я успела принести ему "чистые листы" – как он был рад! Как радовался! Ведь чистые листы – это значило, что книга выйдет. И она вышла, но уже после кончины Альберта Захаровича. А защиты пришлось ждать еще 13 лет – до тех пор, пока реабилитировали и восстановили в партии многострадального мученика моего батюшку. И Виктор Моисеевич – "уцелевший при кораблекрушении 30-х годов" (так он себя называл) – не дожил. Тогда же (1988 г.) в один миг сделалась я "выездной" – поехала на Международные конференции по случаю 100-летия со дня рождения Н.И. Бухарина и 5-летия его гибели – в Венгрию и в ФРГ. Как и во Франции, наша революция, подобно богу времени Сатурну, пожрала своих детей. Вечная память Альберту Захаровичу за то, что он оберегал детей тех детей.

---

[1] Storia della storiografia. Milano, 1996, N 29. P. 71–97.

ПРАЗДНИКИ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В.В. Карева

Одной из основных функций человека в любом обществе – античном, средневековом, новом или современном – является его игровая функция – константа существования человека и общества. "Человек играющий" (homo ludens) – так определяет человеческую сущность крупный нидерландский культуролог Й. Хейзинга[1]. Действия человека, его творческая активность, все его бытие по-сути – игровое пространство, не имеющее границ.

Праздники, развлечения, зрелища, церемонии, забавы, выделенные им из единой картины мира дают блистательное и исчерпывающее знание времени. Они – тот магический кристалл, в котором четко проступают все основы жизни обществ, которые при вычленении частного из целого лишь условно остаются за пределами магического, игрового пространства.

Талейран как-то заметил: кто не жил до 1789 г., тот не знает всей сладости жизни. Век XVIII воспринял от галантного XVII в. многое и в частности его увеселения и праздники[2].

Куртуазность "галантного века" и века Просвещения как особая модель поведения породила также новые формы развлечений. Галантный мир усваивал правила "арс аманди" (искусство любви) и по

этим правилам строились “амурные игры”: “замок любви”, “фанты любви”, изящные вопросы. С этими играми связана разнообразная атрибутика – эмблемы, имена, зашифрованные в виде шарад, кольца, шарфы, драгоценности, символика цвета, веер, маска.

“Арс аманди” привел к “возрождению” куртуазных рыцарских турниров. Как правило, они в отличие от старинных рыцарских поединков были сухо стилизованы, перегружены декором и излишне театрально драматизированы. Эти турниры, или поединки в честь Дамы несли в себе огромный эротический потенциал. Их запрещала церковь, на них нападали моралисты. Й. Хейзинга в “Осени средневековья” писал: “Возбужденные турниром, дамы дарят рыцарям одну вещь за другой: по окончании турнира они без рукавов и босы”[3].

Девиз завершающегося “галантного века”: наслаждайтесь! – породил новые забавы и развлечения – флирт, эротические игры (“ловля блохи”), широко популярные и любимые. Флиртовали на прогулках, за столом и в салонах. Флирт воспринимается всеми как игра, своеобразная форма праздника[4].

Праздники, игры, развлечения становятся в век Просвещения более утонченными: “игры-качели”, “пастушок и пастушка”, “огонь горячей руки”. Такая игра, как состязание в силе, чрезвычайно популярная в XVI–XVII вв. среди дворян и буржуа, в XVIII в. сохранилась в низших и средних слоях городского населения и в деревнях.

В эпоху Просвещения[5] складываются новые центры публичных увеселений – рестораны и гостиницы. Прежние места общественных увеселений: бани, прядильни, трактиры – стали достоянием низших и средних классов.

Курорты оставались модными как центры развлечений и зрелищ. Главными становятся новые курорты в Спа, Вильдбахе, Тейнахе. На протестантских вюртембергских курортах процветал пиетизм. Курортные развлечения носили там религиозную окраску. И вследствие этого одним из любимых развлечений отдыхающих было пение религиозных гимнов и псалмов.

Оформившиеся в XVII в. в Париже, Лондоне, Вене и Берлине такие очаги развлечений, как “сады веселья”, с концертами, балами, маскарадами, выросшие из лондонских “садов Вокзала” или “Новых висячих садов”, расцвели в XVIII в. Несмотря на высокую входную плату в эти “сады веселья”, их ежедневно посещали до 4–6 тыс. человек, а в торжественных случаях – до 10 тыс. Дорогой вход, напитки и кушанья сделали “сады” достоянием богатых дворянских и городских слоев населения.

Танцы человек полюбил, как только появился на земле. Наряду с традиционными возникли новые танцы: французский грациозный менуэт, написанный композитором Граделем по случаю бракосочетания Людовика XVI и Марии Антуанетты, медленная, сладострастная аллеманда, легкий немецкий вальс, “исполинский” испанский танец болеро, торжественный польский полонез.

Шагнув с площадей, из прядилен, трактиров, дворцов и домов, в XVIII в. танец стал искусством и как прелюдия балета завоевал театральные подмостки. Складывается плеяда знаменитых танцовщиц – Комарго, Паризо, Кеми, выступавших в Италии, Лондоне, Париже. Поклонники выпрашивали у них башмачок и обещали его хранить всю жизнь как святыню. Если во время танца с ноги балерины слетала в партер туфелька, из-за нее начиналась настоящая драка. Поклонники успокаивались лишь тогда, когда трофей разрывали на части и каждый получал свою часть. Танцы и балет стали "модной болезнью".

Знаменитый танцор второй половины XVIII в. Новерр получал оклад в театре герцога Карла Александра Вюртембергского больше, чем все его чиновники вместе взятые. "Болезнью" XVIII в. была не только балетомания, но и меломания. Опера в эпоху Просвещения (как, впрочем, и во все последующие времена вплоть до сегодняшних дней) являлась высшей формой театрального искусства, пиршеством духа, гармоническим единством других форм: музыки, танца. С самого начала своего появления, с XVII в. она отличалась красочным великолепием.

Опера галантного века и раннего Просвещения оставалась одной из частей триединства – оперы, балета, представления. Тем не менее уже в это время Италия, Испания и Франция имели своих знаменитых оперных певцов. В XVIII в. опера становится самостоятельной. Лондон, Милан, Вена и Париж открывают свои оперные театры. Жан Франсуа Мармонтель, писатель и критик, рассказывал о прославленном французском оперном певце Желмотти, который с первого своего выступления стал "кумиром публики и предметом восхищения двора". "Все дрожали от радости, как только он (Желмотти. – *В.К.*) появлялся на сцене, и его слушали в каком-то опьянении. Молодые женщины вели себя, как безумные"[6].

Как самостоятельный театральный жанр опера оформляется к концу XVIII в. в творчестве Баха, Бетховена, Гайдна, Генделя, Глюка и Моцарта[7]. И с этого времени она окончательно завоевывает сердца многочисленного сословия меломанов, которые наслаждались ею в оперных театрах Милана ("Ла Скала"), Парижа, Вены, Лондона и, разумеется, в придворных театрах. Казанова в своих "Мемуарах" вспоминает о знаменитом своим балетом Штутгартском придворном театре.

В XVIII в. появляются шантаны (варьете). Их программа включала музыкальные пьесы, пение и танцы. Предпочтение отдавалось шансонеткам и эротическим танцам.

В век Просвещения подлинным праздником духа становится новая музыкальная культура. В XVIII в. в Вене складывается высокая классическая музыкальная школа. Ее крупнейшими представителями были Франц Йозеф Гайдн, Георг Фридрих Гендель, Вольфганг Амадей Моцарт.

В XVIII в. складывается уникальный театр Вольтера. На сцене парижского театра Комеди Франсэз были поставлены многие пьесы выдающегося философа Просвещения[8]. Прежде чем стать драматургом Вольтер испробовал амплуа актера, режиссера и педагога. Театр был страстью всей его жизни, так же как и многих его современников. Находясь в заключении в Бастилии, он дописал свою первую пьесу "Эдип". В ноябре 1718 г. в Комеди Франсэз состоялось ее первое представление, имевшее огромный успех. Слава нового Расина увенчала дебют Вольтера, но и вызвала зависть драматургов-соперников. Среди них был самый крупный из театральных авторов того времени Кребийон-отец, пьесы которого "Катилина", "Электра" и др., ставились в Комеди Франсэз, а также прославленный престарелый Корнель. В "Эдипе" блистательно играла известная актриса Адриенна Лекуврер. Позднее на разных сценических подмостках Парижа были поставлены новые пьесы Вольтера, выходившие из-под его пера одна за другой.

Из Англии он привозит несколько трагедий, объединенных в цикл под названием "английские трагедии": "Брут", "Смерть Цезаря", "Заира" (переделанная позже Вольтером эта трагедия прославится под именем "Семирамиды"). Все "английские трагедии" Вольтера, написанные на основании уроков У. Шекспира, – "гениального варвара", как называл его Вольтер, – имели бурный успех. Правда, после своих взлетов и падений, после Бастилии Вольтер не решился представить "Смерть Цезаря" сразу широкой публике. Из осторожности он отдал сначала ее на школьную сцену коллежа д'Аркур.

В августе 1732 г. в Фонтенбло для королевского двора успешно прошла трагедия "Заира". Сам Вольтер в ней играл старого рыцаря Люзиньяка. Он вообще любил играть роли благородных и несчастных стариков. Успех "Заиры" снял горечь после провала мартовской постановки трагедии "Эрифила".

Поставленные позже "Брут" и "Смерть Цезаря" по своему гражданскому пафосу оказались особенно близки идеям Великой французской революции, и поэтому не случайно они были возрождены в эпоху Первой республики и имели громкий успех. В Комеди Франсэз между тем была поставлена новая трагедия "Магомет". На ее премьере в 1742 г. вместе с Вольтером присутствовал молодой философ Гельвеций. Зал был заполнен министрами, сановниками, высшим светом. Успех "Магомета" был совершенно неслыханный. Но, несмотря на это, а также на одобрение трагедии высшими духовными лицами, она была сыграна в Париже еще только два раза. Недруги Вольтера усмотрели в ней антипатриотические и антихристианские настроения автора.

Тем не менее актеры Комеди Франсэз, не меньше Вольтера огорченные историей с постановкой "Магомета", попросили у него новую пьесу. Эта просьба пришлась по душе Вольтеру, и он дал театру самую любимую свою трагедию "Меропу", имевшую большой успех, в

частности благодаря игре актрисы Дюмениль в главной роли. Новая премьера собрала самую изысканную публику Парижа. Зрителями было пролито море слез (в XVIII, так же как и в XVII в. слезы в театре служили мерилом успеха пьесы). Прусский король Фридрих II, прочитав трагедию, прислал Вольтеру восторженный отзыв: «Вы один в мире способны создать такое совершенство, как "Меропа"»[9]. В театре ставятся новые пьесы философа "Шотландка" и "Танкред".

В 1745 г. в Королевском театре по случаю бракосочетания дофина была поставлена и великолепно сыграна "Принцесса Наваррская" Вольтера. В этом представлении традиционно сочетались опера, балет, речитативы. Пышность спектакля соперничала с великолепием туалетов придворных дам и кавалеров.

После "Принцессы Наваррской" по настоянию мадам де Помпадур Вольтер пишет пятиактную оперу "Храм Славы". В 1750-е годы на разных театральных подмостках Парижа с успехом ставились его новые восточные трагедии – "Задиг" и "Семирамида". Философская подоплека "Задига" была понятна даже тем, кто не имел к философии никакого отношения. Великий маг спрашивает Задига: «Что на свете самое долгое и самое короткое, самое быстрое и самое медленное, самое делимое и самое беспредельное, самое пренебрегаемое и вызывающее больше всего сожалений, без чего ничего не делается все великое?" "Время", – ответил Задиг»[10].

В то же время Вольтер пишет новые трагедии: "Спасенный Рим" и "Орест". Но в это время серьезно изменились отношения Вольтера и актеров Комеди Франсэз. Дирекция и актеры театра стали относиться к драматургу высокомерно, пренебрегали его режиссерскими советами. Это заставило Вольтера открыть на улице Траверзьер свой домашний театр. В 1750 г. Вольтер уезжает в Пруссию к Фридриху II. Придворные прусского двора, для которых любительские спектакли являлись новшеством, с огромным удовольствием репетируют и играют в трагедиях Вольтера. При дворе Фридриха II были разыграны "Орлеанская девственница", "Заира", "Альзира", "Магомет", "Брут", "Смерть Цезаря" и "Спасенный Рим", до этого поставленный в домашнем театре Вольтера.

Уехав из Пруссии в 1753 г., Вольтер отправляется в поместье Делис, недалеко от Женевы, куда приезжает актер вольтеровского домашнего театра Лекен. Поместье охватила театральная лихорадка. Ставится любимая Вольтером и Лекеном трагедия "Заира". Этот спектакль имел успех и получил широкий резонанс. Вольтер мечтает о домашнем театре в Делисе. Но то, что сравнительно просто было сделать в Париже, оказалось почти невозможно в Швейцарии, так как кальвинизм отторгал все зрелища, празднества, театры, как не соответствующие духу и этическим нормам протестантизма. В Женеве театральные представления были запрещены еще самим Кальвином в XVI в. Хотя этот "женевский папа" умер в 1564 г., однако в 1732 г. в Женеве был издан новый указ против театральных зрелищ.

В 1752 г. пятнадцать подмастерьев-парикмахеров осмелились сыграть спектакль, избрав "Смерть Цезаря" Вольтера. За это они получили строгий выговор от женевских высших духовных властей. Гонения на театр и все виды празднеств были характерным явлением не только для Швейцарии в XVI–XVIII вв., но и для других протестантских стран – Англии (несмотря на театр Шекспира), скандинавских стран и немецких земель. Домашний театр Вольтера в Делисе вызвал серьезное недовольство церковных и светских властей Женевы.

Сложилась драматическая ситуация. Сами женевцы не могли устоять перед театральным искушением ни как зрители, ни как исполнители. Потребность человека в хлебе и зрелищах вечна. Борьба Вольтера за театр с властями Женевы продолжалась. В марте 1759 г. на городской площади Женевы была сожжена неизвестная книга неизвестного автора. Как потом оказалось это был "Кандид, или Оптимизм" Вольтера.

У Вольтера впереди было еще два десятилетия жизни. Будут написаны философские, исторические труды, будет еще работа над "Энциклопедией". Вольтер вновь вспомнит о театре. Он создаст пьесу "Простак", "Человек с сорока экю", "Принцесса Вавилонская", закончит "Орлеанскую девственницу". Уйдут вместе с веком со сцен и Франции, и других стран многие его пьесы. Но останется навсегда фраза героя "Кандида" Панглосса, не то действительно оптимистичная, не то ироничная (кто знает!?): "Все к лучшему в этом лучшем из миров". Театр Вольтера, первого драматурга Европы, как считали многие его современники, продолжал жить.

Театр не только праздник, но и жизнь народа, в котором "все мы смешные актеры в театре Господа Бога". Театр века Просвещения заложил основы сценического искусства будущего и оформил три его жанра – драму, балет, оперу. Театр интеллектуализировал потребность человека в зрелищах и в развлечениях. Правда, может быть с этим уходила в прошлое непосредственная праздничность и естественность жизни.

Игровые поля позднего Возрождения, "галантного века" и эпохи Просвещения были разрушены Великой французской революцией[11].

Появился новый Homo ludens и создал новое игровое поле. В эпоху Конвента разрабатываются развернутые системы национальных, гражданских и революционных празднеств. В Париже создаются специальные комитеты, занимающиеся кропотливой разработкой механизмов подготовки, организации и проведения революционных торжеств, до того времени невиданных ни в Европе, ни в самой Франции. Главной задачей их авторов было создание абсолютно новых представлений, в которых не было бы даже элементов зрелищ уничтоженного абсолютистского государства.

Сказать, что деятели французского Просвещения во многом работали на будущую революцию, даже не подозревая этого, как не подозревали гуманисты, что готовят Реформацию, значило бы открыть секрет Полишинеля. Тем не менее это было именно так. Среди философов Просвещения двое – Дени Дидро и Жан-Жак Руссо наиболее значительно теоретически разработали новые народные празднества, которые пришлись по вкусу деятелям революции.

Создание революционных праздников началось через несколько месяцев после взятия Бастилии 14 июля 1789 г., а спустя десять лет произошел государственный переворот 18 брюмера 1799 г. и началась эпоха Наполеона Бонапарта. Многие революционные праздники не были поэтому до конца разработаны. Большинство из них не укоренилось в культуре страны, поскольку их удалось отметить всего однажды. Но некоторые, в частности день взятия Бастилии, объявления республики, отмечались практически ежегодно до провозглашения Наполеона императором в 1804 г.

Во время реставрации монархии Бурбонов в 1814 г. все революционные праздники были отменены. В период Третьей Республики в 1880 г. день взятия Бастилии снова стал национальным праздником французского народа.

Деятели Французской революции хорошо знали магическую силу "хлеба и зрелищ", поэтому они сохранили театр как праздничное действо и в частности блестящий французский театр ушедших времен – Комеди Франсэз, объявив его национальным. На сцене театра Комеди Франсэз ставили "Севильского цирюльника" и "Свадьбу Фигаро" знаменитого французского писателя-комедиографа Пьера Огюста Карона де Бомарше. Имела успех пьеса Ода́ "Журналист теней, или Момус в Елисейских полях", где были выведены фигуры Вольтера, Руссо и Франклина, чьи идеи нашли воплощение в принципах революции. В сезон 1793–1794 гг. в Парижской опере шла опера Лемуана "Вся Греция, или что может совершить свобода". Главным оформителем театральных постановок в Париже был знаменитый революционный художник Жак Луи Давид.

После восстания 10 августа 1792 г. был открыт новый театр – театр Республики, где была поставлена пьеса Пьера Сильвена Марешаля "Страшный суд над королями". Этот политический фарс являлся лучшим представлением якобинского театра. В театральном сезоне 1793–1794 гг. эту пьесу, завоевавшую сердца революционеров и граждан, играли в театрах Парижа, Руана, Лилля и Гренобля. Поскольку солдаты и офицеры не имели возможности посетить театр, 6 тыс. экземпляров пьесы было напечатано Комитетом общественного спасения для распространения в армии.

На закате старого мира в Комеди Франсэз начинал свою счастливую карьеру молодой, талантливый Франсуа Жозеф Тальма, которому все пророчили славу и успех на сцене театра[12]. С началом революции Тальма встал на сторону революционно настроенных акте-

ров Комеди Франсэз, группировавшихся вокруг так называемой "Красной эскадры", и выступил за предоставление актерам гражданских прав и за театр нового революционного, а не придворного типа. Впоследствии Тальма станет одним из реформаторов сцены, актерского мастерства и актерской игры. В период революции к Тальма пришла слава. Он дебютировал в трагедии одного из самых известных поэтов революции Мари Жозефа Шенье "Карл IX". Слова героя, произнесенные красивым, звучным голосом Тальма:

Я предал отечество, честь и законы поправ,
И громы убьют нарушителя прав.
Эта гробница, Бастилии гнет роковой,
Рухнет однажды под властной рукой...

заглушались овацией зрителей и сделали его кумиром французских революционеров.

Тальма был близок к видным деятелям революции Бриссо, Верньо, Дантону, но ненавидел Марата и любил Наполеона, а впоследствии прослыл "актером императора".

А было время, когда почти никому неизвестный капитан Наполеон Бонапарт специально посетил в 1792 г. Комеди Франсэз, чтобы поздравить Тальма с его успехом в "Карле IX" и на всю жизнь остался горячим поклонником выдающегося актера.

Тальма оставил интересные "Мемуары", в которых талантливо передана сложная обстановка разных этапов Французской революции и наполеоновской Франции. Автор блестяще сделал в них зарисовки видных актеров, государственных и политических деятелей Франции того времени, в частности Наполеона, с его молодым тщеславием, которым, как считал Тальма, будущий император страдал всю свою жизнь. Впервые "Мемуары" Тальма были изданы в 1850 г. Александром Дюма.

В революционный период актерская среда театра Комеди Франсэз делилась на "красных" – приверженцев революции и "черных", оставшихся верными королю. При открытии сезона в этом театре перед публикой, как и всегда с началом республиканской эпохи, выступил представитель комитета по делам театра, речь которого обязательно затем обсуждалась в комитете. В нем, впрочем как и в других, существовали два крыла: умеренное и революционное. Представители революционного фланга считали, что театр и актеры обязаны служить "орудием человеческих мыслей", "предвосхищать" общественное движение.

На сцене Комеди Франсэз ставили буффонады, пользовавшиеся любовью зрителей, в частности популярные в то время "Три кузена" драматурга Шамприона.

Не менее красочным был революционный "Праздник Разума", который так же как и торжества в честь Верховного Существа был проведен только однажды в Париже 10 ноября 1793 г.[13]

По замыслу Пьера Шометта, одного из руководителей левых якобинцев, этот праздник должен был символизировать освобождение человеческого разума от пут католической религии. Действо началось в Соборе Парижской Богоматери, где была разыграна сцена из оперы Франсуа Жозефа Госсека "Жертвоприношение Свободе". Хор, "славящих Свободу", прославлял "Богиню Разума". На этом празднике "Богиню" изображала балерина Парижской оперы Тереза Анжелика Обри.

Представляя ее членам Конвента, Шометт назвал Обри "шедевром природы". В тот день 10 ноября 1793 г. в Париже было по осеннему холодно и сыро. Но в Соборе Парижской Богоматери и на площади перед ним, на улочках, ведущих к Собору, было многолюдно. Салютовали пушки в знак коронования нового Божества. Тереза Анжелика Обри стояла под сводами архиепископского Собора на воздвигнутой для праздника "горе" из размалеванного холста возле бутафорского античного храма в красной шапочке и белой хламиде, опоясанной пурпурной лентой, с копьем в руке как революционная Афина-Паллада XVIII в. Два хора, славящих Свободу, участники которого были также одеты в белые, на манер греческих, одежды, в венках из роз, возжигали перед ней ароматические смолы, отдавали почести и, протягивая к ней руки, пели: "Сойди к нам, о Свобода, дочь природы!" Толпа, переполнявшая собор, ревела от восторга и рукоплескала.

После торжественного представления в Соборе Парижской Богоматери четыре человека подняли "Богиню Разума" с троном, на котором она восседала, и в сопровождении хора и кордебалета понесли ее во дворец Тюильри. На качающихся над толпой шестах были надеты золотое облачение и митра архиепископа парижского, что, по замыслу устроителей празднества, должно было особенно обострить у зрителей ощущение праздника. В Конвенте его члены чествовали "Богиню Разума" "как новое божество человечества". Председатель Конвента Лалуа, приветствуя ее от имени собравшихся зрителей, обнял ее, возвел на трибуну и посадил рядом с собой. Из Тюильри "Богиню Разума" отнесли обратно в Собор Парижской Богоматери, и на этом праздник был закончен[14].

Судьба актрисы сложилась трагично. Впоследствии она некоторое время выступала на сцене Парижской оперы. После трагического падения в балете Луи Мелона "Возвращение Улисса" Анжелика Обри оставила сцену. Уличные парижские певцы долго еще распевали песню на стихи Пьера Жана Беранже, обращенные к женщине, игравшей "Богиню Разума", но никто не знал ее имя. Многие считали, что ею была мадам Мейяр, балетный кумир тех времен.

Тебя ли я видел в блеске красоты,
Когда толпа твой поезд окружала,
Когда бессмертною казалась ты,
Как та, чье знамя ты в руке держала?

Ты прелестью и славою цвела;
Народ кричал: "Хвала из рода в роды!"
Твой взор горел; Богиней ты была,
Богинею Свободы!

Жак Луи Давид особенно много сделал для оформления праздника в честь Верховного Существа, который отмечался в Париже 8 июня 1794 г., а также в некоторых других городах[15].

В тот день едва занялась заря, как со всех сторон зазвучала музыка. По фасадам зданий развевались трехцветные ленты, портики были украшены гирляндами зелени. Женщины вплетали цветы в свои волосы. Загудел колокол. Дома пустели. Площади и улицы наполнились ликующим народом, играла музыка, били барабаны. Юноши с ружьями в руках образовывали каре вокруг знамен своих секций. Женщины и девушки несли букеты роз и корзины с цветами. Мужчины были вооружены шпагами, а в руках держали дубовые ветви. Салют артиллерии возвестил о начале праздника. Граждане устремились в сад Тюильри и столпились там вокруг амфитеатра, предназначенного для членов Конвента. Портики, окружающие амфитеатр, были увешаны гирляндами зелени и цветов, перевитыми трехцветными лентами. На трибуну, установленную в центре амфитеатра, взошел председатель Национального Конвента Максимилиан Робеспьер – вдохновитель праздника в честь Верховного Существа. Он призвал воздать почести создателю природы. Раздались радостные возгласы. В нижней части амфитеатра был воздвигнут памятник, изображающий всех врагов общественного Блага: унылое чудовище Атеизма (Робеспьер был яростным противником атеизма), которое поддерживали изображения Высокомерия, Эгоизма, Разногласия, Ложной Простоты. На лбу этих фигур было начертано: "Единственная надежда иностранца, она будет от него отнята".

Робеспьер с факелом в руке приблизился к этим фигурам и поджег их. Из их пепла возвысилась олицетворение Мудрости со спокойным и ясным челом, актер, исполнявший эту роль, призвал народ воздать почести Верховному Существу. Первый этап церемонии закончился радостным пением. Раздалась дробь барабанов, пронзительный звук трубы огласил воздух. Затем две колонны мужчин и женщин прошествовали по саду Тюильри. Маршировало каре юношей, городские секции следовали друг за другом по алфавитному списку.

Среди народа появились депутаты с букетами из колосьев пшеницы, цветами и фруктами – символами возложенной на них миссии народного благоденствия и процветания.

В центре колонны депутатов взорам людей открылись четыре могучих быка, покрытых гирляндами из зелени, которые везли колесницу с трофеем – атрибутами искусства, ремесленными инструментами, дарами и плодами французской земли. Во время их шествия статуя Свободы была украшена плодами и цветами. Праздничный кортеж вступил на Марсово поле, ставшее полем Объединения,

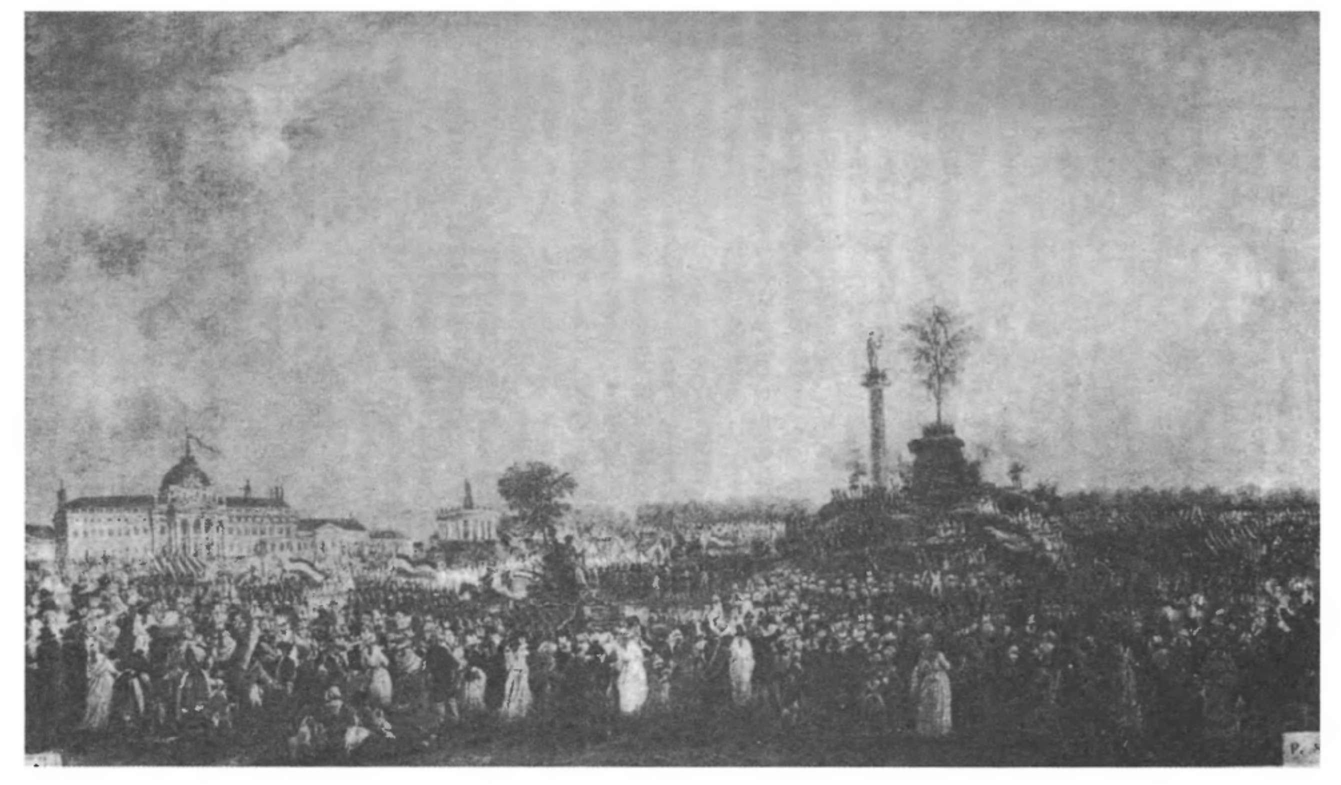

Рис. 1. Праздник Верховного Существа во Франции 20 прериаля II года (8 июня 1794 г.)

где возвышалось дерево Свободы, вокруг которого народ пел революционные песни и приносил клятву не складывать оружия, пока не будут уничтожены все враги Республики.

В финале праздника мощный артиллерийский залп возвестил, что наступил день Славы. Снова зазвучала революционная песня. Единый, как общий вздох, возглас "Да здравствует Республика!" был обращен к Верховному Существу.

К революционным праздникам относится и праздник Федерации, проведенный во многих городах Франции[16]. В Париже он торжественно отмечался 14 июля 1790 и 1793 гг. и был приурочен к празднику взятия Бастилии. В столице центром этого ритуала стало Марсово поле, которое в эти дни превращалось в огромный театр. Многотысячная толпа 14 июля 1790 г. впервые распевала под звуки оркестра знаменитую патриотическую песню "Ça ira", песню будущего и надежды, которая скоро стала песнью смерти. По краям Марсова поля наспех соорудили скамейки, а в центре круглую площадку для представлений. Трибуны Марсова поля были увиты цветами и зелеными ветками. Мужчины держали в руках оружие, женщины – цветы. Гремели оркестры, произносились революционные речи. На протяжении всего праздника не смолкала патриотическая песня.

А, ça ira, ça ira, ça ira.
На фонари аристократов.

Среди других революционных церемоний можно выделить праздник дерева Свободы в Тюильри в честь свержения Людовика XVI. Направлявшаяся к королевскому дворцу толпа несла знамена, среди которых были примечательны два: первое – черные, старые штаны с надписью "Трепещите, аристократы, вот идут санкюлоты", второе – проткнутое копьем сердце теленка. Шествие сопровождалось революционной музыкой и песнями. Действо завершилось посадкой дерева Свободы[17].

К праздникам революции относились также процессии вооруженных молодых санкюлотов, проходившие в парижских секциях. Они сопровождались музыкой и революционными песнями.

Революция создала огромный цикл своих песен, которые, несомненно, можно считать праздничным элементом жизни французских революционеров. Среди них: "Марсельеза" Руже де Лиля, "Ça ira", "Песнь на осаду и взятие Бастилии", "Карманьола", "Песнь Котла", "Романс" Н. Монжурдена, "Куплеты о республиканском календаре", "Перманентная Гильотина", «Кораблю "Мститель"», "К французам", "Французский народ франтам", "Гимн 9 термидора II года", слова которого принадлежат знаменитому революционному поэту Мари Жозефу Шенье. Он же написал и "Гимн равенству"[18].

Безусловно, революция 1789 г. создала свое игровое поле – политико-государственное, но из него ушел дух старого доброго праздника как естественной потребности человеческого тела и души.

[1] *Хейзинга Й.* Homo ludens. М., 1992.
[2] Les grandes traditions de la fête. P., 1975.
[3] *Хейзинга Й.* Осень средневековья. М., 1988. С. 87.
[4] *Фукс Э.* Иллюстрированная история нравов: Галантный век. М., 1994.
[5] Les grandes traditions de la fête; Fêtes et cultures. P., 1979.
[6] *Фукс Э.* Галантный век. М., 1994. С. 469.
[7] *Чигарева Е.И.* "Волшебная флейта" Моцарта – опера-утопия // Культура эпохи Просвещения. М., 1993.
[8] *Акимова А.А.* Вольтер. М., 1970; *Кагарлицкий Ю.И.* Шекспир и Вольтер. М., 1980.
[9] *Акимова А.А.* Указ. соч. С. 152.
[10] Там же. С. 190.
[11] Свобода, равенство, братство. Л., 1989; Празднества и песни французской революции. Пг., 1917; Les fêtes de la Revolution. P., 1977; *Ozouf M.* La fête révolutionnaire. 1789–1799. P., 1976.
[12] Свобода, равенство, братство. Л., 1989. С. 163–172.
[13] *Aulard F.-A.* Le culte de la Raison et le culte de l'être suprême. P., 1892. P. 52–58; *Тьерсо Ж.* Празднества и песни Французской революции. Пг., 1917. С. 113–139; *Vovelle M.* La mentalité révolutionnaire: société et mentalités sous la Révolution française. P., 1985. *Бунин И.А.* Богиня Разума // Литературное наследство. М., 1973. Т. 84, Книга 1. С. 78–87.
[14] *Vovelle M.* Révolution: Le dechritinisation de l'An II. P., 1976.
[15] *Aulard F.-A.* Op. cit. P. 308–321; Свобода... С. 352–359; *Тьерсо Ж.* Указ. соч. С. 141–177.
[16] Свобода, равенство, братство. Л., 1989.
[17] Там же.
[18] *Тьерсо Ж.* Указ. соч. С. 141–177.

УИЛЬЯМ ПИТТ-МЛАДШИЙ И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ*

Н.Н. Яковлев

Великая французская революция потрясла устои тогдашнего цивилизованного мира. Не могла она не оказать большого влияния на ближайшую соседку Франции – Великобританию. Стоит напомнить, что расстояние от Парижа до Лондона – пустяк по сравнению с теми сотнями и тысячами миль, которые разделяли Париж с Мадридом, Веной, Берлином, не говоря о Варшаве и Санкт-Петербурге.

Среди ряда исследователей когда-то бытовало мнение, что Англия с самого начала заняла однозначно враждебную позицию по отношению к событиям во Франции, начиная с 14 июля 1789 г. Не утруждая себя рассмотрением очень непростого хода первых лет революции во Франции и отклика на них в Англии, сразу де-

---

* Выступление на конференции, посвященной памяти А.З. Манфреда 5 апреля 2000 г.

лался переход к событиям якобинской диктатуры, далее, естественно, появлялось "золото Питта" и т.д.

В мою задачу входит рассмотрение не менее запутанной, чем ход революции во Франции, эволюции отношения У. Питта-младшего ко всем этим событиям.

Несколько слов о реакции британцев на французскую революцию. Однозначно можно утверждать, что большинство англичан сначала восприняли ее отнюдь не враждебно, если не сказать – даже благожелательно. Собрание генеральных штатов, клятва в Зале для игры в мяч, взятие Бастилии, осенний марш на Версаль, – все это не встретило неодобрения по ту сторону Ла-Манша. Это не означает, впрочем, что большинству британцев импонировали революционные принципы и лозунги. Одни были рады видеть ослабление традиционного соперника, надеясь, что внутренние неурядицы подорвут вновь укрепившиеся позиции Версаля на международной арене (вспомним, что Франция считалась победительницей в войне Англии с 13-ю американскими колониями; не была поставлена точка в англо-прусско-французском конфликте в Голландии и австрийских Нидерландах, наконец, беспокойство в Лондоне вызывала активная восточная политика Франции). Были и те, кто считал, что Людовик XVI наказан за помощь мятежным североамериканским колониям. Единственно, кто однозначно воспрянул духом, так это виги Ч.Дж. Фокса. Потерпевшие сокрушительное поражение на выборах 1784 г., буквально загнанные в угол Питтом и его парламентским большинством, они увидели в событиях во Франции некий шанс для себя. Сам Фокс, по словам одного из исследователей, не мог дышать ничем иным, кроме как воздухом свободы, и называл взятие Бастилии величайшим событием в истории человечества.

Впрочем, для многих, далеких от партийных страстей, Франция оставалась страной деревянных башмаков, черного хлеба и папистов.

Теперь непосредственно об У. Питте-младшем. По мнению подавляющего большинства историков, именно Французская революция явилась водоразделом в его жизненном пути. Питт 80-х годов XVIII в. оказался настолько не похож на Питта годов 90-х, что можно было подумать, будто речь заходит о разных людях.

Как и большинство его соотечественников, Питт не воспринял события во Франции отрицательно, более того, он даже симпатизировал умеренному крылу революционеров. Он лелеял надежды на установление во Франции режима, подобного тому, что сложился в Англии после 1688 г., т.е. компромиссу между монархом, кабинетом и парламентом. Проще говоря, речь шла о создании во Франции конституционной монархии.

По мнению одного из наиболее авторитетных биографов Питта Дж. Роуза, его отношение к событиям во Франции на протяжении начальной фазы событий 1789 г. было подчеркнуто лояльным. Премь-

Рис. 2. Портрет У. Питта-младшего

ер заверил французского посла маркиза де Люзерна, что Великобритания и Франция имеют сходные интересы – усиливаться самим и не позволять делать этого другим. В это время для Питта на первом месте стояли внешнеполитические факторы. Как известно, в ходе внутриполитических неурядиц в 1788 г. в Голландии столкнулись интересы Великобритании и Пруссии с одной стороны, и Франции с другой. Сейчас нет необходимости подробно рассматривать эту коллизию, вопрос достаточно хорошо изучен, стоит лишь сказать, что упомянутые европейские державы поддержали разные стороны в ходе конфликта. В конце концов Франции пришлось уступить. Так вот, Питт считал, что если Франция окончательно признает победу англо-прусского союза, не будет пытаться вмешиваться в дела австрийских Нидерландов и умерит свои амбиции на Востоке, это будет способствовать восстановлению баланса сил в Европе, нарушенного итогами войны в Северной Америке и резко возросшего на протяжении 80-х годов внешнеполитической активностью Версаля.

Однако по мере развития событий по ту сторону Ла-Манша Питт начал ощущать некоторое беспокойство. Как он писал в это

время матери: "Все мы – взволнованные зрители", – имея в виду события во Франции. С этого времени Питт принял за основу чисто прагматический, реалистический подход к французским событиям. Как всегда, он исходил из заботы об интересах Британии в той мере, в какой он их понимал. Безусловной заботой Питта было сохранение в незыблемости английской политической системы с монархом в качестве ее ядра при соответствующей роли кабинета и парламента.

Вопрос о влиянии событий во Франции на внутриполитическую борьбу в Англии далеко не прост и требует специального рассмотрения. Однозначно можно утверждать, что под влиянием французских событий как никогда актуальным стал главный вопрос британской общественной жизни последних лет – проблема избирательной реформы. Сам Питт в свое время был ее горячим сторонником, вносил в 1785 г. соответствующий билль, но потерпел неудачу. Теперь нужно было действовать по-иному.

Если Ч. Дж. Фокс и его виги высказали уже известную позицию по отношению к революции, а в ноябре 1789 г. Лондонское революционное общество (название не имеет никакого отношения к Франции, общество было создано в 1788 г. для празднования годовщины "Славной революции") единодушно приняло обращение к Национальному собранию, поздравлявшего его с победой над абсолютизмом, то, с другой стороны, Э. Берк отзывался о событиях во Франции совершенно по-иному, что в конце концов вылилось в его знаменитый памфлет "Размышления о французской революции".

Как премьер-практик Питт был равно удален, как от восторгов Фокса, так и от переходящих в истерику оценок Берка, главным было обеспечение внутриполитической стабильности. Если говорить о периоде конца 1789 – начала 1790 г., то ей в Британии практически ничто не угрожало. Авторитет монархии был как никогда за все долгое правление Георга III велик, радикальное движение еще не успело проявить себя. Единственно, что беспокоило Питта – так это возможность чрезмерного ослабления и даже упадка Франции, что грозило нарушением баланса сил в Европе.

В это время Питт подходил к Франции в первую очередь как дипломат и финансист. Вот характерный пример. В связи с известными продовольственными затруднениями в Париже французская сторона обратилась к Лондону с просьбой о поставке 20 тыс. мешков муки. Питт отказал, ссылаясь на то, что подобная сделка не предусмотрена условиями торгового договора 1786 г. Есть мнение, что подобный шаг положил начало демонизации образа Питта в глазах французов.

Вообще в это время англо-французские отношения были далеки от совершенства. Британский посол герцог Дорсет докладывал о нежелательности появления англичан на улицах Парижа на фоне торжеств по поводу взятия Бастилии и последующих событий. Он же

сообщал о появившихся в Париже “диких слухах о намерениях Англии уничтожить французские корабли и доки в Бресте или спровоцировать беспорядки во Франции”.

Впрочем, Дорсета вскоре сменил лорд Фитцджеральд, в обязанности которого вменялось сделать все возможное для развития дружественных отношений с французским правительством.

В этом посол, впрочем, не преуспел, и в феврале 1790 г. британский парламент счел необходимым обсудить возможность увеличения численности армии, тогда едва достигавшей 20 тыс. человек. 9 февраля Питт наконец-то высказал свою оценку будущих возможных событий. Он считал, что нынешние общественные потрясения во Франции должны рано или поздно закончиться установлением всеобщей гармонии и должного порядка. Это позволит Франции вновь вступить в число наиболее блестящих государств Европы. В то же время для достижения этой цели джентльмены (коммонеры. – *Н.Я.*), должны не ослаблять своей воли во имя укрепления мощи страны.

Из этого, впрочем, не следует, что Питт планировал какие-либо силовые акции против Франции. Так, известно, что он выразил крайнее сожаление по поводу подписания прусским королем Фридрихом Вильгельмом, союзником Великобритании, известной совместной декларации с австрийским императором Леопольдом в августе 1791 г.

Примерно к этому же времени относится встреча Питта с Э. Берком, выступившим полпредом французских эмигрантов, настаивавших на вмешательстве Британии в дела на континенте. И снова Питт однозначно высказался за нейтралитет.

Тем временем в Англии начало проявлять себя общественное мнение, причем оценки событий во Франции были совершенно различны. С одной стороны, известный британский политик лорд Стэнхоуп, например, писал тогда министру иностранных дел Гренвиллу: “Боже! Боже! Мой дорогой лорд, Вы не представляете себе масштабы бедствий, которые вы можете навлечь на Англию участием в войне с Францией. Я верю, что вся Европа не в силах совладать с Францией, какие бы усилия не предпринимались”. Ч.Дж. Фокс при известиях о первых победах революционной армии заявлял, что даже Саратога и Йорктаун не приводили его в такое восхищение.

Ни Питт, ни Георг III однозначно не хотели войны. Премьеру необходим был мир для завершения реформ, монарх же хорошо помнил, чем закончилось пусть даже не прямое столкновение с Францией в 1776–1783 гг.

В бюджетной речи в феврале 1792 г. Питт снова высказался в пользу мира. С целью продолжения переговоров французскому послу было позволено, впрочем, в неофициальном статусе остаться в Лондоне даже после свержения монархии во Франции в августе 1792 г. Но в ноябре того же года революционное прави-

тельство объявило о поддержке Францией любого народа, борющегося против тирании. Вскоре последовал отказ Франции уважать нейтралитет устья Шельды, и, наконец – вторжение в австрийские Нидерланды.

В самой Британии 20 ноября 1792 г. Дж. Ривсом была учреждена "Ассоциации во имя сохранения свободы против республиканцев и левеллеров". Организация была создана под патронатом Короны, и Питт, верный палладин Георга III, не мог не выразить к ней своего отношения. Ассоциация была создана неспроста, по стране шла волна собраний, митингов, принимались петиции и резолюции. Главным требованием была избирательная реформа. Часть реформаторов, группировавшихся вокруг Лондонского Корреспондентского Общества и Общества Друзей Народа, настаивали на проведении изменений в избирательном законодательстве.

Однако к этому времени, еще до падения Людовика XVI, Георг III решил, наконец, что дальнейшее развитие французской революции может угрожать и его собственному трону. Это и решило дело. Сторонников реформ стали рассматривать чуть ли не как революционеров (позже – якобинцев) и даже агентов Франции. К началу войны Питт перешел на явно консервативную точку зрения на избирательную реформу. К этому времени планы реформаторов были скомпрометированы в глазах большинства общественности, дело шло к разгрому вигской оппозиции, нарастала волна реакции.

На этом фоне пришла весть об объявлении Францией войны. Это произошло 1 февраля 1793 г. Итак, несмотря на все старания Питта, разразилась война, занявшая долгие 18 лет и конца которой Питту не суждено было увидеть. А ведь накануне рокового 1 февраля, в бюджетной речи в парламенте 31 января Питт недвусмысленно высказался в пользу сокращения армии и флота и снижения налогов. По оценке одного из биографов Питта, то был "апофеоз нейтралитета". Питт на пороге чуть ли не двадцатилетней войны предрек 15 лет мира. Иногда это принимали за политическую слепоту. Однако были бы вообще какие-либо шансы на мир, если бы Питт высказался в пользу войны?

Объявление войны в корне изменило внутриполитическое положение в Англии. В стране активно действовали сторонники изданной еще в 1792 г., но не всеми принятой всерьез королевской прокламации, "официально предупреждавшей всех подданных против разрушительных, безнравственных и подстрекательских сочинений". Необыкновенный размах приняла деятельность вышеупомянутой "Ассоциации" Ривса, которую правительство не могло не поддержать. Главной целью этой одиозной организации было "убедить британцев, что они наслаждались истинной свободой при монархии и им не следовало поддаваться на иллюзорные свободы, провозглашенные французскими революционерами".

Все это происходило на фоне неудач Австрии и Пруссии в боях против Франции и вялых действий в Нидерландах небольшой британской армии, к тому же находившейся под командованием совершенно бездарного герцога Йоркского. Тем более важными считались победы над "врагом внутренним". Начало войны было отмечено беспорядками в нескольких промышленных городах, в первую очередь в Шеффилде. В 1794 г. произошло беспрецедентное событие – приостановка знаменитого Хабеус Корпус Акта, являвшегося одним из столпов британского законодательства. Сделано это было для пресечения деятельности тех, кто якобы готовил заговоры против короля и правительства. Вместе с тем, администрация Питта была больше заинтересована в антиреволюционной пропаганде, нежели в осуждении виновных. Осуждение и наказание сторонников реформ могло вызвать возмущение общественности и дать дополнительный импульс реформаторскому движению.

В 1795 г. был принят "Акт об антиправительственных собраниях", согласно которому все митинги численностью более 50 участников требовали предварительного уведомления, а все лекции за пределами школ и университетов могли проходить только с разрешения местных властей.

Заслуживает внимания и отношение Питта к казни Людовика XVI и Марии Антуанетты. Иногда Питта упрекали за безразличное отношение к их судьбе. Во-первых, Питт действительно был преданным партнером и даже в какой-то мере слугой Георга III, хотя стал первым премьер-министром в смысле, приближавшемся к более современному пониманию этого термина. Вместе с тем нет достоверных данных, в какой мере Питт, формально "новый тори", но в душе, без сомнения, виг, был адептом монархизма. Во-вторых, как политик-прагматик, а этот подход был вообще всегда присущ ему, в том числе и по отношению к Французской революции, он никак не мог питать теплых чувств по отношению к королевской чете. Опять-таки, именно Людовик XVI был одним из главных виновников унизительного поражения Британии в войне с американскими колониями. В свою очередь, Мария Антуанетта всегда интриговала против Англии, используя своих венценосных родственников, и даже на суде не нашла ничего лучшего, как обвинить именно Великобританию во всех своих злоключениях.

Тем временем репрессивные действия властей продолжались. В конце 1795 г. всем, выступавшим против британского государственного устройства, уже грозила высылка сроком до семи лет. Однако большинство британцев встретили эти меры Короны и кабинета спокойно, что говорило о том, что масштабы недовольства сильно преувеличивались. На практике репрессивные меры принимались не так уж и часто, и вообще вопрос о том, была ли у правительства единая согласованная программа скоординированных репрессий, является спорным.

Правда, в 1795 и 1797 гг. в Лондоне происходили волнения, толпа скандировала "Нет войне! Хлеба! Долой Питта!", были выбиты стекла в резиденции премьера, известны случаи нападения на экипажи Георга III и самого Питта, впрочем, обошедшиеся без особых последствий.

На деле все это было не происками местных "якобинцев", ни одного из которых так и не удалось обнаружить, а объяснялось тяготами войны, неурожаями, резким ростом цен на продовольствие. И вообще, даже требования радикалов были гораздо ближе к тем, которые полвека спустя выдвинули чартисты, нежели к лозунгам, провозглашенным по ту сторону Ла-Манша.

Тем не менее французская революция нанесла сильнейший удар не только по радикалам, но и по вигской оппозиции "Его Величества" в парламенте. Ч.Дж. Фокс, помимо того, что твердо придерживался идеи о необходимости парламентской реформы, постоянно выступал за переговоры и мир с Францией, особенно после падения якобинцев, идея и политика которых, впрочем, даже у него не вызывала никаких симпатий.

Несколько слов о ходе войны. Питт-младший в отличие от своего отца оказался плохим стратегом. Великобритания придерживалась традиционной военной политики – обеспечению господства на морях, действиям в колониях и субсидированием своих континентальных союзников. Питт был против активного вовлечения Британии в войну на континенте и не поддерживал идею участия в "крестовом походе" абсолютистских монархов против революции.

Однако союзники Англии на континенте терпели поражение за поражением, поддержка действий противников революции в Вандее и Бретани обернулась полным крахом. Морские победы над голландцами при Кемпрдауне и испанцами у Сент-Винсета не могли компенсировать блестящих успехов французов в Европе, где все выше восходила звезда Наполеона.

В конечном счете, дело, как известно, закончилось крахом первой коалиции и Базельским и Кампоформийским мирными договорами (соответственно 1795 и 1797 гг.).

Не сопутствовала удача и второй коалиции, временный перерыв в войне принес Амьенский мирный договор 1801 г., в этом же году Питт ушел в отставку. На протяжении своего второго министерства (1804–1806 гг.) Питт безуспешно пытался одолеть Францию. Ему суждено было увидеть наконец победу Британии – разгром Г. Нельсоном франко-испанского флота при Трафальгаре, после чего исчезла угроза вторжения Наполеона на британские острова.

В Англии еще продолжали праздновать Трафальгар, когда пришла весть о триумфе Наполеона при Аустерлице 2 декабря 1805 г. Этот удар оказался для тяжело больного Питта роковым. "Сверните карту Европы, она не понадобится больше в течение десяти лет", – сказал он.

22 января 1806 г. У. Питт-младший скончался. Подход Питта к французской революции и последующей войне ни в коей мере не был идеологическим, тем более доктринерским. Он всегда действовал как политик-прагматик, на первое место ставивший глобальные и внутренние интересы Британии в его понимании. Питт никогда не являлся сторонником конфронтации с Францией и всемерно пытался оттянуть начало войны для завершения широкомасштабных реформ, предпринятых им в 80-е годы XVIII в.

"ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ" ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА XVIII века

А.В. Гордон

С первых актов Советской власти Великая французская революция заняла особое место в идейно-политической жизни молодого государства. Созидатели нового общественного строя, отряхнув "прах" прошлого, остро нуждались, тем не менее, в духовной связи с культурными традициями, чтобы полноценно воспринять смысл произошедшего и объяснить его всему миру. Общество, возникшее благодаря Октябрьской революции, искало в исторической памяти человечества наиболее понятные, поучительные и главное вдохновляющие для себя образцы революционного творчества. В силу обстоятельств как объективного характера (международное влияние революции, ее радикализм, размах массового движения), так и особенностей национального восприятия наиболее адекватным этому общественному интересу образцом оказалась революция XVIII в. во Франции. В России изначально сложилось отождествление ее с революцией вообще, а к середине XIX в. среди демократической интеллигенции уже стали отмечать своего рода культ, и в этом качестве культового события революция 1789 г. вошла заметной частью в раннюю историю Советского государства.

В сознании участников и современников Октябрьская революция представлялась прямым продолжением Французской революции. Вожди "той" революции – якобинцы, Марат, Робеспьер – казались русским революционерам в полном смысле "своими", их чтили как героев одной-единственной Революции (конечно, с большой буквы). Сложились глубинные предпосылки для концепции "революции-прообраза", и ее широко использовали в первое десятилетие Советской власти, когда та, отбросив государственно-монархическую и церковно-православную традицию Российской империи, искала новую историческую легитимность. В этой роли и выступала интернационально-революционная политическая традиция, в которой выдающееся место заняли понятия, символы, персонажи якобинской государственности.

Бурный всплеск общественного интереса реализовался в советское время в интенсивном и разветвленном изучении Французской революции. Именно при Советской власти оно приобрело статус специальной научной дисциплины, формирование которой представляет плод усилий многих и многих людей науки, а реальные результаты измеряются сотнями больших и малых работ[1]. В их числе капитальные монографические исследования, получившие международное признание.

Вместе с тем идеологический статус Французской революции как "революции-двойника" Октября 1917 г. придавал особый характер ее изучению в СССР. Можно сказать, что соответствующая научная дисциплина была в большей мере "партийной наукой", чем изучение многих других событий и разделов новой истории. В результате, зеркально отражая в своем развитии идейно-политические коллизии истории советского общества, она претерпела значительную и поучительную эволюцию. Особенно драматическим был переход в 30-е годы от "революции-прообраза" к "революции-антиподу".

Он связан непосредственно с внедрением директивных указаний И.В. Сталина, который обосновал коренную противоположность революции в СССР всем революциям прошлого как революциям буржуазным. С тех пор в освещении революции XVIII в. советскими историками акцент был сделан на раскрытии пороков буржуазной демократии и эксплуататорской сущности установленного общественного строя. Отражением смещения акцентов от преемственности к противоположности было введение нового директивного определения – "французская буржуазная революция 1789–1794 гг.". Так и назывался основной коллективный труд того времени, изданный в1941 г. Он начинался и заканчивался ссылкой на всецело отвергавшее преемственность "указание тов. Сталина" о том, что революция 1917 г. "не является ни продолжением, ни завершением" революции XVIII в.[2]

Начавшаяся в 1956 г. в советском обществе десталинизация нашла немедленное и почти буквальное отражение в историографии – "указание" было предано забвению и восстановлен статус революции XVIII в. как "великой". Первым из специалистов выразил этот дух перемен А.З. Манфред, переиздав общий обзор истории Французской революции. Символом перемен стало изменение названия – с "Французская буржуазная революция конца XVIII века (1789–1794)" в 1950 г. на "Великая французская буржуазная революция XVIII века" в 1956 г. Новое название подчеркивало восстановление исторической преемственности революций (Великая Французская – Великая Октябрьская), духом которой была проникнута ранняя советская историография.

Восстанавливалась в ту пору не только идейно-политическая, но и научная преемственность. Возвращались из спецхранов[3] книги, которыми нельзя было пользоваться в научном обиходе[4]; возвращались

имена, на которые нельзя было ссылаться и которые не следовало даже упоминать. Возвращались из зоны забвения те, кто выжил. С каким трепетным уважением встречали в секторе новой истории Института истории АН СССР Я.М. Захера и С.А. Лотте (которые приезжали из Ленинграда для выступлений на заседаниях французской группы или группы по истории социалистических идей), с тем же чувством приняли В.М. Далина, ставшего одним из ведущих исследователей Франции, "одним из тех, кто определяет уровень и облик этой отрасли знания"[5].

Реабилитировались ученые, пострадавшие за свои исследования Французской революции, реабилитировалась наука, реабилитировалась сама революция. Все это были взаимосвязанные процессы, точнее различные аспекты единого процесса возрождения исторической традиции[6]. Разумеется, возрождение принимало определенные формы, обусловленные сохранением директивного идеологического режима, и происходило в рамках курса партийного руководства, провозглашенного XX съездом КПСС.

Идейным знаменем, а отчасти политическим прикрытием научных новаций стало возвращение к ленинскому наследию. Первый номер знакового и очень значимого в ту пору нововведения Института истории – "Французского ежегодника" открывался программной статьей В.П. Волгина[7] "Ленин и революционные традиции французского народа". "Победе российского рабочего класса, впервые в истории человечества создавшего в своей стране социалистическое государство, предшествовали, – подчеркивал академик, – долгие годы борьбы революционных борцов всех стран и народов. Отмечая сорокалетие своей революции, советский народ, следуя заветам своего великого вождя, не может не вспомнить своих славных предшественников. Среди них одно из первых мест занимают революционные борцы французского народа"[8].

После жестокой и деморализующей борьбы с "космополитизмом", завершившейся только что, со смертью ее вдохновителя и организатора, слова о "славных предшественниках" инородного и иноземного происхождения звучали впечатляюще и обнадеживали не только специалистов по истории Франции[9]. Реабилитация интернациональных революционных традиций сделалась на первых порах лейтмотивом десталинизации Французской революции. И в этом направлении роль А.З. Манфреда оказалась очень заметной.

На исходе советской эпохи, когда историографии революции были предъявлены отчасти заслуженные ею обвинения, "восхваление" якобинской диктатуры и "восхищение" якобинскими лидерами персонально в работах Манфреда стали объектом особенно жесткой критики[10]. Спустя годы приходится задуматься о восстановлении исторической перспективы. Оценка идеологической ситуации конца 50-х – начала 60-х годов по нормам и критериям "эпохи гласности" затушевывает специфику того этапа советской историографии, лишает его внутренней динамики, понятной, видимо, уже немногим.

Я слышал выступления Манфреда и Далина в мае 1958 г. на заседании, посвященном 200-летию со дня рождения Робеспьера, и мои впечатления сохраняют светлый образ праздника. Сияющий небесной голубизной яркий солнечный день ленинградской весны. Полный зал монументального здания на Биржевой линии. Взволнованная предстоящим действом публика – весьма солидные тогда для меня люди, ученые только что воссозданного Ленинградского отделения Института истории[11], сотрудники БАН, других учреждений Академии, преподаватели университета. Торжественности мероприятия прекрасно соответствовал ораторский стиль докладчиков. С каким вдохновением они говорили, как умели донести до слушателей свои чувства, как чутко воспринимала их аудитория. Когда Манфред произносил знаменитую фразу Ж. Жореса, звучало это, словно именно советский ученый во время решающей схватки в Конвенте встает "рядом с Неподкупным"; и, наверное, не один я проникался тем сгущением времени, о котором спустя четверть века вспоминал Далин[12]. Манфред явно говорил от себя, от нашего современника и о нашем современнике.

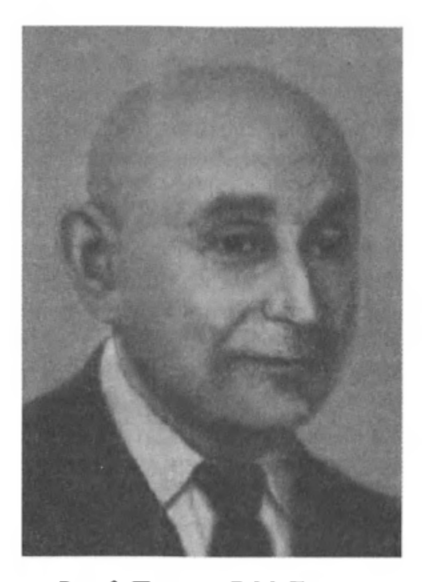

Рис. 3. Портрет В.М. Далина

Мне, начинающему, важно было убедиться в глубоком интересе к "той" революции и ее деятелям. Собственно и для науки юбилей был значим пробуждением или, скорее, освобождением скованного лихолетьем общественного интереса. Вся незаурядная сила слова, высокое вдохновение и замечательное историческое воображение докладчиков были подчинены цели, которую раскрывала уже первая завораживающая фраза Манфреда: "В истории есть имена, которых ни время, ни страсти, ни равнодушие не могут вытравить из памяти поколений"[13].

Подобный тон я слышал лишь в прославлении великих вождей пролетариата, героев гражданской и Великой Отечественной войн или великих русских революционеров-демократов, полководцев, первопроходцев. Робеспьер возводился на идеологический Олимп, хотя по господствовавшим критериям места ему там не находилось. Может быть, от такой "неувязки" в декларациях Манфреда звучал некий вызов, патетика его приобретала особую изощренность "высокого стиля", которая была воспринята далеко не всеми. А возможно, суть в революционном романтизме, который был столь характе-

рен для советских историков 20-х годов и выделял Манфреда и Далина среди коллег в 50–60-е годы. Как бы то ни было именно в обусловленной советским прошлым (включая культ сверхличности) форме героизации якобинских вождей происходила реабилитация Французской революции, ее возвращение к статусу "прообраза" и званию "великой".

В смене определения заключался и другой, более глубокий и не осознанный тогда до конца, возможно, самим автором смысл – признание роли революции в формировании новой цивилизации, "цивилизации нового времени"[14]. Да, в работах Манфреда и 1956 г., и более поздних лет (как и в работах других ученых), сохранялась известная двойственность, восходящая к основополагающему объяснению В.И. Лениным, почему революцию XVIII в. следует называть "великой". С одной стороны, классик марксизма признает культурно-цивилизационное значение революции для "всего человечества"; с другой – подчеркивает ее выдающееся значение исключительно "для своего класса, для которого она работала, для буржуазии"[15].

Мы находим и в издании 1956 г. дежурные фразы о "глубочайших отличиях" революции 1789 г. от 1917 г.: "Блеск Французской революции оказался кратковременным и обманчивым; реальное содержание этой революции – установление господства буржуазии, создание строя капиталистической эксплуатации... Вместо золотого века свободы и всеобщего счастья, о чем мечтали буржуазные революционеры, наступило царство всесилия чистогана, погони за наживой, мелких низменных страстей и чудовищной эксплуатации трудящихся масс. Великая же Октябрьская социалистическая революция ... открыла... начало новой эры в истории человечества – уничтожение эксплуатации человека человеком"[16].

Все же в раскрытии значения революции XVIII в. появляются новые элементы, выходящие за рамки "буржуазной сущности" и "эксплуататорской ограниченности". Прежде всего – это определение характера революционной идеологии. Самым существенным добавлением во втором издании книги было включение Манфредом главы о Просвещении. Правда, упрощая смысл явления, глава носила название "Просветительство", и автор рассматривал культуру Франции XVIII в. главным образом в плане "идеологической подготовки революции". Тем не менее само включение обзора идей Просвещения и выдвижение его на передний план (2-я глава) были по меньшей мере симптоматичны.

Для сталинского периода советской историографии было типично малоуважительное в целом отношение к сфере идей, сознания, к культуре. Все это объявлялось "надстройкой", а ей следовало отражать "базис". Постулат о "первичности" материи и "вторичности" сознания стал высшим ценностным критерием, его признание определяло степень прогрессивности данного мыслителя. Эти установки вкупе с догмами классового подхода доведенного до "арифмети-

ского" редукционизма, когда исторические явления, взгляды и поведение исторических деятелей определял узкий набор оценок классовой "сущности", создавали неблагоприятный контекст для характеристики Просвещения, значения его идей в подготовке революции и роли ее в развитии и трансформации этих идей. Красноречивый пример – упомянутый коллективный труд 1941 г.

Критическое отношение к Просвещению авторы выражали на первой же странице тремя знаковыми штрихами: "заковычиванием" важнейшего понятия и добавлением уточняющих определений "так называемое" и "буржуазное". Классовая суть подчеркивалась отождествлением Просвещения с буржуазным обществом, интересы которого оно, как утверждалось, "полностью выражало"[17]. Признание, что Просвещение представляло "великую сокровищницу идей"[18], затерялось в подразделе, носившем название "Формирование капиталистического уклада", и это очень показательно в двух отношениях. Во-первых, проводилась мысль, что Просвещение "отражало" данный процесс. Во-вторых, раскрывая предпосылки революции, авторы следовали сталинскому "закону" соответствия производственных отношений производительным силам[19] и выводили революцию прямо из "кризиса феодально-абсолютистской системы", который, в свою очередь, выступал автоматическим следствием нарушения "закона".

В рамках такой концепции идеи Просвещения были не очень нужны даже как "идеологическая подготовка революции". На первом плане оказывались стеснения для "созревшего" капиталистического уклада, "путы" для роста производительных сил, "оковы" для буржуазного общества и т.п. Обстоятельная и содержательная глава "Французская революция и культура" помещалась почти в самом конце, и ее значение существенно снижали постоянные сопоставления с культурой советского общества, которые преследовали очевидную цель подчеркнуть неполноценность или даже несостоятельность культуры революционной эпохи. В таком же духе был выдержан раздел о философской мысли эпохи. В нем отмечались "проблески" и "попытки" тогдашних мыслителей создать правильное мировоззрение, а неудачи на этом пути характеризовались выражениями "не дошел", "не понимал", "закрывает глаза"[20].

У Манфреда произошло явственное смещение акцентов в оценке Просвещения, главным стало определение того, до чего "дошли", "поняли" и на что "открыли глаза" деятели культуры XVIII в. Манфред писал о "глубокой прогрессивности", "боевом демократизме", "передовой идеологии". В противовес "классовой арифметике" он доказывал, что просветители представляли не только буржуазию, но и народные массы. "Революционная буржуазия, – писал Манфред, – ... отстаивала не только узко эгоистические интересы своего класса. Борьба против феодализма... отвечала и интересам всего третьего сословия". И это позволяло "буржуазным идеологам ото-

ждествлять интересы буржуазии с интересами всего общества". Просветители, заключал ученый, вполне законно выступали от имени всего общества: "Они в значительной мере имели право на это"[21].

Сделанный вывод был принципиальным не только для характеристики Просвещения, но и для оценки деятелей самой революции. Наиболее последовательно Манфред развил его на примере якобинских лидеров, якобинской власти и якобинского периода в истории революции. Исходным стало положение о "якобинском блоке". Само по себе оно было отнюдь не новым. Еще в той работе, которой принято датировать начало советской историографии Великой французской революции, в брошюре Н.М. Лукина "Максимилиан Робеспьер" (1919 г.), появляется понятие о "демократическом блоке", отмечаются его создание в апреле 1793 г. и как результат – восстание 31 мая – 2 июня, открывшее "период диктатуры Горы и якобинцев"[22].

Положение явно было воспринято из ленинских работ о "левоблокистской тактике" большевиков в "демократической революции" и с тех пор активно использовалось, став общепринятым среди советских историков для характеристики якобинского периода. В коллективном труде 1941 г. одна из важнейших глав носила название "Борьба течений внутри якобинского блока". Уже в послевоенный период А.Л. Нарочницкий исходил из существования "якобинского блока" в анализе внешней политики якобинской республики. Он же определил этот блок как объединение "социальных групп с противоречивыми стремлениями, лишь временно соединившимися для борьбы с общими врагами"[23].

Типичной и для этого ученого, и для его коллег была следующая аналитическая операция – поиск однозначного классового определения каждому политическому деятелю. В результате "временное соединение" распадалось на течения: крупнобуржуазное и среднебуржуазное (Барер и Карно), мелкобуржуазное (Робеспьер и Сен-Жюст), плебейское (Шомет и Эбер). Так, подчеркивался буржуазный характер политики блока в целом и "мелкобуржуазная" суть его "центра".

По существу и в послевоенной историографии "якобинский блок" мыслился как политическая формула, точнее – тактический компромисс. Характерным оставалось представление предшествовавшего периода о "блоке якобинцев с бешеными"[24] как о временном соглашении, на которое якобинские лидеры пошли ради организации отпора интервентам и внутренней контрреволюции. Отправляясь от такого, восходящего к А. Матьезу представления, развивал свою концепцию и Манфред, свидетельством чему могут служить те же самые формулировки о "союзе якобинцев с бешеными".

Лишь постепенно в советской историографии и прежде всего у самого Манфреда понятие "якобинского блока" обретало полноценность уникального исторического явления. Хотя в духе классового подхода он неизменно подчеркивал "разнородность" и тоже искал

составляющие блока, руководящим методологическим принципом для него стала его целостность, и исходя из нее ученый характеризовал сущность якобинизма и природу якобинской власти. Заметив в первой главе моей диссертации рассуждения о "мелкобуржуазности" якобинцев, Манфред возмутился, а я лишь пожал плечами, поскольку данное положение казалось аксиомой. "Кто же они?" – с искренним недоумением спросил я. "Якобинцы – это блок!" – ответил мой руководитель. Коллизия начала 60-х годов весьма показательна. Я выражал, если не общепринятое, то самое распространенное в то время среди советских историков мнение, определявшее буржуазно-классовую принадлежность якобинцев. Манфред резко противостоял ему, сформулировав по существу свое credo.

Именно постулат "якобинцы – это блок" открывал путь для уточнения понятия "революционно-демократическая диктатура", которое начало употребляться в советской историографии с 1934 г. Несмотря на общеупотребимость и даже "канонизированность", этот термин воспринимался с долей подозрительности. Не случайно, наряду с ним имел хождение термин "мелкобуржуазная диктатура"[25]. Первый термин смотрелся политической этикеткой, а второй, как полагали, устанавливал классовую "сущность" якобинской диктатуры.

Истоки такого смешения и вообще чрезмерности в ссылках на "мелкобуржуазность" принято видеть в концепции Г. Кунова[26]. Его книга с грифом "Российская коммунистическая партия (большевиков)" на титульном листе первоначально считалась образцом марксистского исследования революции. Якобинский период автор определял как "господство мелкобуржуазной демократии"[27]. Но говорить, по-моему, стоит не о самом Кунове, – влияние Жореса или Матьеза на довоенную советскую историографию было более существенным, – а о влиянии классового подхода к истории, приверженцем которого провозглашал себя Кунов, и того метода классового анализа, которому он следовал. Французская революция при таком подходе имела значение "великой борьбы классов", а метод состоял в поиске классовых противоречий как исключительной движущей силы истории. Перед таким поиском якобинство рассыпалось на представителей "зажиточных низов среднего сословия и свободных профессий" (правые), "беднейшей мелкой буржуазии" (центр) и "пролетарской интеллигенции" (эбертисты)[28].

Именно сведение исторического процесса к борьбе классов и метод раскрытия механизма этой борьбы вошли в советскую историографию. Что же касается собственно "мелкобуржуазности", то расширенное употребление этого понятия неплохо объясняют слова Я.В. Старосельского: «Носителем революционного движения секций и коммун был тот классовый конгломерат, который тогда обозначался термином "народ", а теперь обозначается немного более определенным термином "мелкая буржуазия"»[29].

Итак, решающим было стремление к точности и безукоризненности классовой оценки. Но если для самого Старосельского "мелкая буржуазия" оставалась синонимом "народ", и термины "мелкобуржуазная диктатура" и "народная диктатура" он употреблял параллельно, то для других исследователей "мелкобуржуазная диктатура" означала отражение интересов и взглядов особого класса или, точнее, прослойки – мелкой буржуазии. А отношение к последней у марксистов было определенным, по преимуществу отрицательным и даже уничижительным как к социальному слою безвременно обреченному, который никогда не может "иметь своей политики"[30] и неизменно пребывает в области иллюзий. На таком фоне и складывалась характеристика якобинской диктатуры.

Напротив, понятие "революционно-демократическая диктатура", начиная с ленинских работ, имело позитивные коннотации (развитие революционного процесса, проведение глубоких преобразований, включение в политическую жизнь широких слоев населения, союз пролетариата с крестьянством и др.). Историческую перспективность якобинской диктатуры и отстаивал Манфред, добиваясь поддержки своих коллег. В 60-е годы большинство советских историков присоединились к этой позиции, развив понятие "революционно-демократической диктатуры" в целом ряде существенных и притом расходящихся направлений. Особенно важным представляется различное осмысление роли в диктатуре городских низов и крестьянства.

Манфред, сформулировав принципиальное положение о том, что отправным пунктом складывания якобинской диктатуры явилось созданное "активнейшим участием народных масс" в революционном процессе (восстание 31 мая – 2 июня) "соотношение классовых сил"[31], как бы предоставил другим анализ этого участия. Более того, последнее представляло для него мало интереса, поскольку, как ему виделось, якобинское руководство воплощало всю полноту явления, определяемого понятиями "якобинский блок" и "якобинская диктатура".

Коллизию, которая возникала между Манфредом и теми, кто характеризовал "революционный демократизм" диктатуры, исходя из "активнейшего участия народных масс", можно отчасти рассматривать как различие акцентов. Например, в первой главе диссертации "Установление якобинской диктатуры" я доказывал, что восстание 31 мая – 2 июня 1793 г. стало делом парижских секций и их органа (Центрального революционного комитета). Мой руководитель проявил недовольство отстранением на второй план Робеспьера и Якобинского клуба, но выразил уверенность, что при переходе к провинциальной сцене этот, с его точки зрения, перекос будет исправлен. Однако я продолжал анализ "снизу" и, конкретизируя положение о новом "соотношении классовых сил", пытался выявить те интересы и настроения городских низов и крестьянской массы, что выразились в формировании диктатуры и определили, с моей точки зрения, ее характер.

Слабой стороной моего анализа по-прежнему оставалась роль якобинского руководства, и Манфред потребовал переработки. Я честно выполнил это указание, но результатом оказалось лишь более развернутое и, на мой взгляд, более обоснованное подтверждение прежней позиции о ведущей роли массовых настроений и народных устремлений в генезисе диктатуры. Альберт Захарович понял, что работа в сущности готова, и дал добро на ее защиту.

Хотя стремление преодолеть ограниченность сформировавшейся при "культе личности" схемы революции можно считать всеобщим, а положение о "революционно-демократической диктатуре" было наподобие общего знаменателя этих стремлений, фактически каждый исследователь шел своим путем, в чем-то дополняя, а в чем-то решительно оспаривая позицию Манфреда. Наиболее оригинальными, на мой взгляд, оказались подходы В.С. Алексеева-Попова, В.Г. Ревуненкова и А.В. Адо.

Первые двое отдавали при этом серьезную дань тому методу, который один из них пренебрежительно назвал "цитатным"[32]. Формирование "метода" как раз и явилось следствием "культа", породившего в 30-х годах многочисленные статьи на тему "классики марксизма-ленинизма о французской буржуазной революции", которые по преимуществу представляли набор наиболее актуальных в тогдашней идеологической обстановке цитат. Последние определяли главное направление и даже тональность общих работ, включая основополагающий коллективный труд 1941 г., которые местами выглядели иллюстрацией положений классиков.

Советские историки в 60-е годы значительно видоизменили "метод". И для Алексеева-Попова[33], и для Ревуненкова был характерен критический, насколько тогда было возможно, подход. Это выражалось (особенно у первого, который благодаря исследованиям взглядов Руссо и идей "Cercle social" был хорошо подготовлен к текстологической работе) в углубленном рассмотрении текстов и воссоздании контекста, в котором классики выдвигали и формулировали свои положения о Французской революции. А главным было то, что оба историка не иллюстрировали классиков, а использовали их выводы для поддержки собственных позиций, которые в главном вопросе о характере якобинской диктатуры диаметрально расходились.

И Алексеев-Попов, и Ревуненков исходили из толкования революционно-демократической диктатуры как "диктатуры общественных низов", но Ревуненков распространял это понятие лишь на средние и низовые органы власти в 1793–1794 гг. (секции и коммуна Парижа), а его коллега характеризовал таким образом систему якобинского ("революционного") порядка управления в целом. Вместе с тем, в отличие от Манфреда Алексеев-Попов доказывал, что якобинцы стали революционными демократами и пришли к диктатуре не благодаря осознанию общих задач революции, а под конкретным давлением масс, которые своими активными и насильственными

действиями "перевоспитали" якобинских лидеров[34]. Именно это давление придало якобинству специфические черты, позволяющие определять его, по Ленину, как "плебейский якобинизм"[35]. В результате исследователь выдвигал идею гегемонии плебса в период якобинской диктатуры.

Характеризуя "духовную гегемонию плебса", Алексеев-Попов обращал внимание на то, что Г. Форстер в своих "Парижских очерках" осени 1793 г. назвал "революцией мысли" и "господством санкюлотизма"[36]. Иными словами, речь шла о складывании к этому времени в широких слоях французского общества определенного умонастроения, в котором преобладали радикально эгалитаристские и коллективистские установки (наряду с откровенно террористическими компонентами). Так, Алексеев-Попов, единственный из историков в 60-е годы, попытался концептуализовать значение общественного сознания и его эволюции в генезисе якобинской диктатуры. В принципе этот перенос акцента был созвучен выявившемуся чуть позже общему движению исторической мысли, которое современный историограф оценил как переход "от социально-экономической истории к проблематике массового сознания"[37]. Однако для советского исследователя этот переход и после "культа личности" был блокирован известными постулатами о "вторичности" сознания, ограниченности "политического рассудка", "отвлеченности" этики XVIII в. и т.п.[38]

Направление мысли Ревуненкова соответствовало другой тенденции международной историографии революции, также выявившейся в 60-х годы и получившей название "деякобинизации". И так же, как и в предыдущем случае, эта общая тенденция приобрела специфические черты из-за наложения на нее постулатов классового анализа. Получив определение "буржуазной диктатуры якобинцев", якобинская власть, под пером советского историка, сделалась классовым антиподом демократической власти более высокого типа ("прямой демократии"), преградой для формирования революционно-демократической диктатуры "санкюлотов".

Большинство историков Французской революции не приняли этой идеи. Подход Ревуненкова показался некоторым даже возвратом назад, к классовому редукционизму довоенной историографии, когда для оценки классовой сущности якобинской власти он прибегал к данным о социальном происхождении ее представителей[39]. Все же для других выдвинутые положения явились, по признанию А.В. Адо, импульсом "к новому размышлению над проблемами"[40]. Работы Ревуненкова отвечали известным потребностям десталинизации, которые не были удовлетворены подходом Манфреда. Значительная часть читателей восприняла позицию ленинградского ученого как завуалированный протест против советского террора 30-х годов и против "культа личности" Сталина.

Как оппонент Владимира Георгиевича в дискуссиях того времени сейчас я должен признать два важнейших следствия его выступления. Я не придерживаюсь распространенного мнения об утверждении в 30-х годах "единой советской концепции" Французской революции; но такая тенденция существовала[41]. Прямой диктат партийного руководства привел к тому, что разногласия среди советских историков (в характеристике различных деятелей и политических группировок якобинского периода, предпосылок и последствий термидорианского переворота и др.) были в период "культа личности" приглушены. В обязательности единой точки зрения выражал себя, в частности, идеологический режим, установленный в науке.

Первые же работы Ревуненкова обнаружили формальность этого нормативного единства, обнажив различия в принципиальных вопросах. И самым, быть может, важным следствием стало освобождение исследователей от бремени согласования некоей общей платформы и диктата следовать ей. Недаром Манфред, резюмируя работу симпозиума по проблемам якобинской диктатуры в Институте всеобщей истории (20–21 мая 1970 г.), говорил о необходимости развития "самостоятельных исследований", о допустимости выводов, несовпадающих с "общепринятой точкой зрения" и недопустимости "железных формулировок"[42].

Профессор Ленинградского университета способствовал подрыву господствовавших норм, уточнив хронологические рамки революции[43]. Вопрос о них в 30-е годы обрел почти сакральный смысл. Определение переворота 9 термидора как "контрреволюционного" сделалось неприкосновенным, своего рода "табу". Эта дата окончания революции программировала освещение всего ее хода и значения. Провозглашение термидорианского переворота "контрреволюционным" ставило жесткие рамки и при анализе якобинской диктатуры.

Распространенное мнение об "идеализации" якобинцев в советской историографии едва ли можно признать корректным. И в 20-е, и в 30-е годы, и в послевоенный период советские историки при всех различиях неизменно писали об их "буржуазной ограниченности" в политике и идеологии. Обязательной была констатация их буржуазной природы ("буржуазные революционеры", "революционеры буржуазии"), а это, как несмываемая печать, заранее придавало характер исторической неполноценности всему, что они делали и о чем помышляли.

Точнее, на мой взгляд, говорить о "канонизации" якобинской *власти* причем в строго определенный период и в жестко определенном идеологическом контексте. Традиционный для демократической интеллигенции России и достигший апогея в ранней советской историографии "революционный культ", т.е. "культ" революции, в 30-х годах трансформировался в культ революционной вла-

сти. Якобинцы были сакрализованы этим культом в одном своем качестве – в революционности их власти. В оценке якобинцев священной и неприкосновенной стала революционная Диктатура.

Поскольку "канонизация" революционной власти имела символическое отношение собственно к якобинцам, советским историкам было позволено иметь и иногда высказывать различные взгляды по поводу их конкретной деятельности и идеологии. Строго нормативной при "культе личности" сделалась лишь оценка 9 термидора и сделалась именно как продукт борьбы в ВКП(б), идентифицировав судьбу революции во Франции с участью Робеспьера и его товарищей точно так же, как официальная реакция на внутрипартийные обвинения идентифицировала судьбу революции в России с пребыванием у власти Сталина и его соратников[44].

Поставив вопрос о "нисходящей фазе", Ревуненков не просто расширил рамки Французской революции. Это создало перспективы для более широкого понимания ее характера и значения. Показательно, что в вопросе датировки он получил немедленную и гораздо более широкую поддержку специалистов. Даже В.М. Далин при переиздании работ Манфреда счел своим долгом специально отметить предпочтительность хронологического доведения революции до 1799 г.[45]

В рамках традиционного для советской историографии освещения революции "снизу" под углом зрения положения и участия в ней народных масс, особенно заметным явлением на новом этапе стали исследования А.В. Адо, аналога которому не было да и, по моему представлению, не могло быть в предшествовавший период. Его монография[46] явилась первым в советской историографии революции портретом коллективной личности, выступающей в роли революционного субъекта.

Индивидуально-личностный подход к революции был широко представлен в нашей историографии[47]. Манфред, безусловно самый яркий мастер исторического портрета в послевоенной советской историографии, обосновал личностный подход в размышлениях о "раскрытии внутреннего содержания больших общественных процессов" "через изображение отдельных их деятелей"[48]. С.Л. Сытин, напротив, критиковал методику подобных работ, саркастически назвав ее методологией "моего героя"[49].

Адо представил портрет коллективного деятеля, изобразив крестьянство Франции в кульминационный момент его истории. При этом он опирался в полной мере на теорию классовой борьбы и был даже, подобно Б.Ф. Поршневу, активным сторонником этой теории[50]; но, подобно своему учителю, ему удалось восстановить методику теории в ее классической полноте, очистив от редукционистских упрощений, канонизированных во времена "культа личности". Революционное французское крестьянство Адо – это класс переходного общества, характеризующийся внутренним многообразием и влиянием на не-

го антагонизмов нарождающегося капиталистического способа производства, но сохраняющий еще в революционную эпоху многие черты своей докапиталистической целостности, которая находила полнокровное выражение в его единстве как движущей силы революции. Революционная борьба крестьян предстает "движением", т.е., как доказывал советский историк, их многообразные требования и устремления могут быть суммированы. Общим знаменателем при этом оказывается антифеодализм.

Рис. 4. Портрет А.В. Адо

Такой ход мысли имел свои уязвимые точки. Адо классифицировал три вида классовой борьбы крестьянства: "война против замков", "война за землю" и "война за хлеб" (отмечал он и борьбу сельских рабочих)[51]. В первом ("первом и основном", по Адо) случае антифеодализм был очевиден; но уже в борьбе за землю значительная часть крестьян противостояла буржуазии, и это определило всю последующую историю французского крестьянства. Что же касается "войны за хлеб", то налицо был раскол самой деревни между производящей и потребляющей ее частями.

Почему же исследователь, превосходно видя эти шероховатости[52], настаивал тем не менее на антифеодальной доминанте? Не только потому, что антифеодализм обеспечивал концептуальное единство крестьянства, но и потому, что на этой основе выстраивались новые и, как представлялось, устойчивые подпорки для марксистско-ленинской традиции, которая считала крестьянство важнейшей движущей силой революции. В этих же целях советскому историку потребовалось сделать и следующий шаг в развитии своей концепции – представить крестьян радикальной силой капиталистического прогресса.

Движение в этом концептуальном направлении в значительной мере носило полемический характер. Адо оспаривал господствовавшее в западной историографии (включая марксистов) убеждение в реакционности уравнительных устремлений крестьян. Поскольку их основой провозглашался "антикапитализм", советский ученый, отстаивая прогрессивность крестьянского натиска, должен был доказывать его "капиталистичность". Такой ход мысли был в то же время органичным для историка-марксиста, хорошо знакомого с ленинскими идеями о том, что торжество уравнительных требований крестьян ("чистка земли" от феодализма) создает наилучшую базу для прогресса капитализма в аграрной сфере.

Адо предпринял исключительные по затратам труда[53] и напряжению мысли усилия, чтобы вписать крестьянскую активность революционной эпохи в рамки классической концепции Французской революции как перехода от феодализма к капитализму, но в результате его усилий эти рамки зашатались еще сильнее. "Классическая концепция" в ее исходном либеральном варианте породила тенденцию к принижению крестьянской активности и выведению ее за рамки революции. Возник своего рода эпистемологический парадокс. Либеральные историки, защищая в прямом и переносном[54] смысле "чистоту" буржуазной революции, отвернулись от крестьянского участия в ней. И вопрос об этом участии подняли французские историки, стоявшие на антиреволюционных позициях.

Адо откровенно и мужественно даже для 70-х годов подчеркивал вклад Ипполита Тэна и в саму постановку вопроса, и в раскрытие динамики крестьянского действия ("семь жакерий")[55]. Аналогичное уточнение он внес в отечественную историографию. Высоко оценивая вклад école russe в изучение аграрного вопроса, Адо отмечал, что не эти либеральные ученые, а стоявший на антибуржуазных позициях Петр Кропоткин первым в мировой историографии выступил с "крестьянским прочтением" Французской революции[56]. В свою очередь, именно русский революционер подтолкнул выдающегося французского историка Жоржа Лефевра к созданию концепции особой, "автонономной" от буржуазной "крестьянской революции". Резюмируя историографический парадокс, можно сказать, что отдаленными предшественниками Адо в создании синтеза крестьянских действий в революции оказались ученые, противостоявшие "классической концепции" революции или в какой-то части маргинальные для нее.

Положение несколько изменилось, когда "классическую концепцию" подхватила и стала развивать советская историография. Изначально были выдвинуты положения о народном характере революции с точки зрения ее движущих сил. Неизменным для всех периодов оставался постулат о том, что аграрный вопрос являлся "главным", "центральным вопросом" революции. В известный период к этому добавлялись "убойные" цитаты о "революции крепостных". Процитировав знаменитое сталинское высказывание[57], автор раздела в коллективном труде 1941 г. Ф.В. Потемкин писал: «Что касается крестьянского движения, начавшегося... *под влиянием народной победы в Париже*..., то эта революция крестьян была поистине великой очистительной стихией, выбросившей "на берега буржуазной революции" обломки разрушенной ею абсолютистско-феодальной системы» (курсив мой. – *А.Г.*)[58].

Так, даже при признании "революции крестьян" продолжал давить груз классической традиции, по которой деревенские выступления были эхом борьбы в Париже. После картины, воссозданной Адо, с этой оценкой было покончено. Напротив, открылась воз-

можность более полно представить характер революции вообще и якобинский период в частности, по-новому увидеть сложные и дискуссионные вопросы. Впервые с такой основательностью были вскрыты крестьянские истоки якобинизма. "Война против замков" могла прекратиться, поскольку войну замкам (вплоть до их уничтожения) объявил якобинский Конвент. Радикальные требования об отмене феодальных повинностей без выкупа нашли разрешение в декрете 17 июля 1793 г. Установки продовольственных выступлений воплотились в законах о максимуме. Не только социальное содержание якобинской политики, но и формы якобинской диктатуры (включая террор) явились, как показал Адо, реализацией и отражением крестьянского натиска.

Одновременно Адо раскрыл пределы этого натиска, показав, что не только политика якобинцев ("половинчатая", "ограниченная" их буржуазностью или мелкобуржуазностью, как провозглашала советская историография предшествовавшего периода), но и настроения и устремления значительной части самого крестьянства препятствовали разрешению аграрного вопроса в духе loi agraire или, говоря по-русски, "черного передела". Адо категорически высказывался против утверждений, что радикально-уравнительные побуждения были присущи крестьянству "вообще". Для Адо социальную базу радикального эгалитаризма представляла исключительно безземельная и малоземельная беднота[59].

Решительно пересмотрел Адо и вопрос об аграрных итогах революции, принципиально важный для определения самой ее сути. Ученый полностью отказался от идеологических штампов сталинского периода о том, что революция не могла дать народу ни хлеба, ни земли и что французские крестьяне своим энергичным участием добились лишь замены феодальной эксплуатации капиталистической и победоносно сменили "полукрепостную" зависимость на господство "буржуазного капитала". Напротив, Адо по духу оказалась ближе высокая оценка Кропоткина: "Крестьянин наедался досыта в первый раз за последние несколько сот лет. Он разгибал наконец свою спину! Он дерзал говорить!" Особенно примечательна близость двух отечественных историков, когда они подчеркивают предпочтительность революционных итогов во Франции по сравнению с Англией. Благодаря удару, нанесенному крупной собственности, Франция, доказывал Кропоткин, сделалась "страной самой богатой по распределению своих богатств между наибольшим числом жителей". И национальное богатство здесь создают не мировая торговля и эксплуатация колоний, а любовь крестьян к своей земле, их "уменье с ней обращаться", трудолюбие[60].

Признавая неполноту крестьянской победы из-за сохранения крупного землевладения и связывая с этой неполнотой отставание Франции в индустриализации, Адо подчеркивал важность завоеванного для крестьян и благотворность их победы для страны. Убежденность в про-

грессивности крестьянского хозяйства и крестьянской революции, поскольку она способствовала его укреплению и реализации заложенных в этом типе хозяйствования больших возможностей, противопоставила советского исследователя большинству западных ученых, которые отождествляли и отождествляют исторический прогресс с полным торжеством в аграрной сфере крупного производства и экспроприацией непосредственного производителя. Этот, "английский" путь марксистская историография считала, вслед за Марксом, столбовой дорогой для истории нового времени.

Острее всех почувствовали новаторский характер труда Адо французские марксисты. Пересмотрев прежние оценки (о "реакционности" крестьянских устремлений), они, начиная с Альбера Собуля, поставили вопрос о крестьянском "дополнении" концепции Французской революции. Так, возникли понятия крестьянской по форме, буржуазной по содержанию и даже "буржуазно-крестьянской" революции. На этой же основе, с учетом специфики (сохранение крестьянства как социальной общности, преобладание крестьянского хозяйства и самого типа непосредственного производителя в аграрной экономике страны в XIX–XX вв.) получила развитие концепция особого, "французского" пути формирования капитализма[61].

Исследуя вклад советской историографии, нельзя поддаваться соблазну однозначности. При особом идеологическом режиме она в основном "шла в русле классической интерпретации революции"[62]. Именно эта восходящая к либеральным историкам периода Реставрации "классическая" интерпретация или концепция заложила основы мировоззренческого понимания революции как фактора перехода от феодализма к капитализму, а заодно и основы классового подхода к ней[63]. Важно другое: в послевоенный период, как мне хотелось показать, советские историки преодолевали и в значительной мере преодолели груз упрощенных классовых оценок.

Советская историография революции – это тоже историческое явление, и ее опыт включает много составляющих, в том числе влияние эпохи и идеологической ситуации в стране, отношения в научном сообществе, наконец, личность ученых, осуществление или неосуществленность их духовных устремлений.

---

[1] См.: Великая французская буржуазная революция: Указатель русской и советской литературы / Сост. Г.В. Аксенова, В.А. Гавриличев, Н.Ю. Плавинская, М.Н. Соколова, Л.В. Юрченкова. Отв. ред. Г.С. Кучеренко. М., 1987 (ИНИОН; Институт всеобщей истории).

[2] Французская буржуазная революция 1789–1794. М.; Л., 1941. С.VII–VIII, 734.

[3] В середине 50-х годов, будучи студентом Ленинградского университета, я после известного обряда "посвящения" получил вожделенный "допуск" и, не скрывая восторга, писал домой о своей работе в спецхране. Поняв, что это нечто очень значительное, мама в ответном письме спрашивала "а что это за спецхрам?" Пожалуй, по своему мистическому смыслу и оккультному назначе-

нию это учреждение могло в ту пору представляться неким Храмом. Какие уж там французские архивы? Малодоступны были элементарные советские сборники документов вроде хрестоматии Н.М. Лукина "Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента".

[4] Доцент моего родного истфака Ф.П. Кухарский после XX съезда КПСС рассказывал, как о подвиге, о сохранении им в домашней библиотеке одной из "вредительских" хрестоматий и о том, с каким страхом он заглядывал в нее после 37-го года.

[5] *Смирнов В.П.* Виктор Моисеевич Далин // Исторические этюды о Французской революции. М., 1998. С. 19. В этом издании ИВИ к 95-летию Далина помещены также очерки о нем С.В. Оболенской, ярко воссоздавшей облик "возвратившегося", и М.В. Далина.

[6] Вместе с возвращением Я.М. Захера, например, возобновились чтение лекций и подготовка специалистов по истории революции в бывшей столице России, в том самом университете, где когда-то готовили кадры исследователей Н.И. Кареев и Е.В. Тарле.

[7] Вячеслав Петрович самой личностью символизировал преемственность советской историографии революции. Вместе с Н.М. Лукиным он был наиболее авторитетным из ученых-марксистов, специализировавшихся на изучении новой истории в 20-е годы. Ему было поручено, совместно с Е.В. Тарле, возглавить авторский коллектив Института истории, создавший упомянутый труд 1941 г. И ему же довелось проводить курс на десталинизацию исторических исследований.

[8] *Волгин В.П.* Ленин и революционные традиции французского народа // Французский ежегодник: Ст. и мат. по истории Франции, 1958. М., 1959. С. 18.

[9] Они воспринимались как ослабление "железного занавеса", и действительно это были новые идеологические установки в рамках послесталинского курса на преодоление международно-политической изоляции СССР. Одновременно с академиком Волгиным об уважении к "славным традициям Франции, где свершилась Великая французская революция 1789 года, где возникла славная Парижская Коммуна", высказался партийный руководитель, провозгласивший курс на десталинизацию (слова Н.С. Хрущева цит. по: Из истории якобинской диктатуры. Одесса, 1962. С. 8).

[10] См.: Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции (материалы "круглого стола" 19–20 сентября 1988 г.). М., 1989. С. 21–22.

[11] О характерных обстоятельствах закрытия ЛОИИ на волне идеологической истерии см.: *Панеях В.М.* Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 году // Вопросы истории. 1993. № 10.

[12] См.: *Манфред А.З.* Великая французская революция. М., 1983. С. 11. Помимо своего мнения, В.М. Далин передает оценку Б.Ф. Поршнева ("блистательное выступление") и впечатления Ф. Броделя. По-видимому, доклад Манфреда на юбилее Робеспьера, опубликованный в "Вопросах истории" (1958. № 7) под названием "Споры о Робеспьере", явился творческим взлетом в яркой карьере ученого.

[13] Там же. С. 357.

[14] Обоснование этого понятия, равнозначного применяемым в мировой науке категориям modernity, modernité, см. в моих работах: *Гордон А.В.* Новое время как тип цивилизации. М., 1996; *Он же.* Цивилизация нового времени между мир-культурой и культурным ареалом. М., 1998; *Он же.* Новое время: эпоха и цивилизация // Одиссей, 1998. М., 1999.

[15] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 367.

[16] *Манфред А.З.* Великая французская буржуазная революция XVIII века. М., 1956. С. 284–285.

[17] Французская буржуазная революция... С. V.

[18] Там же. С. 8.

[19] По воспоминаниям Д.Т. Шепилова, Сталин возражал, когда ему приписывали честь открытия этого “закона”, но признавал, что повысил своей формулировкой значение выдвинутого Марксом положения. См.: Вопросы истории. 1998. № 7. С. 5.

[20] Французская буржуазная революция... С. 586–600. Кроме прямых идеологических установок, над учеными тяготел характерный для эпохи настрой мысли: подразумевалась, что истина уже открыта и известна, а предшественников, живших до “открытия”, можно в лучшем случае пожалеть.

[21] *Манфред А.З.* Великая французская буржуазная революция... С. 35–36.

[22] См.: *Лукин Н.М.* Избранные труды. М., 1960. Т. 1. С. 37–96.

[23] *Нарочницкий А.Л.* Раскол среди якобинцев и внешняя политика якобинской республики с января до апреля 1794 г. // Учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. 1946. Т. 37, вып. 3. С. 107.

[24] Французская буржуазная революция... С. 309.

[25] Есть такие оговорки даже у Лукина, который в своей статье “Ленин и проблема якобинской диктатуры” обосновал введение понятия “революционно-демократическая диктатура”. См.: *Лукин Н.М.* Избранные труды. Т. 1. С. 372–375.

[26] *Ревуненков В.Г.* Марксизм и проблема якобинской диктатуры. Л., 1966. С. 67; *Манфред А.З.* Великая французская революция. С. 221.

[27] *Кунов Г.* Борьба классов и партий в Великой французской революции 1789–1794 гг. М., 1919. С. 511.

[28] Там же. С. 6, 512–513.

[29] *Старосельский Я.В.* Проблема якобинской диктатуры. М., 1930. С. 145.

[30] См. например: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 140–141.

[31] *Манфред А.З.* Великая французская буржуазная революция... С. 202.

[32] *Ревуненков В.Г.* Марксизм и проблема якобинской диктатуры. С. 145.

[33] См.: *Алексеев-Попов В.С., Баскин Ю.Я.* Проблемы истории якобинской диктатуры в свете трудов В.И. Ленина // Из истории якобинской диктатуры. Одесса, 1962. Вклад второго автора в предложенную концепцию диктатуры, видимо, был незначительным (по свидетельству Вадима Сергеевича, даже “разочаровывающим”). Поэтому я считаю позволительным ссылаться на эту статью для характеристики всей суммы взглядов Алексеева-Попова. К сожалению, он не оставил обобщающего труда, и его концепцию приходится воссоздавать, опираясь не в последнюю очередь и на многочисленные личные беседы, очень много значившие для моего формирования как исследователя якобинской диктатуры. См. также: *Алексеев-Попов В.С.* Значение опыта Великой французской революции для русского рабочего движения накануне и в период революции 1905–1907 гг. // Французский ежегодник, 1970. М., 1972. *Он же.* Руссо и Великая французская революция // Тез. конф., посвященной 250-летию со дня рождения Жан-Жака Руссо. Одесса, 1962.

[34] “Взгляды лучших представителей демократии (во главе с Робеспьером и за исключением Марата) стали революционными в *непосредственном прямом* смысле этого слова только под воздействием плебса, перевоспитавшего их примерами и уроками своей борьбы”. См.: *Алексеев-Попов В.С., Баскин Ю.Я.* Указ. соч. С. 52.

[35] Там же. С. 35.

[36] Там же. С. 129.

[37] *Блуменау С.Ф.* От социально-экономической истории к проблематике массового сознания. Брянск, 1995.

[38] См. в том же одесском сборнике “Из истории якобинской диктатуры” содержательные статьи Е.З. Серебрянской “Об эволюции мировоззрения М. Ро-

беспьера" и Н.И. Чупруна "Сен-Жюст и вантозские декреты", интересные поиском новых подходов.

[39] См.: Проблемы якобинской диктатуры: Симпозиум в секторе истории Франции Института всеобщей истории АН СССР. 20–21 мая 1970 г. // Французский ежегодник, 1970. М., 1972. С. 306–307.

[40] Там же. С. 295.

[41] См.: *Гордон А.В.* Великая французская революция, преломленная советской эпохой // Одиссей, 2000. М., 2001.

[42] Проблемы якобинской диктатуры... С. 302, 312.

[43] *Ревуненков В.Г.* О хронологических рамках Великой французской революции // Вестник ЛГУ. 1979. № 14. История. Языкознание. Литература. Вып. 3.

[44] См.: *Кондратьева Т.С.* Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993.

[45] См.: *Манфред А.З.* Великая французская революция... С. 12.

[46] *Адо А.В.* Крестьянское движение во Франции во время великой буржуазной революции конца XVIII века. М., 1971. (2-е изд.: Крестьяне и Великая французская революция: Крестьянское движение в 1789–1794 гг. М., 1987).

[47] Собственно, начиналась она книгой Н.М. Лукина о Робеспьере. Г.С. Фридлянд оставил незавершенную, но внушительную монографию о Марате. После войны Маратом занялась Т.Г. Солтановская. В основе монографического исследования Я.М. Захера о "бешеных" (и в первом, и втором изданиях) очерки о Жаке Ру, Варле, Леклерке, Лакомб. Наиболее впечатляющая часть книги "Жерминаль и прериаль" Е.В. Тарле – портреты термидорианских лидеров и "последних монтаньяров". В центре капитального труда В.М. Далина жизнеописание Бабёфа. Сюда же следует добавить статьи Е.З. Серебрянской о Робеспьере, Н.И. Чупруна о Сен-Жюсте, многочисленные исследования о распространении коммунистических идей (в первую очередь А.Р. Иоаннисяна).

[48] *Манфред А.З.* Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1978. С. 19.

[49] Актуальные проблемы... С. 52.

[50] В историографическом введении Адо противопоставил свой подход методам "современной буржуазной историографии", конкретно структурализму и "буржуазному экономизму", резко выступив против подмены борьбы классов "процессами экономической эволюции" (*Адо А.В.* Крестьянское движение во Франции... С. 13). Во втором издании эти конфронтационные тона были заметно приглушены, но суть подхода не изменилась. Уже в последние годы Адо отмечал роль в формировании самого замысла своей работы идеи Поршнева о "великой крестьянской войне", сопровождавшей Французскую революцию (*Ado A.* L'histoire paysanne de la Révolution française dans l'historiographie russe et soviétique // Storia della storiografia europea sulla Rivoluzione francese. Roma, 1991. P. 215).

[51] *Адо А.В.* Крестьянское движение во Франции... С. 17–18.

[52] В борьбе за хлеб, крестьяне, указывал Адо, выдвигали эгалитаристские требования, в том числе земельного передела, которые затрагивали феодальную структуру землевладения. Однако передел земли затрагивал и отнюдь не феодальный принцип частной собственности на землю. Не случайно все публичные фракции революционного времени соединились против loi agraire.

[53] Адо остался в историографии революции автором одной Книги. Еще в полном расцвете сил (43 года) он говорил, что другую такую работу ему не написать: "У меня просто не хватит сил для того, чтобы снова столько же работать в архивах". См.: *Смирнов В.П.* Анатолий Васильевич Адо: человек, преподаватель, ученый // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 203.

[54] Объясняя этот парадокс и ссылаясь на уничтожительный отзыв Олара о "жакериях", Адо отмечал неприемлемость "факта гигантского размаха народного насилия в годы революции" для "либерального сознания" (*Адо А.В.* Крестьянское движение во Франции во время великой буржуазной революции... С. 9).

[55] Вспоминается, как шокировало признание Адо при обсуждении его доклада в Институте истории АН. Председательствовавший А.З. Манфред, напомнив об "одиозности" Тэна, предложил поискать более подходящего предшественника. Но Анатолий Васильевич после характерного жеста "что поделаешь" подтвердил, что первый обзорный очерк крестьянских восстаний в ходе революции ("семь жакерий") принадлежит именно Тэну. Известным прорывом в отношении последнего была публикация Е.В. Старостиным рукописи Кропоткина "Тэн о Французской революции". См.: *Кропоткин П.А.* Великая французская революция. 1789–1793. М., 1979. С. 455–466. А вопрос о положительном значении подхода Тэна, как и других представителей консервативного направления, был поставлен уже в самом конце советской эпохи А.В. Чудиновым (Актуальные проблемы... С. 99–107).

[56] *Адо А.В.* Крестьянское движение во время Французской революции (Историографические итоги) // Вестник Московского университета. Сер. 8, история. 1996. № 5. С. 14. К моменту этой оценки (1990 г.) книга Кропоткина уже была переиздана в СССР, и это тоже было знаменательным явлением, поскольку еще в начале 60-х годов даже близкие по направлению своих исследований советские ученые (Я.М. Захер и сам Адо) вынуждены были отмежевываться от "князя-анархиста".

[57] Ученый не просто цитировал вождя, но должен был еще подчеркнуть почти буквальное соответствие цитаты реалиям Франции XVIII в.: "Французские крепостные и полукрепостные крестьяне ликвидировали феодальную форму эксплуатации" (Французская буржуазная революция... С. 62–63). Небольшое уточнение "полукрепостные" выступает характерной доводкой к историческим реалиям, ведь автор хорошо знал, что "личная крепостная зависимость почти совершенно исчезла во Франции к 1789 г." (Там же. С. 3).

[58] Там же. С. 63.

[59] Одновременно советский историк отметил, что оценки французских авторов, определяющие величину этой массы в 55–60% сельского населения, являются завышенными (*Адо А.В.* Рец. на кн.: Иоаннисян А.Р. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966 // Вопросы истории. 1968. № 8. С. 171).

[60] *Кропоткин П.А.* Указ. соч. С. 443.

[61] *Soboul A.* Problèmes paysans de la révolution (1789–1848). P., 1976; La Révolution française et le monde rural. P., 1989; *Vovelle M.* Preface // Ado A. Paysans en révolution: Terre, pouvoir et jacquerie 1789–1794. P. 1996; *Ikni G.-R.* La question paysanne sous la Révolution française // Histoire et sociétés rurales. P., 1995. N. 4.

[62] *Адо А.В.* Французская революция в советской историографии // Исторические этюды... С. 310–311.

[63] Подробнее см.: *Гордон А.В.* Великая французская революция: метаморфозы нормативно-цивилизационной модели // Восток–Запад–Россия. М., 2002.

Часть II
ДИПЛОМАТИЯ И ПОЛИТИКА

РОССИЯ И НИДЕРЛАНДЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Г. А. Шатохина

Внешняя политика России периода царствования Екатерины II является неисчерпаемой темой исторических исследований. Касаясь конкретно взаимоотношений России и Республики Соединенных провинций Нидерландов в указанный период, можно с полной уверенностью говорить, что он отмечен тесным переплетением взаимных политических, дипломатических и финансовых интересов обеих стран. Сама Екатерина II в одной из своих дипломатических инструкций, составленных в конце 60-х годов, оценивала русско-нидерландские отношения как "доброе соглашение и дружбу".

Торговые связи России и Нидерландов продолжались, судоходная связь с Россией, особенно с Архангельском, а впоследствии и с Петербургом, в течение всего XVIII в. была весьма оживленной. Тем не менее еще с XVII столетия нидерландцы стремились к тому, чтобы обеспечить свои позиции в России заключением формального торгового договора. По этому поводу неоднократно велись переговоры, в особенности при Петре I. Но договор не был заключен. В 1765 г. Соединенные провинции вновь сделали аналогичное предложение русскому правительству, однако безрезультатно. Россия не проявила никакой склонности к заключению подобного договора. Добиться этого пыталась и Батавская республика[1]. Может быть из-за этого, но Соединенные провинции постепенно уступают свои позиции в русской торговле англичанам[2]. Так, в 1773–1777 гг. число нидерландских кораблей, прибывших в русские порты, в среднем составляло 642 в год, в 1794 г. их было всего 340, а в 1795 лишь четыре.

Число судов, прибывших из России в порты Республики, было значительно меньше. В XVIII в. рекордную цифру дал 1778 г. – 125 судов. Стоимость вывоза из России в Соединенные провинции составляла в 1781 г. лишь 110 209 руб., а в Англию 8 653 084 руб.[3] (Правда, это был военный год, а развитие внешних отношений Республики всегда тесным образом переплеталось с внутриполитическими процессами, происходящими в нидерландском обществе.)

Период правления статхаудера Вильгельма V, начавшийся в 1766 г., отмечен нарастанием недовольства политикой оранжистов, представлявших интересы аристократии и крупной торгово-фи-

нансовой буржуазии. Противовес им составляла так называемая "партия патриотов", объединявшая представителей мелкой и средней буржуазии и призывавшая к демократическим переменам в обществе на базе идей Просвещения. Откровенная проанглийская ориентация оранжистов наносила большой ущерб широким слоям населения, их политика не была направлена на улучшение экономической ситуации в Республике. Являясь нейтральным государством, Соединенные провинции по существу выступали в качестве младшего партнера Англии на континенте. Английский посол в Гааге "контролировал" все, что происходило в стране. Противниками этой "старой системы" во внешней политике были "патриоты", выступавшие за установление добрососедских отношений с Францией, что кроме достижения чисто политических целей дало бы возможность Республике вести речь о выгодных франко-нидерландских торговых договорах.

Не потому ли в 1770 г. Екатерина II отправила из Франции в Гаагу, эту дипломатическую столицу мира XVIII в., своего нового посланника, князя Дмитрия Алексеевича Голицына[4]. Потомственный дипломат, незаурядный ученый-химик, историк, экономист, князь Голицын до конца 60-х годов был на дипломатической службе в Париже, где все свои усилия направлял главным образом на пресечение французских интриг против России в злободневном польском вопросе. Но кроме важной дипломатической миссии Екатерина II поручила князю Голицыну и ведение всех ее дел, связанных с контрактами с энциклопедистами, приглашением их посетить Россию, подбором книг для царской библиотеки, покупкой произведений искусства для русского двора, приглашениями художников и скульпторов для работы в Петербурге (вспомним хотя бы Э.М. Фальконе).

Подобного рода поручения императрицы Голицын, художественному вкусу которого Екатерина II всецело доверяла, выполнял и в Соединенных провинциях. Там он приобрел для Эрмитажа вещи исключительного качества, подлинные шедевры[5].

Голицын и в Гааге не прерывал свои дружеские отношения с французскими энциклопедистами, окружив себя к тому же и лучшими представителями нидерландского Просвещения. Домашним учителем детей Голицына, другом семьи был Франс Хемстерхейс, нидерландский философ-просветитель, "батавский мудрец", как называли его на родине. Именно в доме Голицыных Ф. Хемстерхейс познакомился с Дени Дидро и подарил ему свой самый знаменитый труд "Письмо о человеке и его отношениях" (1772 г.), получивший у Дидро высокую оценку.

В доме Голицыных находили временное пристанище и знатные путешественники из России, и простые студенты, и иностранцы, решившие устроить свою судьбу в далеком Петербурге. По долгу службы Голицын помогал всем своим соотечественникам, которые жили в Соединенных провинциях как деловые люди. Например,

много усилий было направлено им на защиту от притеснений конкурентов П.А. Демидова, внука основателя династии русских горнозаводчиков, открывшего в Амстердаме торговую контору.

Благодаря хлопотам дипломата на русской службе оказывались, как правило, образованные нидерландцы, хорошие специалисты, лично знавшие посланника Ее Императорского Величества и через него получавшие информацию о жизни в России, вызывавшей у многих настоящий интерес. Среди них были Й.Г. Свилденс, Йохан Генрих ван Кинсберген, Питер ван Вунсел.

Известный нидерландский публицист Й.Г. Свилденс (1745–1809) в 1774 г. специально приехал в Петербург, чтобы приобщиться к "просвещенной" атмосфере русского двора. В России он пробыл три года, где занимался организацией системы народного образования. По возвращении на родину Свилденс издал букварь, отдавая дань модным в то время заботам о воспитании, а также издал книгу "Воспоминания", в которой описывал свое пребывание в России. Благодаря полученным в результате путешествия знаниям, в том числе и в области экономики, Свилденс сблизился с кругами оппозиционно настроенных "патриотов" Амстердама, выступал за расширение прав буржуазии и ее участие в управлении государством на местном и национальном уровнях. Свои взгляды о желаемых изменениях в устройстве страны Свилденс изложил в изданном "Отечественном букваре для нидерландского юношества", изданном в Амстердаме в 1781 г.[6]

Заботясь о возрождении русского флота, а соответственно о защите интересов России на Черном море и Балтике, Екатерина II, из-за нехватки квалифицированных кадров на родине старалась привлекать английских, немецких и нидерландских специалистов. Одним из них был нидерландский морской офицер граф Й.Г. Кинсберген (1735–1819), командовавший кораблем русской флотилии на Черном море. Он прослужил там с 1770 г. по 1775 г., активно участвовал в войне против Турции. Обладая не только талантом моряка, Кинсберген во время службы делал и подробные историко-географические заметки и картографические наброски. Вернувшись в Соединенные провинции, уже в 80-е годы он написал книгу, изданную под названием "Описание Крыма" (Амстердам, 1786)[7], а также составил подробную карту Крыма.

В период службы в русском флоте Кинсберген познакомился со своим соотечественником врачом П. ван Вунселом (1747–1808). Как оказалось и Вунсел, и Кинсберген были хорошо знакомы с вышеупомянутым Свилденсом.

Вунсел проживал в Крыму до конца 80-х годов, там же написал удивительную книгу "Записи, сделанные во время путешествия в Турцию, Анатолию, Крым и Россию в 1784–1789 гг." (Константинополь, 1790)[8]. В ней он описал и свои впечатления о визите Екатерины II в Крым в 1787 г., после его присоединения к России[9].

В Гааге Дмитрию Алексеевичу Голицыну выпало на долю вписать несколько первых страниц в новую главу отечественной дипломатии, а именно первые попытки установления отношений России с Соединенными Штатами Америки, выражавшиеся пока еще в тайных дипломатических контактах[10].

На 80-е годы приходится наиболее заметное сближение между Россией и Соединенными провинциями. Это во многом было связано с мирной инициативой русского правительства по созданию лиги нейтральных государств для защиты торгового мореплавания.

Вспыхнувшая в 1775 г. война за независимость британских колоний в Северной Америке, втянувшая в свою орбиту на стороне американцев Францию, Испанию, и, наконец, Соединенные провинции, являлась в значительной мере войной на морских коммуникациях и наносила серьезный ущерб нейтральному торговому судоходству, в том числе и русскому. Захватом торговых кораблей "без всякого почтения к разным флагам" особенно отличался британский флот, начавший первую в истории нового времени неограниченную морскую войну. Для защиты торгового судоходства требовалось широкое международно-правовое обоснование. И оно было сформулировано русской дипломатией.

В феврале (марте) 1780 г. Россия провозгласила знаменитую декларацию о вооруженном морском нейтралитете, к которой присоединились фактически все невоюющие страны Европы.

Присоединение к вышеупомянутой декларации Соединенных провинций было всецело заслугой русского посланника в Гааге князя Голицына. Его имя довольно часто встречалось в печати Соединенных провинций тех лет. Любопытна карикатура 1780 г., получившая распространение в стране. На гравюре был изображен русский посланник, вручающий статхаудеру Вильгельму V декларацию о вооруженном нейтралитете со словами: "Мужественному и бдительному льву". А рядом изображены фигуры француза, англичанина с цепью в руках и испанца с ножницами[11]. Несмотря на все усилия статхаудера заставить страну следовать в фарватере английской внешней политики, Генеральные штаты Республики, после долгих и продолжительных дебатов в конце ноября 1780 г. приняли решение поддержать инициативу Екатерины II. Американская война за независимость в глазах нидерландцев была не только повторением их собственного восстания против Испании, но и претворением в жизнь идей английских и французских просветителей, идей, получивших к тому времени широкое распространение в Республике[12].

В декабре 1780 г. в Санкт-Петербурге представитель Соединенных провинций подписал акт о присоединении Республики к многосторонней конвенции о защите торгового мореплавания, которую еще в марте этого года заключили между собой Россия, Дания и Швеция.

Хотя с формальной стороны русское правительство подчеркивало свою беспристрастность и нейтралитет в англо-американском конфликте, на практике действия России принимали не антиамериканскую, а антианглийскую направленность (так как Великобритания с ее сильным флотом стремилась диктовать свои условия на морских коммуникациях судам других стран, что беспокоило Россию).

Присоединение Республики к Лиге вооруженного нейтралитета вызвало сильное недовольство Англии. Морские силы Соединенных провинций могли придать Лиге серьезное значение и сделать этот союз опасным для Лондона. Тотчас же начались со стороны Англии различные придирки, кончившиеся тем, что уже в декабре 1780 г. она объявила Республике войну (так называемая четвертая англо-голландская война) и, таким образом, лишила ее возможности принять деятельное участие в нейтральном союзе.

Екатерина II с тревогой взирала на ухудшение отношений между Англией и Соединенными провинциями, так как усматривала в них хороший барьер на пути усиления Франции на континенте, так как в противном случае "республика пойдет на союз с Версалем, а это будет вредно для всей Европы". Что же касается России, то беспокойство Екатерины II вызывало то обстоятельство, что торговля России "до ныне на чужих судах происходящая, подвергается неизвестности и стеснению"[13].

Продолжавшаяся четыре года англо-голландская война протекала крайне неудачно для Соединенных провинций. Поражение следовало за поражением. Но несмотря ни на что, в апреле 1782 г. Республика все же признала независимость Соединенных Штатов и приняла Джонса Адамса в качестве их посла в Гааге.

Это еще более ожесточило политику Лондона по отношению к Соединенным провинциям. Военные действия наносили тяжелый удар по торговле и судоходству Республики, создали напряженное положение внутри страны. Население было охвачено волнениями. Резко обострилась борьба между партией "патриотов" и оранжистами. "Патриоты" быстро завоевывали популярность, и в 1785 г. даже захватили власть в стране. Но прусские войска, вторгшиеся в Соединенные провинции в 1787 г. восстановили власть статхаудера, традиционно выступавшего за союз Республики с Англией и Пруссией. Вскоре политика оранжистов привела к почти полному подчинению интересов страны интересам Великобритании и Пруссии. Более того, Соединенные провинции заключили с ними в 1788 г. военный союз – тройственную лигу – направленный против России, Австрии и Франции.

Естественной реакцией русского двора было стремление как можно быстрее противопоставить лиге союз с Францией. Что же касалось возможных попыток Республики, как участницы тройственной лиги, отправить свои эскадры в Балтийское море, то рус-

скому посланнику были даны из Петербурга инструкции следующего содержания: "Просить дружеских объяснений о цели направления эскадры, попытаться их отклонить от этого и согласовать их действия с посланниками ее величества". Причем, "к выполнению этого распоряжения надо приступать только тогда, когда будет основание считать, что указанные державы (Соединенные провинции и Англия. – *Г.Ш.*) действительно вооружаются для отправления кораблей".

Нам кажется, что эти документы дают четкое представление об истинных отношениях России и Соединенных провинций, так как показывают, насколько осторожны и просчитаны были действия обеих сторон, их заинтересованность в сохранении добрых отношений.

Конечно же одним из самых важных вопросов в русско-нидерландских отношениях того времени был финансовый. Не было почти ни одной европейской страны, которая с течением времени не обратилась бы за помощью к нидерландскому денежному рынку. Россия не являлась исключением. Екатерина II частично финансировала свои военные планы за счет крупных займов, которые она получала у Соединенных провинций, и, несмотря ни на что, отношения между Россией и Соединенными провинциями в области финансов на протяжении всей второй половины XVIII в. оставались непоколебимыми.

Первые займы, полученные Россией за границей, приходятся на 1769 г. Они были получены при посредничестве амстердамской фирмы Раймонда и Теодора де Сметов. Российскому послу Голицыну было строжайшим образом предписано тотчас же докладывать о любом препятствии, которое могло быть учинено в этом деле, о любой интриге. Уже в 1772 г. за заслуги перед Россией Раймонд и Теодор де Сметы получили от Екатерины II наследственный титул баронов. До 1782 г. было заключено семь договоров о займах на общую сумму 17 млн гульденов.

Все происки прусской дипломатии, направленные на то, чтобы запретить нидерландским купцам выдавать займы России, оказались безуспешными. В мае 1789 г. российский чрезвычайный посланник в Гааге С.А. Колычев сообщал в Петербург: все голландские банкиры считают, что "такое запрещение может вредить кредиту торговли здешней и унизить здешние фонды", а посему пятый заем России "не токмо открыт, но, по извещению банкира Гопа, уже три четверти оного наполнено"[14].

Однако в 1788 г. фирме "Хоуп эн Ко" удалось отнять у Де Сметов монополию на предоставление займов России и за 1788–1794 гг. Хоупы увеличили объем займов России до 53,5 млн гульденов (под 5% годовых)[15]. Одному из представителей фирмы Роберту Вуту выпала честь однажды беседовать с Екатериной II об изменении кредитно-денежной политики, в частности свободной обратимости русских денег, чтобы улучшить торговый обмен.

Французскую революцию Екатерина II, как известно, восприняла не только как удар по абсолютным монархиям и господству дворянства, но и как угрозу всей системе европейского порядка, нарушение привычного баланса сил.

В 1793 г. оранжисты вовлекли Соединенные провинции в войну против революционной Франции, хотя симпатии народных масс, недовольных политикой крупной буржуазии, были полностью на стороне французов. По существу, политика Вильгельма V завела страну в тупик, явилась причиной усиления изоляции нидерландской дипломатии в европейских делах. Внутреннее положение в стране характеризовалось нарастающей неустойчивостью, возобновившие борьбу "патриоты" и поддерживавшие их проживавшие во Франции нидерландские эмигранты призывали к государственному перевороту. Призыв нашел в стране немало сторонников, что способствовало быстрому распространению здесь идей французской революции. В начале 1795 г. французские войска, в составе которых был и сформированный из эмигрантов-"патриотов" так называемый батавский батальон, заняли Нидерланды. Незадолго до вступления французской армии на территорию Соединенных провинций статхаудер Вильгельм V покинул страну и обосновался в Англии. В Лондон последовали и дипломатические представители ряда европейских государств. Не дожидаясь каких-либо указаний из Петербурга, российский посланник в Гааге С.А. Колычев 16 января 1795 г. также выехал в Германию[16]. Оставшийся в Нидерландах поверенным в делах советник миссии М.С. Новиков подробно информировал Коллегию иностранных дел о революционных событиях в стране, об установлении новой системы управления в провинциях, о создании на территории Нидерландов Батавской республики и подписании ею в мае 1795 г. союзного договора с Францией (Гаагский договор). Это обстоятельство, а также заключение нового англо-русско-австрийского союза поставило Россию и Нидерланды по разные стороны баррикад. Не желая признавать Батавскую республику, петербургский кабинет предписал поверенному в делах под предлогом отпуска выехать вместе с архивом миссии в Россию[17].

Под ударами французской армии коалиция европейских государств начала разваливаться. С выходом из нее в 1795–1796 гг. Пруссии, Испании и Батавской республики она по существу распалась. Англия и Австрия, продолжавшие войну с Францией, требовали от России также принять участие в военных действиях. Но смерть Екатерины II в 1796 г. и враждебная позиция Пруссии почти на два года "оттянули" участие русской армии в контрреволюционной войне.

При восшествии на престол Павел I сразу же отказался от всяких военных мероприятий, выступив за сохранение мира и доброго согласия со всеми державами. Но переговоры с Францией 1797 г. не увенчались успехом, и вскоре Павел I занял более жесткую по отношению к ней позицию и дал понять, что "чувствует нужду проти-

виться всевозможными мерами неистовой французской республике"[18], угрожавшей всей Европе. Россия поддержала решение начать военные действия против французов в Швейцарии, Италии и Батавской республике. 22 августа 1799 г. на побережье Нидерландов высадились объединенные англо-русские войска, которым удалось занять город Хелдер. Армия насчитывала 18 тыс. русских и столько же англичан. Среди них был и принц Оранский, сын статхаудера Вильгельма V. Он пытался убедить нидерландцев поддержать англичан и русских, призывал вернуть к власти статхаудера. Но эти призывы не нашли поддержки у соотечественников. Многие предпочли остаться на стороне батавов и не оказывали помощи англичанам и русским. Англо-русская армия наступала через Кампердаюн, Грут и Схоорл. Стороны понесли потери при Бергене и Кастрикюме. Англичане и русские потеряли 9 тыс. человек, столько же французы и батавы. В сложившейся обстановке воюющие стороны вынуждены были заключить перемирие, и англо-русские войска на кораблях покинули Нидерланды.

По имеющимся данным в сражениях на территории Нидерландов в 1799 г. погибли около 5 тыс. русских воинов. В 1902 г. по инициативе российской стороны на месте, где нашли вечный покой 500 русских казаков, был воздвигнут величественный монумент. Он представляет собой большой белый крест из знаменитого каррарского мрамора, возвышающийся на обрамленном массивными цепями пьедестале из серо-красного шведского гранита. На его цоколе начертаны слова: "Вечная память русским воинам, павшим под Бергеном 8 и 21 сентября 1799 года". При последующих раскопках на местах сражений в Северной Голландии были найдены русские иконы-складни. По различным предположениям на этой территории есть еще разрозненные захоронения русских воинов, однако так и не установлено пока, где именно они находятся. В музее вооруженных сил Делфта хранится одно из трех трофейных русских знамен, а в Эрмитаже – вымпел батавского флота, захваченный русскими. К событиям 1799 г. проявили интерес художники-современники, запечатлевшие эпизоды сражений на многочисленных гравюрах.

10 октября 1799 г. Вильгельм Оранский объявил о поражении союзников и попросил Павла I о дальнейшей поддержке. Уповая на восстановление в Нидерландах старого режима, Петербург решил учредить дипломатический пост при Генеральных штатах, "коль скоро обстоятельства позволят восстановления оных". Указом от 11 сентября 1799 г. посланником в Гаагу был назначен Г.О. Стакельберг. Ему предписывалось "до возвращения прежнего правления" находиться в Лондоне при принце Оранском, в случае же отъезда статхаудера в Гаагу, последовать за ним[19]. Однако уже 16 ноября 1799 г. Стакельбергу был послан рескрипт с указанием вернуться в Петербург[20].

В нидерландской литературе существует подробное описание жизни России именно в этот период – в 1798–1800 гг. Это опубликованные путевые заметки и дневниковые записи нидерландского государственного деятеля, историка и библиофила (в XVIII в. обладателя одной из лучших нидерландских библиотек) Йохана Меермана (1722–1771). В годы Батавской республики Меерман, как сторонник власти Оранских, был вынужден покинуть Нидерланды. Он несколько лет путешествовал по скандинавским странам, а затем посетил Россию. В своем изданном позже шеститомном труде "Кое-какие сведения относительно севера и северо-востока Европы"[21] Меерман три тома посвятил России. Это не только описание городов Петербурга и Москвы, но и яркое личное впечатление о напряженной политической обстановке в России в эти годы, отношении к иностранцам, представленное автором в пересказах своих писем к родным.

Только в 1801 г. Батавская республика выступила с инициативой восстановления отношений с Россией. Министр иностранных дел Республики Ван дер Гус сообщил в Петербург о том, что правительство батавов желает "снова завязать отношения, которые с давних времен существовали между этой республикой и Россией"[22]. Это предложение было встречено в Петербурге с удовлетворением, и в начале марта нидерландский посланник прибыл в столицу. Однако дворцовый переворот, происшедший в России, несколько замедлил процесс обмена дипломатическими миссиями. Продолжая политику отца в отношении Нидерландов, вступивший на престол Александр I летом 1801 г. отправил в Батавскую республику в качестве поверенного в делах Гугберга. Сообщая об этом в одном из своих рескриптов, император подчеркивал, что "восстановление политических и торговых отношений между моей империей и Соединенными провинциями, образующими Батавскую республику, было осуществлено еще покойным императором, моим августейшим родителем. Если бы подобное решение подлежало какому-либо изменению, я не хотел бы приступать к этому в начале моего царствования..."[23] В январе 1802 г. российским посланником в Гааге был назначен Г.О. Стакельберг, в октябре, после того как туда выехали посланники Англии, Австрии и Пруссии, он прибыл в Нидерланды. В данной Стакельбергу инструкции излагались следующие задачи российской миссии: "Батавская республика, прикованная к колеснице Франции, не является больше той державой, которую в начале американской войны (1775–1783 гг. – *Г.Ш.*) одинаково старались привлечь на свою сторону и Франция, и Англия. В связи с разорением ее финансов и торговли столь же мало следует желать союза с ней, как и опасаться ее неприязни, и если бы даже ей удалось сбросить гнетущее ее иго, то еще очень долго она сможет лишь весьма незначительно влиять на соотношение политических сил в пользу партии, которую она захочет усилить. Интерес, который представляют для России

сношения с этим государством, касается только торговли. Когда Голландия заживит глубокие раны, нанесенные ее политической системе войной и различными переворотами, которые она пережила, она снова будет в состоянии конкурировать выгодным для России образом с торговлей англичан и французов в наших портах..."[24]

Однако прошло чуть более десяти лет, и русская армия вновь оказалась в Нидерландах, сыграв важнейшую роль в освобождении страны от французских оккупантов и восстановлении ее независимости.

---

[1] Батавская республика была провозглашена в Нидерландах 26 января 1795 г. и просуществовала до июня 1806 г.

[2] Русско-нидерландский торговый договор был заключен лишь в середине XIX века, в 1846 г.

[3] *Scheltema J.* Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelver wederkeerige betrekkingen. Amsterdam, 1819. D. 4. P. 250–251; *Brakel S.* van. Statistische en andere gegevens betr. onzen handel en scheepvaart op Rusland gedurende de 18-e eeuw. Bijdragen en Mededeelingen XXXIV. (S.L.), 1913. P. 380.

[4] Д.А. Голицын находился в Гааге до конца 1782 г., затем был назначен посланником в Турин.

[5] К сожалению, с нидерландским периодом дипломата связан и один печальный эпизод в формировании русских художественных коллекций. Летом 1771 г. по просьбе Екатерины II Голицын приобрел на Амстердамском аукционе предметы и картины из знаменитой коллекции Герарда Браамкампа. Часть из них была отправлена в октябре в Россию морем, на нидерландском корабле "Vrouw Maria". Шедший в Петербург корабль затонул в Финском заливе недалеко от города Турку. Информацию об этом сообщали как дипломатические источники, так и нидерландские газеты того времени (например, "Нидерландский Меркурий", октябрь 1771 г.). Точный список предметов искусства, находившихся на его борту, не сохранился. Кроме картин там могли находиться коллекции фарфора, серебряных и золотых изделий, подарки российской императрице. Достоверно известно только о двух шедеврах живописи: самом знаменитом триптихе нидерландского художника Герарда Дау, ученика Рембрандта, и работа Паулюса Поттера, изображающая пейзаж с быками.

[6] *Swildens J.G.* Vaderlandsch A-B-boek voor de Nederlandsche jeugd. Amsterdam, 1781 // Голландцы и русские 1600–1917. Амстердам, 1989. С. 110.

[7] *Kinsbergen J.H. van.* Beschrijving van de Krim. Amsterdam, 1786.

[8] *Woetsel P. van.* Aanteekeningen gehouden op eene reize door Turkijen, Natolië, de Krim en Rusland in de jaaren 1784–89. Constantinopolen, 1790.

[9] Голландцы и русские. С. 110–111.

[10] *Цверава Г.К.* Дмитрий Алексеевич Голицын. Л., 1985. С. 43, 47.

[11] Там же. С. 49.

[12] АВПРИ. Ф. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 206. Л. 67–73.

[13] Действительно, морская торговля России во второй половине XVIII в. находилась, в основном, в руках английского купечества и производилась на британских судах. Так в 1775 г. из 414 кораблей, использовавшихся Россией во внешней торговле, было 236 английских и только 17 русских. Естественным стремлением России было освободиться от чрезмерной зависимости от Англии и поощрять развитие собственного нейтрального мореплавания. (В 1887 г. из 2005 кораблей русских насчитывалось 141 и 767 было английских.)

[14] АВПРИ. Ф. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 326. Л. 50–50.

[15] *Бааш Э.* История экономического развития Голландии в XVI–XVIII веках. М., 1949. С. 191.

[16] АВПРИ. Ф. Сношения России с Голландией. Оп. 50/6. Д. 389. Л. 16–17, 26–27; Д. 390. Л. 1.

[17] Там же. Д. 390. Л. 105–106.

[18] *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. 1–15. СПб., 1874–1909. Т. XIII. С. 249.

[19] АВПРИ. Ф. Сношения России с Голландией. Д. 397. Л. 1–2; Д. 93. Л. 1–1 об.

[20] Там же. Д. 402. Л. 1–1 об.

[21] *Meerman J.* Eenige berichten omtrent het Noorden en het Noord-Oosten van Europa. Den Haag, 1804–1806. Более подробно о путешествии Й. Меермана в Россию см.: *Хелл Й. ван.* Путешествующий библиофил Йохан Мееерман в Петербурге и Москве (1798–1800) // Россия–Голландия. Книжные связи XV–XX вв. СПБ., 2000.

[22] АВПРИ. Ф. Административные дела. 1–6. 1801. Д. 1. П. 3. Л. 3.

[23] Внешняя политика России XIX и начала XX в. :Документы Российского министерства иностранных дел. М., 1960. Т. 1. С. 53.

[24] АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 5891. Л. 19 об.–22.

РОССИЯ И ИСПАНИЯ В ГОДЫ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН (1808–1812 гг.)

С.П. Пожарская

Взаимоотношения России и Испании в 1808–1812 гг. неоднократно привлекали внимание отечественной историографии[1]. И это не случайно, поскольку отношения между этими странами в те годы оставили заметный след не только в истории дипломатии и внешней политики, но и в истории общественной мысли. Недаром академик М.П. Алексеев первую волну испанофильства в России связывает с тем резонансом, который вызвала национально-освободительная война испанского народа в российском обществе.

В отечественной историографии неоднократно отмечалось, что “тильзитский курс” С.-Петербургского кабинета встретил оппозицию в российском обществе. С началом вторжения французских войск в Испанию эта оппозиция усилилась: практически весь спектр российского общественного мнения – от его консервативного крыла (“старый двор” во главе с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, адмирал А.С. Шишков и его окружение, граф Ростопчин и др.) до тех слоев дворянской интеллигенции, из которых впоследствии вышли декабристы, выражал недовольство “испанской” политикой Александра I.

26 июня 1808 г. князь А.А. Чарторыйский, доверенное лицо и близкий друг царя, в тревоге за возможное повторение "байоннского плена" в конфиденциальной записке Александру I писал: "Что станет тогда с Россией? Какова будет участь Вашего Величества и всей Вашей семьи? Вспомните, что произошло в Испании"[2].

Будущего декабриста Г.С. Волконского волновало другое. В 1808 г. он оставил следующую запись: "Корсиканцу нахальство даром не проходит. Испанцы, португальцы режут, бьют, давят бесштанных"[3].

В анонимных записках, ходивших по Санкт-Петербургу, Александра I упрекали в том, что он оставил Испанию без поддержки. И царю приходилось оправдываться перед своим ближайшим окружением в первую очередь: "В силу отдаленности Испании Россия не могла послать войска на помощь повстанцам"[4]. Однако уже тогда, когда писались эти строки (в конце 1808 г.), помимо официальных национальных русско-испанских дипломатических отношений существовали и иные, тайные.

27 июля 1808 г. Севильская Верховная Хунта обратилась к Александру I с призывом прийти на помощь Испании: "Един был глас и всеобщее движение в Испании и во всех ея провинциях сражаются ныне против французов... Чувства Вашего императорского величества толико известны в пользу человечества и прав народов... Не сомневаемся ни на мгновение, чтобы не защитили Испанию и не удостоили содействием оной всеми средствами, кои Ваше благородие может Вам внушить". Под обращением 20 подписей, оно скреплено большой круглой печатью с гербом и короной[5]. 25 октября того же года Председатель Верховной Хунты граф Флоридабланка предложил заключить русско-испанский союз. В письме А. Коломби 25 октября 1808 г. он писал: "Нация, объединенная Центральной Верховной Хунтой, состоящей из депутатов всех провинций, и президентом которой я являюсь, полна решимости скорее погибнуть под руинами, чем допустить на свою землю хотя бы одного француза. Пусть августейший император Всея Руси предостережется от союза и дружбы с императором французов. Наполеон не способен быть другом кого-либо"[6].

Просьбу о помощи в борьбе против французского нашествия император мог слышать и от Августина де Бетанкура, выдающегося испанского ученого, инженера и архитектора, поступившего на русскую службу после встречи с Александром I в Эрфурте.

21 декабря 1808 г. Бетанкур писал своему другу: "Будучи разлучен с семьей и не желая служить ни Наполеону, ни Жозефу, я принял решение поступить на службу к российскому императору, который обращается со мной самым почтительным образом, какой Вы только можете себе представить. Я обедаю с ним один-два раза в неделю, решаю дела непосредственно с Его Величеством, он мне положил 20 тыс. рублей годовых, оплачивает мои апартаменты, которые стоят 7 тыс. рублей".

По-видимому, Бетанкур не всегда находил желаемый отклик в ответ на свои просьбы оказать помощь Испании: "Коломби обрисует вам политическую ситуацию при российском дворе, которая в настоящий момент не может быть охарактеризована как благоприятная для нас. Но очень возможно, что со дня на день она изменится, особенно если наше оружие станет победоносным, и тогда мы не упустим ни малейшей возможности, чтобы заставить внять разуму. Сейчас же необходимо использовать косвенные пути, действуя очень осторожно и предусмотрительно"[7].

Бетанкур едва ли был осведомлен, что в декабре 1808 г. члену государственного совета, обергофмейстеру Р.А. Кошелеву было поручено вступить в переговоры с представителями повстанцев.

Но это был тот "косвенный" путь, о котором он писал своему другу и который ему представлялся единственно возможным.

И. Звавич, один из первых отечественных историков, кто посвятил свои исследования "испанскому" направлению секретной дипломатии Александра I, отмечал: "Переговоры были тайными как по своей теме (речь шла о совместных усилиях в борьбе против Наполеона), так и по своей организации... Участники всячески стремились скрыть от постороннего взора эти переговоры. Даже канцлер Румянцев, официальный руководитель внешней политики России, не был уведомлен об этих переговорах"[8].

Переговоры, которые Кошелев с полным соблюдением конспирации вел по личной договоренности Александра I с агентами повстанцев – с А. Коломби, проживающим в С.-Петербурге, и с Зеа Бермудесом, дважды приезжавшим в Россию под предлогом торговых дел, долго не давали практического результата. Но и российская миссия в Мадриде практически бездействовала, ее существование было эфемерным.

Посланник в Испании Г.А. Строганов, назначенный в Мадрид еще в 1805 г. и оставшийся там представлять Россию после признания Александром I Жозефа "королем Испании", после неоднократных обращений в Министерство иностранных дел со ссылкой на состояние здоровья и получивший, наконец, разрешение покинуть Испанию, писал из Парижа Александру 1(13) февраля 1808 г.: "Я оказался свидетелем несчастий, потрясших эту древнюю монархию, видел ужасные преступления, ускорившие ее падение, и не мог не увидеть, чья рука, стремясь поработить ее, сеяла повсюду беспорядок и разложение... Я видел, наконец, потоки крови и слез, пролитые ненасытной жаждой завоевания и господства. И я должен представлять Вас, государь, при порабощенном народе, сам будучи в окружении его тиранов и угнетателей? ... Какими средствами смог бы я убедить тех, кому стремился бы внушить уважение, что Ваше Императорское Величество были непричастны ко всем возмутительным несправедливостям?"[9].

Нам неизвестна непосредственная реакция Александра на послание Строганова, но косвенно о его позиции можно судить на основании ряда официальных документов. В инструкции Ф.П. Палену незадолго до его назначения посланником в США от 27 декабря 1809 г. (8 января 1810 г.) говорилось: "Помните, что я признал короля Жозефа... лишь ради восстановления спокойствия Европы, но не проявляйте никакого особого пристрастия в политических отношениях с Испанией"[10]. "Этот государь (речь шла о Жозефе) имеет посланника при моем дворе; в порядке взаимности я тоже назначил своего посланника в Мадрид, но пламя восстания, охватившего Испанию, не позволило ему выехать туда", – разъяснял Александр в инструкции от 21 января (2 февраля) 1811 г. Г.Д. Моцениго в связи с его назначением посланником в Сицилию, настоятельно поручая ему "постараться быть в курсе всего, что происходит в Сицилии и Испании и сообщать об этом моему министерству; Вы должны приложить особые старания в этом отношении"[11].

Назначенный посланником в Мадрид Н.Г. Репнин, действительно, доехал лишь до Парижа и в феврале 1811 г. с согласия Александра I возвратился в Петербург "для устройства личных дел".

Как следует из донесения барона Моренгейма канцлеру Румянцеву от 8(20 февраля) 1811 г., новая отсрочка прибытия российского посланника в Мадрид вызвала удивление герцога М. дель Кампо Алонго, в то время министра иностранных дел правительства Жозефа, с неудовольствием заметившего... "но ведь князь Репнин не назначает Вас поверенным в делах, что, по крайней мере, указывало бы на существование российской миссии в Мадриде... Задержка русского посланника, – продолжал Моренгейм, – вызвала тем большее недовольство министерства, что повстанцы уже давно используют это обстоятельство, чтобы распространить слухи об охлаждении в отношениях между Россией и Францией"[12].

Однако российский посланник так и не прибыл в Мадрид. 30 (13) июля 1811 г. во время аудиенции у герцога Санта-Фе, председателя Совета министров, по случаю вручения Моренгеймом письма Румянцева, где речь шла о его аккредитации в качестве поверенного в делах, российскому дипломату было заявлено: "Не могу не повторить, что мы хотели бы видеть в Испании посланника России. Революционное правительство всегда использовало это обстоятельство, чтобы убедить повстанцев, что Его Величество император Александр готов поддержать их дело; газеты и прокламации этой партии и поныне, обращаясь к испанцам, продолжают писать в этом духе и даже выдают это за неоспоримый факт"[13].

Моренгейм заверил герцога, что Репнин, как только позволят обстоятельства, поспешит отправиться в Мадрид. Однако российский посланник так и не появился при дворе Жозефа, и это не было простой случайностью.

Вторая половина 1810 – начало 1811 г. знаменовала собой важный рубеж в русско-испанских отношениях: неотвратимость войны с Францией почти не вызывала сомнений у руководителей внешней политики России. Вопрос лишь стоял – когда? И ответ на этот вопрос, как полагали многие российские дипломаты, зависел от "испанских обстоятельств". Генерал П.А. Шувалов, находившийся с особой миссией в Вене, писал министру иностранных дел П.Н. Румянцеву 20 августа (1 сентября) 1810 г.: "В случае отрицательного ответа Австрии на эти предложения... нам остается принять лишь одно решение и принять его безотлагательно, а именно: готовиться к кровавой войне с Францией, которая начнется, как только последняя закончит свои дела с Испанией"[14]. Советник посольства в Париже К.В. Нессельроде сообщил 11 (23) октября государственному секретарю М.М. Сперанскому: "В последние дни в Париже снова стараются задобрить русских. Это объясняется 1) неудачами французских войск в Испании" ... 2) Александр I в письме от 31 января (12 февраля) 1811 г. А.А. Чарторыйскому, своему другу и доверенному лицу, анализируя ближайшие перспективы возможного развития событий, писал: "А вот результаты вероятные: ... весьма заметное уменьшение боевых сил Наполеона, а следовательно, увеличение для нас шансов на успех, ибо ему будет очень трудно отозвать свои войска из Испании, имея там дело с разъяренным против него народом. Испанцы не удовольствуются его отступлением, а проникнут во Францию, воспользовавшись новой войной, которая свяжет руки Наполеону"[15].

О высокой степени осведомленности С.-Петербурга относительно "испанских обстоятельств" Наполеона свидетельствуют многие документы и, в частности, донесение полковника А.И. Чернышева, находившегося в то время в Париже в качестве доверенного лица Александра, Н.П. Румянцеву от 9 (20 февраля) 1811 г.: "В продолжении этих четырех лет вышло через Перпиньян в Каталонию и в Арагон 150 000 человек, что вместе с другими, вошедшими в Испанию войсками, составляет 618 960 человек. По последним сведениям положительно известно, что из них осталось в Испании и Португалии не более 252 000 человек... Признаки враждебных намерений императора Наполеона в отношении к нам... с каждым днем увеличиваются и становятся очевиднее. Военные приготовления продолжаются непрерывно..."[16]

С конца 1810 г. более интенсивными становятся и контакты с Регентским Советом, через тайный канал осуществляемые через Р.А. Кошелева. 24 сентября (6 октября) последний направляет Александру депеши, полученные Коломби из Кадиса, сопроводив их своим замечанием, что предложения Регентского Совета вступить в переговоры с Россией заслуживают внимания[17]. Речь шла о письме и выдержках из инструкции первого государственного секретаря Регентского Совета Испании Бардахи-и-Азара, направленные Антонио

Коломби, неофициальному представителю Центральной хунты в С.-Петербурге. В письме от 3 июля 1810 г. Коломби предписывалось при всяком удобном случае заверять "здравомыслящих и проявляющих интерес к нашему делу русских придворных в том, что какие бы бедствия и несчастья ни выпали на долю Испании, она никогда не откажется от поставленной перед ней благородной задачи укрепления своей свободы и независимости... Учитывая это, а также то, что правильно понятые интересы России должны совпадать с интересами Испании, несмотря на большую удаленность этих двух наций друг от друга, Вашему правительству надлежит дать заверения в том, что Испанское правительство с готовностью соединит свои устремления с устремлениями санкт-петербургского кабинета и примет любое предложение, с которым русский двор сочтет возможным к нему обратиться..." В инструкции от 11 июля 1810 г. на имя Коломби говорилось: "Нет сомнения в том, что если Россия решится изменить систему своих союзов, то это будет весьма выгодно для Испании. Даже не вступив в войну против Франции, Россия заставит последнюю держать большую армию на севере Германии; для нас это было бы только полезно, и мы бы удовлетворились достижением этого результата, отвечающего также интересам России"[18].

О том, какое значение Регентский Совет придавал союзу с Россией, свидетельствует также и то, что в конце 1810 г. с секретной миссией в Санкт-Петербург под видом торгового агента прибыл сам Бардахи-и-Азара, о чем Кошелев уведомил Александра, советуя ему встретиться с Бардахи[19]. Но Александр I уклонился от этой встречи, равно как и от контакта с Зеа Бермудесом, прибывшим в Санкт-Петербург несколькими днями позже, хотя Р.А. Кошелев в письме от 9 (21) февраля 1811 г. сообщал, что "нашел способ не представляющий каких либо неудобств", чтобы Александр I увидел и выслушал его[20]. После смерти Коломби в феврале 1811 г. неофициальным представителем Регентского Совета стал Зеа Бермудес, но и его усилия (при посредничестве Кошелева) вплоть до конца 1811 г. не были результативны – об этом свидетельствует полное пессимизма письмо Кошелева Александру от 3 (15) октября 1811 г.

Некоторый сдвиг произошел лишь в ноябре того же года. 12 (24) ноября 1811 г. Зеа Бермудес в письме к Р.А. Кошелеву, сообщив о желании Регентского Совета Испании и правительства Англии заключить с Россией договор о мире и дружбе и о том, что ему даны полномочия на заключение такого договора – с участием Англии или без нее, если Россия сочтет это наиболее целесообразным, доводил до сведения, что Совет рассматривает союз с Россией как наиболее соответствующий интересам Испании и выражает свое удовлетворение в связи с военными приготовлениями, осуществляемыми Россией на западных границах. Тайный посланец пояснял, что Регентский Совет не намерен толкать Россию на преждевременный разрыв с Францией, выразив пожелание, чтобы Россия делала бы

вид, что щадит властелина Франции, выигрывая время[21]. Два месяца Зеа пребывал в состоянии крайнего пессимизма, не получая никакого определенного ответа, пока Р.А. Кошелев не ознакомил его с "Памятной запиской" Александра I от 26 января (7 февраля) 1812 г., в которой, возможно, более определенно и четко, чем когда-либо (эту ясность придавала приближавшаяся опасность войны с Наполеоном) отразилась его позиция относительно Испании и возможных перспектив русско-испанских отношений: "Благодаря своим вооруженным приготовлениям и занимаемой ею позиции Россия оказывает реальную помощь Испании, отвлекая к северу значительные силы французов, которые могли бы быть направлены против Испании. Не будучи связаны союзными договорами, эти две державы тем не менее следуют образу действий, который выгоден для них обоих. Если на севере начнется война, то для того, чтобы она имела благоприятный для обеих держав исход, необходимо, чтобы Испания предприняла усилия в целях перенесения театра военных действий на территорию самой Франции, воспользовавшись моментом, когда внимание и силы Франции будут направлены на север"[22]. Во время личной аудиенции, данной Александром I Зеа Бермудесу 6 (18) марта 1812 г., посланец Регентского Совета вновь попытался убедить Александра в необходимости заключения союзного договора: "Испания, повторяю, увеличит вдвое свои усилия, видя, что Россия вступила в союз с ней". Это было тем более необходимо и для России, поскольку нападение Наполеона на нее было лишь вопросом времени: если он и не напал еще на Россию, – уверял Зеа, – то лишь потому, что он страшится обнаружить слабость своих сил и средств, используя их преждевременно... Испания, которая без устали мстит за неслыханные оскорбления, которые ей пришлось вынести от Наполеона, никогда не покинет великодушной России, которая протягивает ей руку помощи в борьбе"[23].

18 апреля 1812 г., когда до начала вторжения Наполеона в Россию остались считанные недели, в инструкции Зеа Бермудесу, представлявшему Регентский Совет в России, предлагалось сосредоточить свое внимание на следующем пункте: "Последовательно придерживаясь решений императора Александра, в случае если будут начаты военные действия в нашу пользу и он признает полный суверенитет Испании над полуостровом и ее заморскими территориями, так и изгнание Жозефа Наполеона, то Вы должны отозвать русского посланника в Мадриде и выдворить Пардо Фигероу из Санкт-Петербурга. Однако, к этой мере Вы должны прибегнуть лишь в случае войны"[24].

Союзный договор тогда, однако, не был заключен, хотя Зеа Бермудес и имел полномочия от Регентского Совета заключить его. Вплоть до начала войны с Наполеоном договор так и не был подписан. Успешное завершение длительных тайных переговоров оказалось возможным именно в годы совместной борьбы с Наполеоном

испанского и русского народов: в послании Александру I от 4 (16) июля 1812 г. Румянцев так аргументировал "пользу" договора, с подписанием которого торопил Зеа: "она будет состоять в том воздействии, которое этот договор окажет на Испанию и которое не подлежит сомнению: он вдохнет мужество в смельчаков, воюющих против императора Наполеона; он вызовет еще большее презрение к приверженцам короля Жозефа; а все это причинит вред Вашему врагу и нанесет чувствительный удар по его интересам"[25]. Но несмотря на то что договор вплоть до июля 1812 г. не был подписан, Испания неизменно привлекала пристальное внимание руководителей внешней политики России, что дало с полным основанием И. Звавичу прийти к выводу, что «русская дипломатия... весьма серьезно считалась с "испанскими обстоятельствами" Наполеона и внимательно изучала испанский вопрос»[26].

С началом национально-освободительной борьбы русского народа против наполеоновского нашествия эти "обстоятельства" приобрели особое значение. Борьба испанского народа за независимость, которая продолжалась четыре года, не только служила доказательством, что наполеоновские войска можно победить, но указывала на то, как следует с ними бороться.

Денис Давыдов, инициатор и один из руководителей армейского партизанского движения, тот кто, говоря словами Льва Толстого, "своим русским чутьем первым понял значение этого страшного орудия", безусловно, как считал отечественный историк Вл. Орлов, – учитывал богатый опыт партизанской борьбы в Испании, где "маршалы Наполеона оказались бессильными перед грозной стихией народа, поднявшегося на защиту своей национальной независимости"[27]. Во вступительной части своего "Опыта теории партизанского действия" Денис Давыдов, излагая историю партизанства, начиная с Тридцатилетней войны, высоко оценивая смелость и настойчивость испанских "гверильясов" (так в традициях того времени в России называли герильерос. – *С.П.*), особое внимание акцентировал именно на формах их борьбы, как на примере, достойном для повторения в сходных условиях: "Их подвиги будут всегда служить примером для начальника партии (имеется в виду партизанской партии. – *С.П.*); он увидит, как должно пользоваться местностью той земли, на которой ведется брань, и гневом народа, восставшего для мщения"[28]. Свою знаменитую статью "Мороз ли истребил французскую армию в 1812 г.?" Денис Давыдов начинает словами: "Два отшиба (т.е. отпора) потрясли до основания власть и господство Наполеона, казавшиеся непоколебимыми. Отшибы эти произведены были двумя народами, обитающими на двух оконечностях завоеванной и порабощенной Наполеоном Европы: Испанией и Россией"[29].

В отечественной историографии (в исследованиях академика М.П. Алексеева, И.С. Звавича, М.А. Додолева и др.) отмечалось, что русские периодические издания 1812 г. "переполнены материа-

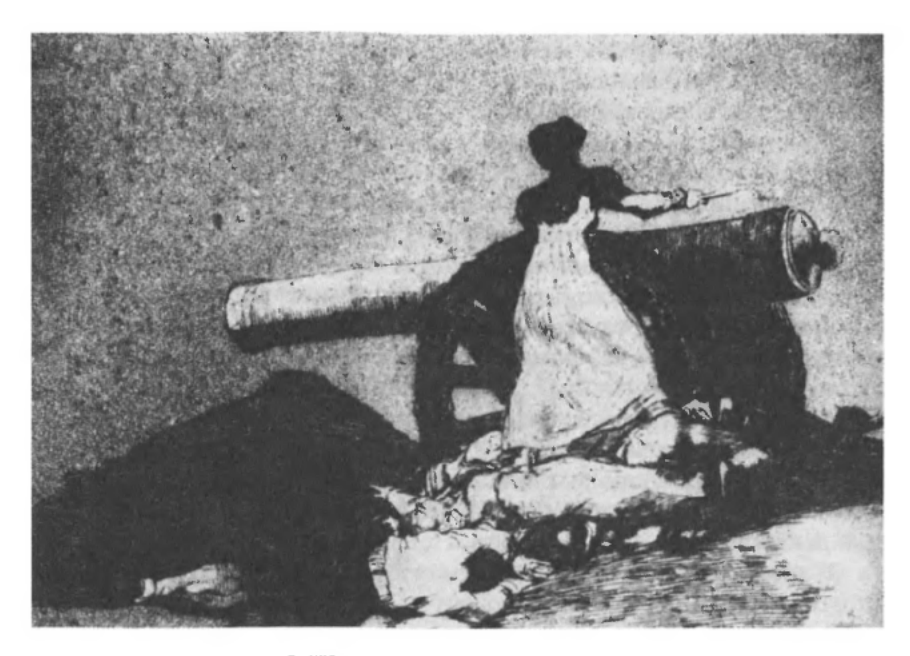

Рис. 5. "Какое мужество". Офорт Ф. Гойя

лом об испано-французской войне, испанской конституции, кортесах, характеристиками испанских политических и военных деятелей"[30]. К примерам, приводимым М.П. Алексеевым (Ответ генерала Палафонса французскому маршалу Лефевру // Сын Отечества. 1812 г. Ч. 2. С. 194; Изображение важнейших причин, побудивших испанцев к учреждению Верховной Севильской Юнты (Хунты) // Сын Отечества. 1812 г. Ч. 1. С. 185–194)[31], можно добавить десятки иных. Публикуя выписку из первой газеты, обнародованной в Мадриде по занятии сего города испанцами и англичанами, редакция журнала "Сын Отечества" сопроводила ее следующими комментариями: "Вот торжество твердости, храбрости и любви к Отечеству Испанцев... ужасный урок для тиранов и спасительное воззвание народам"[32]. Очерк "Осада Сарагосы" (с английского), публикуемый в семи номерах "Сына отечества" за 1812 г., сопровождался такими комментариями журнала как "неспособность французов понять характер испанцев, столь несравненно их превосходящий"[33]. "Женщины отмечали себя блистательными деяниями, не боялись ядер и бомб, вокруг них падающих и кидались в пламя"[34]. Широкий общественный интерес к Испании, который отражала русская периодическая печать того времени, носил отнюдь не академический характер. Это отметил еще М.П. Алексеев: "В напряженнейший момент русской истории, в виду горящей Москвы и начавшейся ликвидации французской армии возбуждающе действовали описания осады Са-

рагосы, примеры отваги и любви к родине испанских военачальников"[35]. "Вестник Европы" в конце 1812 г. с удовлетворением отмечал, что "в то время как благородные Испанцы, подкрепленные благоразумными и великодушными усилиями Англии, по ущельям гор гнали разбитые войска его до пределов французских, – бежали остатки ужасной армии, с которой Наполеон I вторгся в Россию"[36]. Эти и подобные сопоставления, в которых современники пытались выявить общие черты в народном характере русских и испанцев, что проявилось в специфике борьбы с французским нашествием, которая привела к близким по своим результатам последствиям, накладывали особый отпечаток на то явление российской общественной жизни, эпохи, которую М.П. Алексеев, как уже отмечалось, назвал первой волной русского "испанофильства". Весь спектр русского общественного мнения, как бы далеко в других сферах не расходились его составляющие, отличала единая реакция на испанские события – от двора и лиц, занимавших официальные посты до будущих декабристов.

27 июня 1812 г. Александр I в инструкции М.Б. Барклаю де Толли относительно создания народного ополчения заметил: "Я надеюсь, что у нас в этом случае выразится не меньше энергии, нежели в Испании"[37]. В обращении Александра I к русскому народу по случаю оставления Москвы русскими войсками – момент драматический, – когда нужно было вдохнуть уверенность и оптимизм, автор его обратился к примеру Испании: "Испанские патриоты, сбросив французское иго, собираются вступить на территорию самой Франции, а порабощенная Европа только ждет удобного момента для восстания против Наполеона..."[38]

Русско-испанские отношения на национально-государственном уровне нашли достойное завершение в подписании в Великих Луках 8 (20) июля 1812 г. русско-испанского союзного договора. Статья третья этого договора гласила: "Его Величество Император Всероссийский признает законными генеральные и чрезвычайные кортесы, ныне в Кадисе соединившиеся, а равно и конституцию, ими учиненную и утвержденную"[39]. То было одно из первых (помимо Англии) признание Кадисских кортесов и конституции 1812 г. на европейском континенте.

Заключение русско-испанского союзного договора не могло не сказаться на судьбах перебежчиков и военнопленных испанцев.

Еще 18 апреля 1812 г., когда военная гроза еще не разразилась над Россией, Хосе Писарро от имени Регентского Совета в инструкции Зеа де Бермудесу предлагал сосредоточить внимание на следующем пункте: "Во французских армиях много испанских солдат. Тех, кто сложит оружие, Вы, используя прокламации, которые необходимо распространять среди них, должны побудить основываясь на Ваших предложениях, покинуть армию... Такая мера полезна для России, поэтому ваша милость может предложить ее с согласия пра-

вительства и через посредство тамошних генералов дабы хорошо приняли дезертиров их в пункт, который Ваша милость сочтет наиболее подходящим и предназначенным Вами для их погрузки на суда и отправки в Испанию"[40].

Эти предложения оказались пророческими. А.М. Горчаков в письме от 4 ноября 1812 г. обращал внимание М.И. Кутузова: "Государь император, желая поддерживать связь, восстанавливающуюся с Гишпанскою державою, соизволяет, чтобы все пленные гишпанцы и португальцы были собираемы в С.-Петербурге. Они по прибытии сюда получают особое обмундирование и под непосредственным наблюдением моим обще с гишпанским посланником, здесь пребывающим, будут формироваться в баталионы и останутся до весны, а с открытием коммуникации будут отправлены отсюда в свое отечество"[41].

Русско-испанские дипломатические взаимосвязи оставили заметный след в истории международных отношений в Европе в эпоху наполеоновских войн. Но не менее заметный след оставили эти связи в сфере культуры, общественной мысли, в стремлении понять "образ другого", стимулируя взаимный интерес к проявлениям духовной жизни народов двух стран.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Русско-испанский союзный договор

Великие Луки, 8 (20) июля 1812 г.

Е. в-во император всероссийский и его католическое величество дон Фердинанд VII, король испанский и индийский, желая усерднейше восстановить и утвердить прежние сношения дружеские, существовавшие между их монархиями, назначили на сей конец, а именно: е. в-во император всероссийский – графа Николая Румянцева, своего государственного канцлера, председателя Государственного совета, сенатора и орденов св. Андрея, св. Александра Невского, св. Владимира первой степени, св. Анны и многих чужестранных орденов кавалера; а со стороны его католического величества, его именем и властию, верховный совет правительства, имеющий в Кадисе свое пребывание – дона Франциско де Зеа Бермудеса, которые по размене своих полномочий, найденных в доброй и надлежащей форме, восстановили нижеследующие статьи:

Статья I

Между е. в-вом императором всероссийским и е. в-вом королем испанским и индийским, их наследниками и преемниками и между их монархиями, да будет не только дружба, но искреннее согласие и союз.

Статья II

Обе высокие договаривающиеся стороны вследствие сего обязательства предоставляют себе условиться без отлагательства о постановлениях сего союза и вместе согласиться во всем том, что может относиться ко взаимным их пользам и

к принятому ими твердому намерению вести мужественно войну против императора французского, общего их неприятеля, обещаясь с сего часа рачить и содействовать искренно всему тому, что может быть полезно для той или другой стороны.

Статья III

Е. в-во император всероссийский признает законными генеральные и чрезвычайные кортесы, ныне в Кадисе соединившиеся, а равно и конституцию, ими учиненную и утвержденную.

Статья IV

Сношения коммерческие отныне восстанавливаются и взаимно будут споспешествуемы; обе высокие договаривающиеся стороны постараются изыскать средства, могущие послужить к вящему оных распространению.

Статья V

Сей трактат имеет быть ратификован, и ратификации будут в Санкт-Петербурге разменены в три месяца, считая со дня подписания или, буде можно, и скорее.

Во уверение чего мы, нижеподписавшиеся, по силе наших полномочий сей трактат подписали и печати гербов наших к оному приложили.

Учинено в Великих Луках 8 (20) июля в лето рождества Христова 1812.

(М.П.) Граф Николай Румянцев
(М.П.) Франциско Зеа Бермудес
АВПРИ. Ф. Трактаты. Подлинник, франц. яз., перевод: русск. яз.

---

[1] *Николай Михайлович, великий князь.* Александр I. СПб., 1912. Т. 2; *Алексеев М.П.* Этюды из истории испано-русских отношений // Культура Испании. М.; Л., 1940; Очерки истории испано-русских отношений. Л., 1964; *Звавич И.С.* Испания в дипломатических отношениях России в 1812 г. // Исторический журнал. 1943. № 3–4; *Майский И.М.* Испания. 1808–1917. М., 1957; *Дodoлев М.А.* О влиянии испанской революции 1808–1814 годов на внешнюю политику европейских государств // Новая и новейшая история. 1968. № 2; *Саплин А.И.* Испания во внешнеполитических связях Александра I (По донесениям полковника А.И. Чернышева) // Проблемы испанской истории. М., 1987; Россия и Испания: Документы и материалы. 1667–1917. М., 1997. Т. II: 1800–1917. Подбор документов и комментарии С.П. Пожарской, А.И. Саплина.

[2] Сборник императорского русского исторического общества. (Далее: РИО). СПб., 1861–1916. Т. 89. С. 669.

[3] Архив декабриста Г.С. Волконского. Пг., 1918. Т. 1. С. 247.

[4] Русская старина. 1899. № 4. С. 11.

[5] Архив внешней политики Российской империи МИД РОССИИ. (Далее: АВПРИ). Ф. Канцелярия. Оп. 468. Д. 3269.

[6] Центральный государственный архив древних актов. Ф. 15. Д. 266.

[7] Archivo Historico Nacional. (Далее: AHN). Estado. Leg. 5910.

[8] *Звавич И.С.* Указ. соч. С. 45.

[9] Внешняя политика России XIX и начала XX века. (Далее: ВПР), серия 1. М., 1968. Т. IV. С. 491.

[10] ВПР. Т. V. С. 339.

[11] ВПР. Т.VI. С. 23.

[12] Там же. С. 73.
[13] Там же. С. 132.
[14] ВПР. T.V. С. 497.
[15] Там же. С. 551.
[16] РИО. T.XXI. С. 154–160.
[17] ВПР. T.V. С. 537.
[18] Там же. С. 710–711.
[19] Там же.
[20] ВПР. T.VI. С. 75.
[21] Там же. С. 189, 241.
[22] Там же. С. 270–271.
[23] Там же.
[24] AHN. Estado. Leg. 5911.
[25] ВПР. Т. VI. С. 472.
[26] *Звавич И.С.* Указ. соч. С. 48.
[27] *Орлов Вл.* Денис Давыдов и его записки: Вступительная статья // Денис Давыдов. Военные записки. М., 1940. С. 11.
[28] *Давыдов Д.В.* Соч. СПб., 1860. Ч. 1. С. 23–26.
[29] *Давыдов Д.В.* Мороз ли истребил французскую армию в 1812 г.? // Денис Давыдов. Военные записки. М., 1940. С. 309–310.
[30] *Алексеев М.П.* Указ. соч. С. 392.
[31] *Алексеев М.П.* Указ. соч. С. 392–393.
[32] Сын Отечества. 1812. Ч. 1, № 2. С. 32.
[33] Сын Отечества. 1812. Ч. 2, № VII. С. 27.
[34] Сын Отечества. 1812. Ч. 2, № IX. С. 9.
[35] *Алексеев М.П.* Указ. соч. С. 392.
[36] Вестник Европы. 1812. Ч. LXV. С. 142.
[37] Русский Архив. 1892. № 4. С. 441.
[38] ВПР. Т. VI. С. 565.
[39] Там же. С. 495–496.
[40] AHN. Estado. Leg. 6123.
[41] Российский государственный исторический архив. Ф. 14417. Оп. 10/291. Д. 5. Ч. 14.

АНГЛИЙСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ И ИХ ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКА ГЛАЗАМИ РУССКИХ ДИПЛОМАТОВ (конец 60-х – 70-е годы XIX века)

Т.Н. Гелла

Россия и Великобритания – две великие державы XIX в. Интерес россиян и англичан к истории, культуре и политике двух стран во многом определялся той исключительной ролью, которые они играли на международной арене во второй половине XIX столетия, сложностью их взаимоотношений по ряду европейских и среднеазиатских проблем. Крупнейшие российские журналы и газеты довольно широко освещали жизнь англичан во всех сферах ее проявления, спо-

собствуя формированию у русских людей образа "Туманного Альбиона". Немаловажное значение в формировании этого образа играли дипломатические депеши российских послов и донесения военных агентов из Лондона, содержащие интереснейший материал, изучение которого в сочетании с другими источниками позволяет более полно воссоздать картину общественной жизни англичан, борьбу правящих партий на политической арене страны, лучше понять и оценить деятельность и мотивы поведения их лидеров как по внутри-, так и по внешнеполитическим вопросам. В данной статье предпринята попытка реконструировать наиболее характерные аспекты восприятия английской либеральной партии и деятельности ее лидеров российскими дипломатами и военными представителями, являвшимися непосредственными свидетелями тех политических процессов и коллизий, которые имели место в английском обществе в 60–70-е годы XIX в.

Изучение архивных материалов свидетельствует о том, что российские дипломаты и военные атташе очень внимательно следили за расстановкой политических сил в стране, подвергали тщательному анализу причины побед или поражений политических партий на парламентских выборах, возвышения или падения авторитета того или иного партийного лидера. Либеральная партия и деятельность ее лидеров постоянно находились в центре внимания русских представителей в Лондоне.

К моменту парламентских выборов 1868 г. либеральная партия представляла собой организацию, объединявшую в себе несколько политических течений – вигов, пилитов и радикалов. Российские представители довольно точно разобрались в расстановке сил среди либералов, давая при этом интереснейшие характеристики лидеров того или иного течения.

В середине XIX столетия виги твердо удерживали за собой лидерство в самой партии и ключевые посты в либеральных кабинетах. Наиболее значимой и выдающейся фигурой среди них, да и на политической арене того времени, являлся лорд Пальмерстон. Его парламентская карьера началась еще в 1807 г., но наибольшего успеха на политическом поприще он добился в середине 50-х годов, став в 1855 и 1859 гг. премьер-министром Англии. Пальмерстон слыл противником решительных реформ социального и политического характера, круг его интересов в основном лежал во внешнеполитической области, в которой он сделал немало для укрепления международного престижа Великобритании. Российский посол в Лондоне Ф.И. Бруннов (посол в Англии с 1860 по 1874 гг.) в свое время писал о нем: "Он (Пальмерстон. – *Т.Г.*) старался обратить внимание общественности на внешнюю политику, чтобы помешать ей сконцентрировать свое внимание на внутренних вопросах страны. Политическая деятельность заграницей становилась для него средством обеспечения спокойствия правительства внутри (страны. – *Т.Г.*)"[1].

С завершением “эпохи Пальмерстона” наблюдался поворот либералов к проведению наиболее значимых в социальном и политическом отношении реформ в стране. Лорд Эктон, затрагивая вопрос о различиях вигизма и либерализма, отмечал, что “виги управляли с помощью компромиссов, тогда как либералы положили начало царствованию идей”[2].

Наряду с вигами в 60-е годы XIX в. в партии приобретали политический вес сторонники Роберта Пиля, или пилиты, которые фактически слились с либералами в единую либеральную группировку. Наиболее видным представителем пилитов был Уильям Гладстон, впоследствии крупнейший политический деятель Англии и глава либеральной партии в последней трети XIX в. В 1868 г. Бруннов писал о политической карьере Гладстона, что “... это роман в нескольких томах, все полные смысла, хотя все они разного стиля”[3], подразумевая, что он начал свою политическую карьеру в 30-е годы как тори, в конце 40-х годов перешел на сторону Пиля, а в 60-е годы после смерти лорда Пальмерстона становится лидером либералов и премьер-министром Англии в 1868 г.

В либеральную партию помимо вигов и пилитов в 60-е годы вошли и представители радикального течения, программа и политические действия которых оказывали заметное влияние на стратегию и тактику либералов. Таким образом, к моменту образования первого правительства Гладстона в конце 60-х годов либеральная партия фактически переживала период роста: шел процесс слияния вигов, пилитов и радикалов в единую политическую структуру, однако не получивший завершение к 1868 г.

Состав первого кабинета Гладстона отражал весь спектр политических оттенков, имевших место в либеральной партии. Однако от внимания современников не ускользнули новые моменты, проявившиеся при формировании министерства либералов. По мнению Бруннова: “В истории парламента этой страны создание кабинета Гладстона указывает на время, когда ветераны старого режима вигов уходят, а ученики новой либеральной школы приходят”[4]. И действительно, членами правительства Гладстона стали три пилита, пять вигов и семь так называемых “новых людей”[5].

Российские дипломаты очень внимательно следили за всеми настроениями в английском обществе, отмечая периоды роста или снижения авторитета либералов среди англичан. Так, в 1872–1873 гг. популярность либерального правительства заметно падает. Уже в начале 1872 г. Ф.И. Бруннов писал министру иностранных дел России А.М. Горчакову о несколько “пошатнувшемся” положении Гладстона в парламенте. “Большинство, на которое он мог рассчитывать, стало менее сплоченным и менее многочисленным... Одним словом, – заключал он, – в политической карьере г-на Гладстона настало такое время, когда ему надо подсчитывать, сколько же у него осталось настоящих друзей в палате общин”[6]. Весной 1873 г. в стране

разразился правительственный кризис, во время которого Гладстон решил подать в отставку[7]. И хотя министерство либералов осталось у власти, авторитет его среди англичан быстро падал.

В результате досрочных парламентских выборов в феврале 1874 г. либералы потерпели поражение. Как только это стало известно, Гладстон, не дожидаясь созыва парламента, 17 февраля подал в отставку. Разочарованность большинства англичан внутриполитическими мероприятиями либералов явилась одной из главных причин, обусловившей их поражение на выборах. Фактически правительство Гладстона не смогло удержаться на умеренных позициях, которые сумели бы удовлетворить и радикальные, и консервативные круги английского общества. Англичане сдержанно относились к законодательным инициативам либералов. На это указывали и сами современники событий. Российские дипломаты отмечали всю сложность положения либералов, непоследовательность их политического курса. Ф.И. Бруннов в своем донесении в Россию в октябре 1873 г. сообщал: "В сущности, вкус к радикальным изменениям, кажется, уходит в прошлое. Англия чувствует необходимость замедлить свой ход из страха придать прогрессу сильно ускоренный толчок. ... Эти соображения объясняют причины, способствовавшие ослаблению былого влияния Гладстона на либеральную партию"[8]. Русский журнал "Дело" отмечал: "либеральная буржуазия опасается, что Гладстон, со своими либеральными реформами, заведет ее гораздо дальше, чем она сама желает. ... Либеральная буржуазия находит, что Гладстон слишком много сделал для Ирландии, слишком много против церкви, не довольно для значения Великобритании за границей; что он произвел уже чересчур много социальных и политических реформ"[9]. В 1873 г., когда основные пункты предвыборной программы либералов были выполнены, они не смогли предложить избирателям что-либо более значимое. Вигский орган "Эдинбург Ревью" отмечал, что "либеральная партия была ослаблена завершенностью своих достижений", а королева Виктория замечала в феврале 1874 г., что «большинство либералов с трепетом спрашивает: "А что же дальше?"»[10]. Накануне парламентских выборов они не смогли выдвинуть конструктивной программы, которая способна была бы привлечь внимание различных слоев английского общества. Об этом свидетельствовал, например, текст манифеста Гладстона к своим избирателям в Гринвиче[11]. Бруннов докладывал о "неопределенности" и "неуверенности" самого лидера либералов. "В его выступлении не было и следа авторитета, которого можно было бы ожидать от министра, возглавлявшего парламент и который чувствовал бы к себе доверие всей огромной политической партии"[12].

Парламентские выборы 1874 г. принесли победу консерваторам во главе с Бенджаменом Дизраэли. Оппозиционные годы (1874–1880 гг.), особенно первая их половина, были сложными для либералов и сопровождались ростом разногласий между лидерами

трех основных течений. Уже в январе 1875 г. Гладстон, ставший главной мишенью для критики со стороны различных фракций либеральной партии, направил своим бывшим коллегам по кабинету меморандум, обосновывающий свое решение об уходе с поста партийного лидера. Российский посол в Англии П.А. Шувалов (с 1874 по 1879 г.) доносил министру иностранных дел Горчакову: "Похоже, на решение г-на Гладстона уйти в отставку с политической арены повлияли две причины: как политический государственный деятель он был поражен дезорганизацией либеральной партии, в которой, впрочем, он был сам виноват... В нем, как в простом смертном, проснулся сильный интерес к теологии, у него произошел резкий поворот к религиозным взглядам"[13].

Встал вопрос о новом лидере либералов, который бы и возглавил их оппозицию в парламенте. На этот пост претендовали ставленник вигов маркиз Хартингтон и У. Форстер, придерживавшийся реформистских воззрений. Позиции первого были довольно сильны, поскольку он являлся представителем старой вигской аристократической фамилии, наследником герцога Девонширского. Значение последнего момента очень точно оценил Шувалов: "Тот факт, что Хартингтон – будущий герцог, является наверное, самым реальным фактором, способным набрать большинство голосов либеральной партии"[14]. Как отмечала "Таймс", Хартингтон в целом придерживался стратегии Гладстона: "невмешательство" в секционную жизнь партии, гарантии секционной свободы, без связывания себя с какой-либо определенной позицией"[15]. Возможно, именно "умеренность" Хартингтона и привлекла к нему симпатии членов парламента и либеральной партии.

Положение же Форстера в партии было более сложным. Его школьная реформа, сохранившая наряду со светским и религиозное образование, вызвала негодование со стороны нонконформистов и части радикалов. Однако это не повлияло на снижение его "авторитета в либеральной партии, где он пользуется, – как писал Шувалов, – особой симпатией со стороны наиболее радикально настроенных либералов"[16]. Действительно, именно представители радикального крыла партии – Г. Фаусет, А. Дж. Мунделла и Дж. Тревельян – развернули кампанию в поддержку кандидатуры Форстера на пост лидера партии[17].

30 января 1875 г. члены парламентской фракции либеральной партии отдали предпочтение лорду Хартингтону. Все же избрание его в качестве лидера либеральной партии не решило всех ее проблем. Представитель российского посольства в Лондоне М. Бартоломей сообщал летом 1875 г. в Петербург: «Оппозиция, не собиравшаяся реорганизовываться, оказалась как и в прошлом году близкой к состоянию окончательного распада. Выбор лорда Хартингтона как "лидера" либеральной партии был скорее формальной уступкой, чем результатом серьезного союза между фракциями оппозиции»[18].

Внешнеполитические и имперские вопросы играли немаловажную роль в разработке либеральными идеологами основных концепций либерализма, они оказывали влияние на внутрипартийную борьбу между либералами, во многом способствовали либо ослаблению, либо усилению позиций самой партии на политической арене страны. Безусловно, что российские дипломаты очень внимательно следили за внешнеполитической и колониальной политикой либерального правительства У. Гладстона (1868–1874 гг.) и отношением либеральной оппозиции к имперской политике консерваторов во главе с Б. Дизраэли (1874–1880 гг.).

Деятельность кабинета Гладстона совпала с важным периодом в истории взаимоотношений Англии с ее самоуправляющимися колониями и с формированием в английском обществе новых настроений относительно империи в целом. Одним из важнейших вопросов в связях Англии и ее "белых" колоний (Австралией, Новой Зеландией и Канадой) стал вопрос о реорганизации имперской обороны.

Российские дипломаты и военные агенты в своих донесениях стремились обстоятельно обосновать мотивацию политического курса либералов по выводу войск из доминионов. Гражданская война в США, успехи прусского оружия в военных конфликтах 60-х годов, франко-прусская война 1870–1871 гг. вызвали определенное беспокойство в политических и военных кругах Англии. Складывавшаяся новая расстановка сил в Европе и в Северной Америке требовала от Англии создания достаточно сильной и боеспособной армии, а также разработки новых подходов к решению вопроса о защите империи. Русский военный агент в Лондоне Новицкий в 1871 г. сообщал: "Гордая своим богатством и прошлым политическим влиянием Великобритания со смущением чувствует ослабление этого влияния и со страхом взирает на создание в других государствах новых флотов и громадных внешних сил"[19].

По мнению либералов, предоставление колониям права решения вопросов о собственной обороне соответствовало концепциям, в основе которых лежала идея о расширении самоуправленческих прав местных правительств. И, наконец, содержание британских контингентов в отдаленных владениях, как они считали, очень дорого обходилось английским налогоплательщикам, и потому колонии также должны были разделить бремя военных расходов. На наличие этих причин указывали и российские представители в Лондоне [20].

Политический курс правительства Гладстона, особенно министерства колоний во главе с лордом Гренвиллем (до 1870 г.) и лордом Кимберли (с 1870 по 1874 гг.), направленный на вывод войск из доминионов, вызвал бурную реакцию в английском обществе, причем, как правило, преобладали критические настроения. Консервативно настроенные круги стали обвинять либералов в стремлении разрушить империю. Консерваторов поддержали колониальные

власти Новой Зеландии и Канады, преследовавшие, в первую очередь, свои цели[21]. Показательно, что российские дипломаты в своих донесениях довольно точно раскрыли характер и перспективы имперской политики либералов в отношении доминионов. Так, действия лорда Гренвилля как главы министерства колоний в отношении Новой Зеландии в 1869–1870 гг. были жесткими и бескомпромиссными. В целом он завершил начатую до него политику по выводу войск из этой колонии. Однако его действия, безусловно, нельзя рассматривать с точки зрения проведения политики на отделение колоний, в чем его обвиняли политические противники. Пожалуй, именно в его "неквалифицированной", несколько "грубой" манере решения этого вопроса проявилось желание реализовать на практике один из либеральных принципов – колонии с ответственным правительством должны сами решать вопросы собственной обороны. В проведении своей политики либералы руководствовались задачами укрепления Британской империи. По сообщению военного агента Г. Кутайсова в 1871 г., в Англии сознавали, что "... колонии никогда не могут быть удержаны исключительно силою оружия и что прочная, единственная связь, существующая между ними и метрополией, должна быть основана не на боязни штыков, а на обоюдных выгодах и на умении вести дела так, чтобы колонии не смотрели бы на себя как на источник дохода метрополии, а всецело приписали бы себя сами к метрополии, и ни в чем не находили бы выгоды отделения от общих с ней интересов"[22].

Вывод английских войск из Британской Северной Америки был завершен осенью 1871 г., когда последние части покинули Квебек[23]. Реальную оценку канадской политики либерального кабинета можно найти в донесениях русских военных агентов в Лондоне. Так, Кутайсов в декабре 1871 г. сообщал в Россию: "... рассматривая факт вывода войск, никак не следует считать его равносильным потере колоний. Мне кажется, если бы верно оценить положение Английских Северо-Американских владений и с некоторым вниманием проследить бы все то, что там делалось в последние десятки лет, то можно прийти к тому заключению, что Правительство, выводя оттуда свои войска, действует весьма разумно и правильно и нисколько при этом не спускает там своего могущества, ни своего знамени ..."[24]

Таким образом, позиция либералов по вопросу о судьбе самоуправляющихся колоний характеризовалась тем, что теоретически признавая неизбежность в будущем провозглашения ими своей независимости от Англии, они на практике рассматривали этот процесс нецелесообразным и преждевременным с точки зрения взаимной выгоды для обеих сторон. Курс на предоставление колониям права решения вопросов об организации собственных вооруженных сил также свидетельствовал о стремлении лидеров партии в полной мере реализовать либеральные принципы о самоуправляющихся наци-

ях и ни в коей мере не означал их намерение “развалить империю”. Кутайсов, в частности, отмечал: “Манчестерская школа, представителями которой служит нынешнее правительство, ... идет еще дальше, утверждая, что в высшей степени несправедливо позволить, чтобы колония, богатая и сильная, пользующаяся всеми выгодами свободы и английского покровительства, ... требовала бы от метрополии еще людей для своей же собственной, внутренней обороны”[25].

Показательно, что российских дипломатов, хотя и в меньшей степени, интересовала африканская политика либералов. В архивных материалах можно обнаружить сравнительно незначительное число упоминаний, например, об ашантийских событиях начала 70-х годов XIX в., но и они позволяют воссоздать более полную картину колониальной политики либерального кабинета во главе с Гладстоном.

Как сообщали российские представители в Лондоне, “английские владения на Золотом Берегу у Гвинейского залива простираются на общей площади в 3000 английских миль в длину и 80 миль в ширину. В 1871 г. фискальный доход от этих колоний составил 31 тыс. ф. ст., доход от импорта составил 500 тыс. ф. ст., доход от экспорта – 4000 ф. ст.”[26]. Освещая британскую политику в Западной Африке, российский посол Ф.И. Бруннов докладывал в Министерство иностранных дел в сентябре 1873 г.: “Придя на смену голландцам на всем побережье Золотого Берега, английские власти приняли ряд мер по урегулированию торговли, а также ввели более строгую таможенную систему. Все эти меры, принятые для защиты интересов англичан, очень скоро начали подавлять интересы туземных народов в области торговли, сводя практически на нет все преимущества их портов, открытых во время голландского владычества”[27].

Действительно, потеря г. Элмины и прекращение денежных поступлений усилили растущее недовольство ашантийцев и фактически явились причиной для начала с их стороны военных действий. В конце 1872 г. ашантийская армия двинулась к побережью и в начале следующего года в ряде сражений разгромила находившиеся под британским контролем несколько африканских племен, враждующих с ашанти[28]. Известия о военных действиях на Золотом Берегу достигли Лондона в феврале 1873 г. Перед либеральным правительством встала проблема не столько об оказании военной помощи колониальным властям, сколько о форме, в которую должна быть облечена эта помощь.

Несмотря на долгие колебания кабинет Гладстона принимает решение направить военную экспедицию в Западную Африку. В августе 1873 г. ее организация была поручена сэру Г. Уолсли, а Джону X. Гловеру, администратору Лагоса, отводилась второстепенная роль. Бруннов сообщал, что в задачу последнего “входило сплотить местные племена, находившиеся в зависимости от Англии и на поддержку которых еще можно было рассчитывать”[29]. Полномочия же

сэра Г. Уолсли были достаточно большими. В инструкции от 8 сентября, направленной ему военным министром лордом Кардвеллом, отмечалось, что только Уолсли мог решать вопрос о характере военных действий для защиты сеттльментов от атак ашантийцев[30]. В связи с этим Ф.И. Бруннов отмечал, что "к своему отъезду сэр Гарнет Уолсли получил большие полномочия" и что "он должен был решать эту проблему либо мирным путем, либо показать решительными боевыми действиями непреклонность Англии в этом вопросе"[31].

В феврале 1874 г. в Англии намечались выборы в парламент. Ашантийские события влияли на предвыборные настроения англичан. Бруннов, в частности, высказывал предположение: "Если экспедиции будет сопутствовать быстрый успех, она послужит укреплению власти английской администрации, сильно пошатнувшейся в последнее время. Если же экспедиция затянется надолго и не принесет никаких существенных результатов, то ответственность за неудачу ляжет на правительство, авторитет которого в таком случае сильно упадет в глазах общественного мнения"[32]. Известия о победе британского оружия достигли Англии в начале 1874 г., когда там уже произошла смена правительства, и, таким образом, победные лавры и право заключения договора с ашантийскими вождями выпали на долю консерваторов.

Наибольшее внимание российские дипломаты уделяли индийской и средневосточной политике либералов, детально освещая и анализируя все аспекты и нюансы ее проявления. Безусловно, такой пристальный интерес объяснялся сложным характером взаимоотношений Англии и России в этих регионах. Российские послы тщательно следили за всеми назначениями в индийском правительстве и министерстве по делам Индии. Так, после смерти лорда Майо от рук убийцы в 1872 г. его на посту вице-короля Индии сменил представитель уже либеральной партии лорд Нортбрук. Как сообщал в Россию Бруннов, "назначение на этот высокий пост является для лорда Нортбрука стремительным продвижением в его карьере на государственной службе". Новый вице-король Индии обладал, по словам Бруннова, "одним качеством, достойным всякой похвалы – независимостью мышления". Консерваторы, как считал русский посол, относили его «к той школе современных "реформаторов", которыми владеет не в меру страстное желание к обновлению всего...»[33]

Индийская политика была одним из главных направлений имперской деятельности кабинета У. Гладстона. Именно через призму индийского вопроса английские политические деятели оценивали имперскую и европейскую политику Великобритании. Какие бы события ни происходили в центре Европы и на ее окраинах, какова бы ни была расстановка сил на международной арене и какие бы политические коллизии ни сотрясали мусульманский мир Ближнего Вос-

тока и Северной Африки, прямо или косвенно Англия соотносила их с судьбой своего господства в Индии. Военный агент России в Лондоне сообщал в 1873 г.: "Главная забота Англии при проявлении затруднений на Востоке состоит всегда в строгом сохранении Индии и средства сообщения с этой страной, а равно и в возможно надежном обозначении своего азиатского положения против всяких случайностей в будущем"[34]. В связи с этим афганский вопрос рассматривался Лондонским и индийским правительствами с точки зрения не только расширения британского влияния и присутствия на Среднем Востоке, но и безопасности Индии. "Афганистан, – писал в одном из своих донесений Бруннов, – ... образовывает объект постоянных тревог Англии под властью всех администраций, которые управляют ею"[35].

Безусловно, активные действия русских в Средней Азии в 1867–1873 гг. вызвали обеспокоенность Лондонского и индийского правительств. Так, в июне 1869 гг. Ф.И. Бруннов сообщал в Россию: "В Индии общественное мнение оценивает военные успехи России как призрак системы, направленной против покоя британских владений"[36]. В самой Англии поднялась волна русофобских настроений, особенно они усилились во время Хивинского похода русских войск в 1873 г. Бруннов отмечал в своих депешах 1872 г.: "Отношение общественного мнения к нам (русским. – *Т.Г.*) находится под влиянием военных приготовлений, направленных против России и целью которых является обеспечение безопасности Британских владений в Индии. Недоверие к нам длится уже очень долго. Временами оно проявляется"[37].

Однако прогрессивно мыслящие представители английского общества, да и лидеры либералов не могли не учитывать тот факт, что одним из первых актов русского командования в Хиве был указ об освобождении пленных из рабства и о ликвидации самого института рабства. В английской прессе, как отмечал в своих донесениях русский посол, проводилась мысль, что "... Россия со своей стороны тоже имеет право на защиту своих законных интересов, если она хочет, чтобы жизнь ее граждан и имущество ее торговцев находились в безопасности от фанатизма и жадности полудикого народа"[38].

На рубеже 60–70-х годов XIX в. тактика проведения средневосточного курса Англии имела большое значение для британских политиков. Сторонники так называемой "школы наступательных действий" стремились решить англо-русские споры в этом районе путем расширения индийских границ, активного проникновения в Афганистан и подчинения его английскому контролю. Гладстон и его приверженцы придерживались другого курса в решении средневосточных проблем. Они являлись сторонниками так называемой политики "закрытой границы". Этот курс, не отрицая необходимости укрепления английских позиций на Среднем Востоке, сводился к более осторожной политике в отношении России, не отвергал воз-

можность достижения желаемых целей путем переговоров с царским правительством. Однако, несмотря на определенную непопулярность этой тактики среди англичан, именно она легла в основу среднеазиатской политики первого кабинета Гладстона. Глава правительства советовал лорду Гренвиллю проводить в Туркестане "политику, сочетающую осторожность с уступками"[39].

В целях укрепления английских позиций и противодействия продвижению русских войск в Среднюю Азию правительство Гладстона в 1869 г. выступило инициатором проведения переговоров с Россией о создании "нейтральной зоны" в Афганистане и определении его северных границ, хотя этот вопрос поднимался еще до их прихода к власти[40]. Правда, с самого начала Гладстон высказывал мнение, что этот вопрос будет "не без трудностей"[41]. Такого же мнения был и русский посол в Лондоне Бруннов, который писал Горчакову в октябре 1871 г.: "... я предвижу неизбежные трудности материального характера на пути вопроса, решаемого между Петербургом, Лондоном и Калькуттой"[42].

Переговоры о создании "нейтральной зоны" велись до 1872–1873 гг., когда, наконец, было заключено соглашение между двумя государствами. Как сообщали русские военные агенты в Лондоне, в английском обществе были недовольны этим соглашением, и поэтому "пресса продолжает по-старому нападать на Россию и упрекать Британское правительство в слабости, уступчивости и неуместных осторожностях"[43]. Умеренная по сравнению с торийской средневосточная политика либерального кабинета вызвала в целом недовольство в английском обществе, что послужило одной из причин падения авторитета либералов на политической арене страны.

Внешнеполитическая и колониальная политика консервативного правительства Б. Дизраэли во второй половине 70-х годов XIX в. и отношение к ней либеральной оппозиции сыграли довольно заметную роль в сплочении либералов всех оттенков к моменту выборов 1880 г. и во многом предопределили их победу.

Колониальный курс консервативного правительства определялся имперскими воззрениями его главы Дизраэли, пользовавшегося огромным авторитетом среди своих коллег по партии и в политических кругах страны в целом. Российский дипломат М. Бартоломей сообщал о нем в 1875 г.: "До сих пор г-н Дизраэли продолжает быть лидером консервативной партии. Его преобладающее преимущество над всеми своими коллегами непоколебимо; занимаемое им положение остается, как всегда, очень сильным в глазах Парламента и всей палаты в целом"[44].

Роль Дизраэли в развитии имперской идеологии и стратегии заключалась в том, что он пытался сочетать внешнюю политику с имперской, придав первой "имперские" черты и направленность, и соединить понятия "империя" и "патриотизм" воедино. Он убеждал англичан, что величие и процветание Британии неотъемлемо связано с империей и с

консервативной партией, которая представляла интересы широких слоев населения. Дизраэли считал, что "абсолютно необходимо, чтобы условия жизни населения (империи. – *Т.Г.*) стали предметом" пристального рассмотрения тех, "кто был наделен властью в Англии"[45].

По многим аспектам имперской политики Дизраэли либералы и их партийные лидеры занимали умеренные позиции. Например, это наглядно прослеживалось во время обсуждения в английском обществе и парламенте в 1876 г. вопроса о добавлении титула "Императрица Индии" к королевскому титулу. Инициатором постановки такого вопроса была сама королева Виктория, ее поддержал Дизраэли, предложив его на обсуждение в парламенте. Показательно, что критика билля со стороны либеральной оппозиции преимущественно носила осторожный и сдержанный характер. На это указывал и российский посол Шувалов, отмечая, что предложения главы либеральной партии лорда Хартингтона касались "только вопросов о деталях и главным образом об уместности перечисления в титуле королевы всех зависимых от британской короны владений"[46].

В середине 70-х годов XIX в. либералы занимали умеренные позиции и по Восточному вопросу, что наглядно прослеживается по донесениям российских дипломатов.

Интерес англичан к событиям на Балканах резко усилился весной–летом 1876 г., когда стали известны факты о восстании в Болгарии и о жестокой расправе турецких властей над его участниками, вылившейся в "кровавую резню" мирного населения. Сообщения об этих событиях были опубликованы в либеральном печатном органе "Дейли Ньюс" и привлекли внимание англичан. В стране поднялась волна недовольства занятой консервативным правительством позицией "невмешательства" в болгарские дела[47]. М. Бартоломей сообщал Горчакову в сентябре 1876 г.: "Пресса либеральной партии не щадит правительство, упрекая его во враждебной позиции по отношению к христианскому населению Турции и в явной защите мусульман"[48].

Кампания в прессе в определенной степени застала либеральную оппозицию врасплох. Бартоломей, оценивая выступления либералов осенью 1876 г. против болгарской политики консерваторов, считал, что они "были до настоящего (времени. – *Т.Г.*) продуктом движения общественного мнения без всякого вмешательства партийности; можно было бы даже сказать, что либералы крайне медленно воспользовались обстоятельствами, чтобы с большей решимостью принять это движение"[49]. Все же представители партийного руководства не остались в стороне от происходящих событий. Как сообщал в Россию Шувалов, "лидеры партии вигов успешно выступали на различных митингах и их выступления были приняты с выражением симпатий"[50], хотя чаще всего их речи характеризовались умеренностью высказываемых положений. Об одном таком выступлении У. Форстера сообщал в своем донесении Александру II Шувалов в октябре 1876 г.[51]

Начавшаяся в апреле 1877 г. русско-турецкая война усилила поляризацию общественного мнения в Англии. Преимущественно все газеты высказывали свои симпатии Турции и требовали, чтобы Англия выступила в защиту последней. Консервативный кабинет Дизраэли чувствовал широкую поддержку своему политическому курсу. Протурецкие и русофобские настроения усилились в начале 1878 г. В феврале П.А. Шувалов сообщал Горчакову: «Недовольство в Англии достигло своего апогея. Страна накалилась до предела. Туркофильско настроенная пресса всячески пытается разжечь огонь... Англичане изменились: они перестали быть теми британцами, которые были заняты исключительно собственными интересами; теперь они готовы мстить ценою больших жертв за нанесенные нашими условиями (Сан-Стефанский мирный договор. – *Т.Г.*) удар по так называемым "Британским интересам"»[52].

В условиях нарастающего шовинистического угара российские дипломаты внимательно следили за расстановкой сил на политической арене, анализировали результаты парламентских слушаний. В их донесениях постоянно прослеживается мысль об умеренности британских либералов. Так, о сдержанной позиции либералов свидетельствовало их отношение к вопросу о вотировании дополнительных военных субсидий, обсуждаемых в парламенте в начале 1878 г. Характеризуя позицию либералов, русский посол в Лондоне Шувалов сообщал в Россию: "Оппозиция предпринимает решительные меры для борьбы с политикой правительства, военные тенденции которой все более усиливаются. Она (оппозиция. – *Т.Г.*) не хочет, чтобы страна была вовлечена в войну, ... партия располагает единственным средством остановить правительство на пути, по которому оно намерено следовать: это отказать ему в кредитах, которые оно попросит". Но по словам посла, сами либеральные лидеры сомневались в успешных действиях оппозиции[53]. И, действительно, во время обсуждения в парламенте вопроса о дополнительных субсидиях лидеры и большинство членов оппозиции высказали одобрение действиям правительства. Либеральные депутаты проголосовали за предоставление ему дополнительных кредитов[54].

Результаты работы Берлинского конгресса 1878 г. и участие в нем британской делегации во главе с Б. Дизраэли обсуждались как в английской прессе, так и в парламенте. Наряду с одобрительными отзывами в адрес политики консерваторов, и особенно их главы – лорда Биконсфилда, без единого выстрела установившего британский контроль над Кипром, среди англичан имело место и негативное отношение к этим событиям. Особенно характерны такие настроения были для либеральной печати. М. Бартоломей сообщал Горчакову в июле 1878 г.: «"Дейли Ньюс" – единственная газета, которая предостерегает о потенциальных трениях, жертвах и опасностях, которые берет на себя Англия в будущем...»[55]

Осенью 1878 г. в британском парламенте прошли слушания, посвященные результатам работы Берлинского конгресса. От имени оппозиции выступил лорд Хартингтон, речь которого сводилась к осуждению правительства за принятие на себя чрезмерных обязательств по гарантированию безопасности Турции от возможного нападения России. Однако парламентские дебаты закончились в пользу консерваторов. В период разгара шовинистических и "джингоистских" настроений в английском обществе либералы не смогли выдвинуть хорошо аргументированных доводов в защиту либеральных концепций внешней и имперской политики. Недаром российские дипломаты сообщали летом 1878 г., что "оппозиция оказалась застигнутой врасплох и не была в состоянии выйти с честью из испытания"[56].

Восточный вопрос второй половины XIX в. ассоциировался в английском обществе не только с событиями на Балканах, но и с русско-английскими отношениями на Среднем Востоке. Как и в первом, так и во втором случае позиции английских политических кругов определялись через призму перспектив британского господства в Индии. Русские военные представители в Лондоне в 1879 г. отмечали, что "важность Индии для Англии и проистекающая отсюда взаимная тесная связь судеб двух стран очень хорошо сознается не только государственными людьми Англии, но и всем британским народом..."[57]. Таким образом, Индия являлась исходным моментом во взятой в более или менее широком смысле британской интерпретации Восточного вопроса.

С приходом консервативного правительства к власти в 1874 г. происходила заметная переориентация политического курса Англии на Среднем Востоке от тактики "искусственного бездействия" к "наступательной политике". Периодическая печать, особенно консервативная, становилась проводником нового курса. На страницах газет "Пэлл Мелл Газетт", "Дейли Телеграф", "Морнинг Пост", "Стандарт" часто печатались статьи и заметки, написанные военными специалистами, убеждавших читателей в растущей со стороны России угрозе Индии. Так, П.А. Шувалов в письме к А.Г. Жомини, советнику Министерства иностранных дел России, в ноябре 1875 г. сообщал: "Пресса, вместо того чтобы успокоить общественное мнение, возбуждает его"[58].

Определенная заслуга в растущем интересе англичан к Среднему Востоку принадлежала ученым. Так, Г. Роуленсон, британский ученый и путешественник, в 1875 г. опубликовал книгу "Англия и Россия на Востоке", в которой, муссируя тезис о "русской угрозе", пропагандировал идею активного противодействия распространяющемуся русскому влиянию в Средней Азии, Афганистане и Иране. Идеи Роулинсона находили понимание у многих общественных и политических деятелей, которые открыто призывали к оккупации Средней Азии, заявляя при этом, что ее главными целями были скорее финансовые, чем военные[59].

Книга Роулинсона и высказываемые реакционно настроенными политиками и общественными деятелями предложения не остались без внимания представителей либеральных кругов. С критикой многих положений, высказанных Роулинсоном, выступил либерал Г. Дафф. Как сообщал Шувалов, оба они "являются представителями противоборствующих направлений, каждое из которых старается навязать свою политику британскому правительству в вопросах, связанных с англо-русскими отношениями в Азии". В противовес автору книги, либерал Дафф "не верит тому, что Россия собирается атаковать английскую Индию". Он не считал, что "захват Герата может быть желаем хоть в какой-то мере". Однако, по мнению русского посла, два оппонента сходились в одном: "Если Россия пойдет войной на Герат, чтобы оккупировать его, то будет ... война, которая охватит весь мир". Правда, по словам Шувалова, Дафф более трезво оценивал предполагаемое занятие русскими г. Мерв и не считал, что это событие может послужить "причиной разрыва между двумя великими державами"[60].

В 1878–1879 г. резко обостряется средневосточная проблема, вылившаяся в англо-афганскую войну. Анализ взглядов и выступлений лидеров либеральной партии на первом этапе этого кризиса показывает, что их позиции отличались определенными колебаниями и выжиданием развития англо-афганских отношений. Решение вице-короля Индии лорда Литтона направить в сентябре 1878 г. английскую миссию в Кабул и последовавшие за этим осложнения в отношениях с афганским правителем вызвали у либеральной оппозиции, как отмечал американский историк Дж. Росси, "беспокойство, замешательство и страх"[61]. А русский дипломат М. Бартолемей в свою очередь писал в Россию товарищу министра иностранных дел, одновременно управляющему Азиатским департаментом Н.К. Гирсу в ноябре 1878 г.: "Признанные руководители партии вигов колеблются и воздерживаются, как и в прошлом, лорд Хартингтон и лорд Гренвилль не выдвинули открыто программу и не встали в ряды своих собственных сторонников"[62].

Осенью 1878 г. позиции либералов по афганскому вопросу фактически носили выжидательный характер и отличались разобщенностью мнений среди лидеров партии. Военный агент России в Англии Горлов писал военному министру Д.А. Милютину, что в отношении Афганистана либералы в целом поддерживают политику консервативного правительства и не станут препятствовать ее осуществлению. "Либералы в настоящем случае идут заодно с консерваторами и требуют немедленного начатия войны против Кабула. Оппозиция будет заключаться только в нападениях на дурное управление лиц консервативной партии", – отмечал он[63].

В ноябре 1878 г. началась англо-афганская война. На фоне растущего недовольства со стороны либеральной оппозиции и английской общественности консервативный кабинет Дизраэли созвал в

декабре 1878 г. специальную сессию парламента по афганскому вопросу. Накануне ее П.А. Шувалов отмечал в своих донесениях наличие двух групп политиков, имевших собственный подход к рассматриваемым проблемам: в первой "люди, представляющие партию действия, ... толкают правительство на исправление границ: они очень хорошо знают, что этот первый шаг повлечет за собой другие... Они надеются, ... что Афганистан будет включен (в протекторат Британии. – *Т.Г.*)... Люди с противоположным мнением обвиняют правительство в развязывании войны без достаточных оснований на то ... Они просят Министерство... отказаться от исправления границ ... По их мнению, исправление границ поставило бы Англию перед необходимостью постоянного продвижения, побудило бы Россию делать то же самое и привело бы, рано или поздно, к конфликту между этими странами"[64]. Необходимо отметить, что лидеры либеральной оппозиции, хотя и имели за собой поддержку определенных кругов в английском обществе, не решались все же внести на обсуждение палат вопрос о недоверии консервативному правительству, а хотели ограничиться только критикой правительственной политики. Однако в письме к королеве Виктории от 7 декабря Дизраэли писал: "Признанные лидеры оппозиции, находившиеся в последний момент под влиянием крайней фракции своих сторонников, неожиданно изменили себе и сделали заявление о внесении вотума недоверия Правительству Ее Величества ... в обеих палатах"[65].

Парламентские дебаты закончились не в пользу либералов. Внесенная ими резолюция недоверия действиям торийского кабинета по афганскому вопросу не получила большинства голосов. За одобрение политики правительства высказались 328 депутата, против – 227[66]. Шувалов сообщал Н.К. Гирсу о своих впечатлениях о работе парламентской сессии: "Страсти возбуждены, личности прямо вовлечены в игру, а не только принципы. Ловят друг друга, множат упреки, обвинения – в общем, ничего не будет меняться. Оппозиция доказывает, насколько плоха его (правительства. – *Т.Г.*) политика. Правительство отвечает, что за ним нация, что оно отражает подавляющее парламентское большинство – значит оно право. Договоры с Германией, Болгарией, эмиром Кабула – это только камни, которые одни бросают в других, осыпают ругательствами под невинными предлогами"[67].

Кульминационным моментом в оценке либералами имперской и колониальной политики консервативного правительства Дизраэли стал период предвыборной кампании 1879–1880 гг. Афганская и зулусская войны[68] обострили интерес английского общества к колониальным и имперским проблемам. Определенные неудачи британских войск, которые имели место во время военных действий в Афганистане и Южной Африке, большие военные расходы, экспансионистские цели, преследуемые торийским правительством, давали либеральной оппозиции прекрасный повод для критики внешней по-

литики консерваторов. Российские дипломаты не могли не отметить особенности складывающейся политической ситуации в стране. Так, в письмах Шувалова к Н.К. Гирсу в октябре–ноябре 1879 г. отмечалось, что "совершенные ошибки дали уверенность либералам, и они явно подняли голову", и кроме того, "лидеры оппозиции не преминули повести атаки наиболее сильные, даже грубые, против политики настоящего кабинета"[69].

Активное участие в предвыборной кампании приняли все лидеры либеральной партии. Шувалов сообщал в Россию: "Оппозиция с силой и неустанной энергией ведет кампанию против правительства... Руководители либеральной партии посетили страну во всех направлениях, произнеся множество речей". Он указывал, что У. Харкорт, маркиз Хартингтон, Г. Дафф и другие "осыпали атаками кабинет министров"[70].

Наиболее активно в предвыборной кампании проявил себя У. Гладстон. В конце осени 1879 г. он предпринял двухнедельную поездку по городам избирательного округа Мидлотиан в Шотландии для встречи со своими избирателями, что стало беспрецедентным событием в политической истории Англии. За две недели (24 ноября – 6 декабря) он выступил перед слушателями с двадцатью двумя большими речами, не считая многочисленных обращений во время коротких встреч и митингов. "Полные толпы на каждой станции", – записал он в своем дневнике. По собственным подсчетам Гладстона, за время поездки он выступил перед 86 930 англичанами[71]. В декабре 1879 г. М. Бартоломей сообщал Гирсу, что "избирательное турне м-ра Гладстона остается в настоящее время событием дня". Его красноречие, замечал он, "вызывает, конечно, сейчас наиболее живое впечатление"[72].

Естественно, что в конце 1879 – начале 1880 г. вопрос о лидерстве партии и правительства в случае победы на выборах был одним из острых для либералов. В партии не было единства мнений по этому вопросу. Так, часть вигов предпочитала, как сообщал в своих донесениях Бартоломей, видеть лорда Гренвилля премьер-министром, а маркиза Хартингтона – канцлером казначейства, тогда как "передовая часть партии и большинство в стране" хотели бы иметь последнего главой правительства"[73]. 8 марта 1880 г. правительство Дизраэли приняло решение о роспуске парламента и о досрочных выборах в конце этого месяца. Во многом такое решение было неожиданным для всей страны и для самих консерваторов. Еще 14 февраля 1880 г. на заседании кабинета тори его члены проголосовали против досрочных выборов[74]. Российский посол в Лондоне А.В. Лобанов (с 1879 г.) отмечал в своих донесениях: "Мотивы, побудившие кабинет выбрать настоящий момент, объясняются довольно естественно ... Позиция, которую занимает сейчас партия консерваторов, представляется благоприятной; общая ситуация дел – спокойная, почти все внешнеполитические мероприятия пра-

вительства увенчались успехом ..."[75]. И сам Дизраэли находил обстановку в стране достаточно выгодной для консерваторов и считал их победу на предстоящих выборах обеспеченной[76]. Однако его прогнозы не оправдались.

После одержанной победы на выборах либералы встали перед необходимостью формирования правительства и выбора его главы. Авторитет Гладстона в начале 1880 г. был настолько велик, что не включить его в состав нового либерального кабинета было просто невозможно. А.В. Лобанов замечал по этому поводу: "Позиция м-ра Гладстона в качестве руководителя оппозиции, которая скинула кабинет Биконсфилда слишком неоспоримо признана либералами всех оттенков, чтобы было возможно иметь с ним расхождения или даже отвести ему второстепенное место в новой администрации"[77]. 23 апреля королева Виктория предложила Гладстону сформировать кабинет министров. Не являясь официальным лидером победившей на выборах партии, он стал главой либерального правительства.

В заключении можно отметить, что российские дипломаты и военные агенты сравнительно верно в своих донесениях отражали положение либералов на политической арене страны, организационные трудности и фракционную борьбу в самой партии, довольно точно комментировали взгляды и деятельность либеральных лидеров. Важным, на наш взгляд, является то, что русские представители в целом правильно оценили позиции представителей либеральной и консервативной партий по колониальной и имперской политики, отмечая схожесть их целей по защите интересов Британской империи и расхождения их по вопросам методов осуществления этих целей.

---

[1] Архив внешней политики Российской империи. (Далее: АВПРИ). Ф. 133. Оп. 469 (1868). Д. 80. Л. 462–462/об.

[2] *Bradley G.* The Optimists. Themes and Personalities in Victorian Liberalism. L., 1980. P. 41.

[3] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469 (1868). Д. 81. Л. 29.

[4] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469 (1868). Д. 80. Л. 461.

[5] См. более подробно: *Гелла Т.Н.* Либеральная партия Великобритании в 60–70-х годах XIX века (Программа, течения, лидеры) // Люди и политика. Брянск, 1999. С. 109–115.

[6] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470 (1872). Д. 60. Л. 35/об.–36.

[7] Там же. 1873. Д. 67. Л. 109–114.

[8] Там же. Л. 349/об.

[9] Дело. 1873. № 4. С. 185.

[10] Edinburgh Review. 1874. Vol. 139. P. 548; *Victoria.* Queen Victoria in her Letters and Journal. L., 1984. P. 239.

[11] The Times. 1874. 24 Jan.

[12] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470 (1874). Д. 85. Л. 30/об.–31.

[13] Там же. 1875. Д. 71. Т. 1. Л. 22–22/об, 23/об.

[14] Там же. Л. 33.

[15] The Times. 1875. 28 Jan.

[16] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470 (1875). Д. 71. Т. 1. Л. 29/об.

[17] *Jenkins R.* Victorian Scandal: A Biography of the Right Hon. Gentleman Sir Charles Dilke. N.Y., 1965. P. 96.

[18] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470 (1875). Д. 71. Т. 2. Л. 520–520/об.

[19] Российский государственный военно-исторический архив. (Далее: РГВИА). Ф. 431. Оп. 1 (1871). Д. 42. Л. 178.

[20] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 460 (1869). Д. 83. Л. 94/об–95.

[21] Более подробно см.: *Айзенштат М.П., Гелла Т.Н.* Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX веке (1815 – середина 70-х годов). М., 1999. С. 120–130.

[22] РГВИА. Ф. 431. Оп. 1 (1871). Д. 43. Л. 208/об.

[23] Там же. Л. 201.

[24] Там же. Л. 202/об.

[25] Там же. Л. 203/об.

[26] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470 (1873). Д. 67. Л. 341.

[27] Там же. Л. 332, 343–343/об.

[28] British Parliament Papers. Colonies. Africa. N 58. P. 245–248; *McIntyre W.D.* British Policy in West Africa: The Ashanti Expedition of 1873–1873 // The Historical Journal. 1962. Vol. 5. N 1. P. 26–46.

[29] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470 (1873). Д. 67. Л. 333/об.

[30] *Crooks J.* Records Relating to the Gold Coats Setlement from 1750–1874. L., 1973. P. 460–462.

[31] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470 (1873). Д. 67. Л. 333/об.

[32] Там же. Л. 345/об.–346.

[33] Там же. (1872). Д. 60. Л. 72–74.

[34] РГВИА. Ф. 431. Оп. 1 (1873). Д. 47. Л. 47.

[35] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469 (1868). Д. 81. Л. 193.

[36] Там же. (1869). Д. 83. Л. 217–218, 238–239/об.

[37] Там же. Оп. 470 (1872). Д. 61. Л. 251.

[38] Там же. Д. 60. Л. 475/об.

[39] *Matthew H.C.* Gladstone. 1809–1974. Oxford, 1986. P. 188.

[40] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469 (1868). Д. 81. Л. 141–142.

[41] *Gladstone W.E.* The Gladstone Diaries with Cabinet Minutes and Prime-Ministerial Correspondence / Ed. by H. Matthew. Oxford, 1982. Vol. 7. P. 120.

[42] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470 (1871). Д. 68. Л. 165/об.

[43] РГВИА. Ф. 431. Оп. 1 (1873). Д. 45. Л. 10/об.–11.

[44] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470 (1875). Д. 71. Т. 2. Л. 519.

[45] The Times. 1874. 23 July.

[46] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470 (1876). Д. 76. Т. 1. Л. 83/об.

[47] Там же. Л. 386–387/об., 413–413/об.

[48] Там же. Т. 2. Л. 43.

[49] Там же. Л. 64.

[50] Там же. Д. 77. Л. 234.

[51] Там же. Д. 76. Т. 2. Л. 199–200/об.

[52] Там же. (1878). Д. 79. Т. 1. Л. 104/об.–105.

[53] Там же. (1877). Д. 70. Т. 2. Л. 689/об., 693.

[54] Там же. (1878). Д. 79. Т. 1. Л. 62/об., 70, 75об.

[55] Там же. Т. 2. Л. 387–387/об.

[56] Там же. Л. 471/об.

[57] РГВИА. Ф. 431. Оп. 1; (1879). Д. 54. Л. 17–17/об.

[58] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470 (1875). Д. 71. Т. 2. Л. 798–798/об.

[59] The Edinburgh Review. 1880. Vol. 151. P. 81.

[60] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470 (1875). Д. 71. Т. 2. Л. 635/об.–636/об.

[61] *Rossi J.* The Transformation of the British Liberal Party: A Study of the Tactics of the Liberal Opposition 1874–1880 // Transl. of the American Philos. Soc. Philadelphia, 1978. Vol. 68. P. 80.

[62] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470 (1878). Д. 80. Т. 1. Л. 99/об., 100/об.

[63] Цит. по: *Хидоятов Г.А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-е годы). Ташкент, 1969. С. 283.

[64] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470 (1878). Д. 80. Т. 1. Л. 150/об.–151, 152–152/об.

[65] Цит. по: *Buckle G.E.* The Life of Benjamin Disraeli. L., 1920. Vol. 6. P. 398.

[66] Hansard's Parliament Debates. 3 Ser. 1878. Vol. 243. Col. 847–851.

[67] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470 (1878). Д. 80. Т. 1. Л. 142–143.

[68] См. подробнее: *Гелла Т.Н.* Южная Африка и британские интересы в 70-х гг. XIX века: взгляд из Лондона // Англия, Франция, Германия, Мусульманский Восток. Брянск, 2000. С. 69–83.

[69] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470 (1879). Д. 79. Л. 290, 321/об.–322.

[70] Там же. Л. 290/об., 301.

[71] The Gladstone Diaries. Vol. 9. P. 464, 466.

[72] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470 (1879). Д. 78. Л. 403.

[73] Там же. Л. 407.

[74] The Conservatives: A History from their Origins to 1965. L., 1972. P. 194.

[75] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470 (1880). Д. 106. Л. 53–53/об.

[76] *Disraeli B.* The Letters of Disraeli to Lady Beaconsfield and Lady Chesterfield / Ed. by M. Zetland. L., 1929. Vol. 2. P. 257.

[77] АВПРИ. Ф. 13. Оп. 470 (1880). Д. 106. Л. 81/об.

РОССИЯ И ВАТИКАН В НАЧАЛЕ 60-х годов XIX века

О.В. Серова

На всем протяжении их истории отношения России с Ватиканом складывались чрезвычайно трудно: они неоднократно проходили через стадии крайней напряженности, причем в периоды резких обострений неизменно заявлял о себе целый комплекс остававшихся нерешенными проблем.

Именно такой каплей воды, в которой отразилось неблагополучное состояние их отношений, стало восстание в Польше в 1863 г., послужившее фактически причиной разрыва между двумя конфессиями на долгие годы. Поэтому важное само по себе восстановление картины событий того времени призвано к тому же помочь лучше понять сам характер отношений России с Ватиканом.

Для решения этой двуединой задачи чрезвычайно ценный материал был почерпнут в Архиве внешней политики Российской империи, хотя речь идет о документах, в полной мере отражавших точку зрения российской стороны, а о позиции Римской курии, к сожалению, приходится судить только по поступавшим в Петербург от нее официальным заявлениям, что, естественно, затрудняет выявление

скрытых внутренних пружин ее позиции по конкретным и принципиально важным проблемам.

Вопрос об отношениях с Ватиканом стал особенно актуален для Петербурга в конце XVIII в., когда к России отошли после разделов Польши территории со значительным католическим населением, а также несколькими тысячами обращенных в латинский обряд православных и униатов.

Первопричиной сложности этих отношений служил следующий факт: как российский император выступал главой государства и одновременно православной церкви, так и римский папа (вплоть до 1870 г.) обладал светской и духовной властью. При таком положении вещей узаконенное в России еще при Петре I отправление иностранных культов касательно католической церкви, допускалось с некоторыми оговорками, впрочем, аналогичными принятым даже большинством католических государств. Главная из них состояла в запрете российским подданным, исповедовавшим римско-католическую веру, прямых сношений с папой, являвшимся иностранным монархом. За этим стояло стремление Петербурга, с одной стороны, оградить господствующую церковь от чуждой пропаганды, а с другой – гарантировать верховную власть от незаконного вмешательства Римской курии[1]. Не признавая религиозной власти папы над своими подданными, российские монархи сумели придать отношениям с Ватиканом исключительно светский и односторонний характер: в условиях отсутствия представителя Ватикана в Петербурге вся его переписка должна была вестись через российское представительство в Риме. Постоянно оставались открытыми вопросы о дипломатической взаимности, о предоставлении католическому духовенству прав на непосредственные сношения с Римом. Так, они даже не обсуждались на начатых после посещения в декабре 1845 г. папы Николаем I переговорах главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий, бывшего министра внутренних дел и юстиции Д.Н. Блудова с уполномоченным папой кардиналом Ламбрускини, переговорах, завершившихся заключением 3 августа (22 июля) 1847 г.* документа, известного как Конкордат (официально: "Статьи, подписанные уполномоченными императора и папы"). Он стал первым письменно оформленным соглашением.

По существу, ничего не изменилось в этом плане и со вступлением на престол Александра II, когда был подвергнут серьезному пересмотру внешнеполитический курс страны. Учрежденный императором специальный Комитет для изучения претензий Ватикана не принял положительного решения ни по одному из особо интересовавших Курию вопросов: о предоставлении папе права непосредст-

---

* По настоятельному желанию автора в целях соблюдения временнóй логики все даты даются сначала по новóму стилю, а в скобках – по старому (примеч. ред.).

венно и свободно сноситься с латинским духовенством и мирянами по духовным делам; об отмене постановления о смешанных браках, а значит о разрешении супругам, состоявшим в таких браках, не подчиняться в брачных делах юрисдикции православного духовного суда, а обращаться в латинские духовные суды; о возврате отобранного у церквей и монастырей имущества; об учреждении должности особого униатского епископа для империи; об отмене закона против обращения латинским духовенством в католическое исповедание православных; об изменении текста присяги на верность императору, как оскорбительного для совести католиков[2].

Будучи готов принять полномочного представителя папы по специальным вопросам, Александр II решительно отклонил выраженное Пием IX в письме от 31 января 1859 г. пожелание иметь в Петербурге своего постоянного представителя. На полях письма император заметил по этому поводу: "Я на это никогда не соглашусь"[3].

В такой ситуации не приходилось рассчитывать на смягчение напряженности в отношениях Петербурга с Римом в близком будущем, особенно учитывая общий весьма пессимистический настрой на Неве, засвидетельствованный министром иностранных дел А.М. Горчаковым. В апреле 1859 г. в представленном на рассмотрение императора отчете о работе министерства за истекший год он писал: "Сколь бы великодушными ни были намерения Вашего Величества относительно латинской церкви в Ваших государствах, наши отношения с Римским Двором будут всегда наталкиваться на твердое и незыблемое препятствие. Это препятствие заключается в самой сущности римского папства – а именно: в тенденции папства устанавливать католицизм в качестве государства в государстве, особенно в странах, исповедующих иной обряд"[4].

Наряду с этим основополагающим фактором, неизменно сохранявшим свое влияние, на отношениях России с Ватиканом с конца 50-х годов серьезно отразились события в Польше.

В исторической справке Министерства иностранных дел, подготовленной в 1867 г., особо подчеркивалось, что с самого начала волнений в Польше значительная часть католического духовенства "содействовала тайными происками повстанческим приготовлениям". А подтверждалось это ссылками на то, что в 1858 г. 20 священников епархии в Плоцке были изобличены в том, что проповедовали неповиновение законным конституционным властям и спровоцировали возбуждение умов под предлогом организации обществ трезвости; священники Витебской губернии в том же году были преданы суду за то, что вопреки органическим законам империи они причащали святым таинствам лиц православного исповедания[5].

Упоминая эти факты, составители справки особо отмечали, что сведения о них имелись в подготовленном Ватиканом сборнике документов, опубликованном в 1867 г. При этом они не только не осуждались, а в отчете государственного секретаря кардинала Джако-

мо Антонелли о них говорилось с похвалой, обвинения же делались в адрес российских властей. Такая позиция Святейшего Престола и активное ободрение им секретными и незаконными путями (о чем речь пойдет ниже) не замедлили подтолкнуть бóльшую часть латинского духовенства Польши, по мнению Петербурга, к соучастию в волнениях в стране. Воспользовавшись своим влиянием на низшие слои общества и особенно на женщин, используя мощное орудие исповедальни, священники пополняли и расширяли революционную организацию. "Религиозный фанатизм, привычка постоянно и без стеснения вмешиваться в светские дела, соединенные с ослаблением дисциплины черного и белого духовенства, цементировали этот святотатственный союз между церковью и революцией"[6], – говорилось в справке. Результатом этого стал тот факт, что более 500 священников были на законных основаниях уличены в прямом участии в польском восстании.

Обращение российского правительства к папе, как высшему авторитету, с призывом вмешаться, чтобы вернуть латинское духовенство к исполнению его прямой миссии, последовало сразу после начала восстания, но не возымело действия.

11 мая (29 апреля) 1861 г. – российский посланник в Риме Н.Д. Киселев известил Горчакова, что по просьбе кардинала оставил ему для ознакомления папы депешу Горчакова от 25 (13) апреля, затрагивавшую этот вопрос, и приложенную к ней копию письма наместника в Польше графа Ламбера по поводу поведения католических священников во время восстания в Варшаве. Кардинал обещал оповестить посланника об ответе папы на следующий день, но обещания не сдержал. Когда же по прошествии нескольких дней Киселев напомнил ему об этом обещании, он сказал, что папа еще не был готов дать ответ из-за необходимости прежде посоветоваться с некоторыми лицами[7].

Две недели спустя ситуация не изменилась. 25 (13) мая Киселев писал, что по полученным от Антонелли сведениям папа все еще не принял своего решения. Тем не менее кардинал заверил, что, несмотря на существовавшие для папы серьезные трудности, связанные с вмешательством в вопрос в некоторой степени политического характера, к тому же касающийся духовенства, находящегося вне Папского государства, Его Святейшество, желая откликнуться на призыв российского императора, стремился изыскать какое-нибудь средство, чтобы заставить услышать его голос в нынешних обстоятельствах. Пребывая в таком расположении духа, папа считал, как поведал кардинал, компрометирующим в его положении высказываться против всего духовенства, тем более что подобный акт позволил бы другим правительствам обратиться с такой же просьбой, поскольку духовенство в Неаполитанском и Сардинском королевствах, Венгрии и других странах дало основание для претензий к нему своими демонстрациями и позицией, достойной порицания. Он готов

был выразить порицание лишь против того из его представителей, который будет осужден на основе общего обвинения[8].

Шаг, на который был готов пойти папа, Горчаков квалифицировал как "насмешку"[9]. Посему, естественно, для него не могло прозвучать убедительно и известие о намерении папы, если представится случай, вновь изложить свое мнение и основные положения уже высказанные в его аллокуциях и энцикликах последнего времени, и одновременно воспользоваться им, чтобы "намекнуть строптивому духовенству, что подвергает его своему порицанию"[10].

Поскольку кардинал, хотя и заверил Киселева в готовности папы принять его, но в то же время заявил, что он от него не услышит ничего нового, посланник решил отложить аудиенцию.

Горчаков хорошо отдавал себе отчет в бесплодности попыток побудить Ватикан высказаться по поводу происходивших событий. Когда епархиальный капитул Варшавы начал закрывать церкви, Горчаков писал Киселеву 21 (9) октября 1861 г.: "Я Вам посылаю копию донесения графа Ламбера о последних событиях. Из него Вам станет ясна роль, которую играет католическое духовенство, роль, не изменившуюся с того момента, как начались беспорядки. Если оно заставило закрыть варшавские церкви, считая их оскверненными, я нахожу, что поступило правильно. Осквернение датируется днем, когда человеческие страсти проникли за святую ограду и мятежные гимны заменили звучание христианских молитв. В этом смысле, действительно, произошло осквернение, и если, после того как их очистят, духовенство вновь откроет церкви с тем, чтобы не терпеть в них ничего, кроме того, что предписывает заповедь Господа, оно лишь выполнит свой долг. Тем не менее я сомневаюсь, что оно намерено распространить мероприятие по закрытию церквей на все Царство, подвергнуть, так сказать, страну церковному интердикту и лишить верующих милости Божьего слова, чтобы оказать услугу полным ненависти совершенно светским страстям. Я хотел бы еще сомневаться, что оно осмелится пойти на эту крайность. Если, несмотря на сделанные ему предупреждения с этой целью, оно ими пренебрежет, я исполню свой долг, сообщив эти факты правосудию и Святейшему Отцу"[11].

Горчаков не уполномочивал Киселева ни на какой формальный демарш перед Курией, "не желая повторять призыв, который не был услышан". Но он ему предписывал ознакомить Антонелли с этим письмом, как и с письмом Ламбера[12].

Тем временем, еще до получения этого письма Горчакова, Киселев в своих беседах с Антонелли упрекал Ватикан за его нежелание оказать помощь и поддержку российскому правительству, доказав тем самым "бесплодность отношений с ним". В ходе беседы, о которой он сообщал депешей от 19 (7) октября 1861 г., Киселев, в частности, напомнил, что, сурово осудив в одном из своих последних пасторских посланий духовенство Неаполя и Милана, папа не сделал

этого в отношении поведения польского духовенства. Киселев заявил, что такой образ действий не может оставаться незамеченным и что в Ватикане не должны будут удивляться изменению позиции Петербурга в отношении него, "который хочет получить все, никогда ничего не предоставляя взамен тем, кто с ним ведет дело"[13].

В ответ на эти упреки не последовало никаких оправданий. Антонелли предпочел отмолчаться[14].

При следующей встрече, когда Киселев, передавая кардиналу для папы письмо Горчакова от 21 (9) октября и донесение Ламбера, поинтересовался отношением папы к происходившему в Польше, Антонелли заговорил о трудностях для папы предпринять какой-либо демарш в данных обстоятельствах и "после долгих разглагольствований" заметил, что решительное вмешательство в этот вопрос было папе тем менее позволительно, что польское духовенство не прекращало жаловаться на чинимые ему помехи при исполнении религиозных обязанностей, что, не имея свободных и прямых сношений с ним из-за отсутствия его представителя в России, Св. Престол был лишен всякого источника получения информации и прямого средства воздействия на духовенство[15].

На следующий день после этой беседы кардинал сообщил, что папа уполномочил его конфиденциально известить Киселева, что не одобрял решения польского духовенства по вопросу о закрытии церквей в Варшаве, как и на остальной территории Царства Польского; что, если у него не было случая выразить это формально, то он об этом поставил в известность, накануне, лиц, прибывших специально, чтобы оправдать позицию духовенства во время последних событий в Варшаве.

К этому кардинал добавил, что, со своей стороны, в беседах с приверженцами дела Польши он сурово осудил участие польского духовенства в революционных действиях соотечественников, что не переставал им внушать, что, продолжая свои враждебные действия против российского правительства, Польша только проиграет, ибо три соседние великие державы, слишком заинтересованные в сохранении в ней спокойствия, договорятся и ее разгромят; что известно, что ее побуждают действовать другие, что эти беспорядки и восстания были согласованы с революционным сообществом, в которое входят Венгрия и Италия; но что тем не менее сила и сговор трех великих держав одержат верх, а Польша проиграет.

Наконец, Антонелли признал правомочность российского правительства арестовать священника одной из двух церквей Варшавы, в которой укрывались мятежники[16].

Занятая Ватиканом позиция не удовлетворила Александра II, написавшего на излагавшем все это донесении Киселева от 10 ноября (29 октября) 1861 г.: "Конфиденциального (подчеркнуто Александром II. – *О.С.*) признания папы нам недостаточно; что касается наказания одного прелата в Польше, я не ожидаю от этого никакого результата и хотел бы его отклонить"[17].

Отдавая себе отчет в серьезности сложившейся ситуации, российское правительство решило пойти на важную, с его точки зрения, уступку, согласившись на приезд в Россию римского прелата.

Как разъяснил Горчаков Киселеву в депеше от 9 декабря (27 ноября), это был ответ на переданные Антонелли в беседе с Киселевым со слов папы жалобы польского духовенства на встречаемые им препятствия при исполнении своих обязанностей и особенно на отсутствие свободного и прямого сообщения между Св. Престолом и этим духовенством, что лишает Римский Двор всякого источника информации и всякой возможности действовать, а также на выраженное через кардинала пожелание папы направить прелата в Варшаву для передачи рекомендаций и указаний римско-католическому духовенству.

Мотивируя затем позицию Петербурга относительно общения католического духовенства с Курией, Горчаков напоминал: "Если в Российской империи, как и в большинстве других стран, даже тех, что исповедуют римско-католическую веру, отношения духовенства с находящейся вне государства властью должны регулироваться некоторыми формальностями, так это в силу политического принципа, обычно принятого в Европе, и Конкордата, по своей воле заключенного Св. Престолом. Невозможно, следовательно, отступать от этого правила, которое нисколько не препятствует отношениям католического духовенства со Св. Престолом и ограничивается лишь установлением формы и процедуры.

Наш Августейший Монарх считает своим святейшим долгом обеспечить всем своим подданным самую полную свободу совести, всем служителям духовных дел, к какому бы вероисповеданию они ни принадлежали, самую широкую защиту в осуществлении их духовной миссии. Определяя в качестве границ этого предписываемые общими интересами Империи законы, Его Императорское Величество лишь сообразуется с существующей для монархов во всех странах необходимостью. Он не считает, что, требуя от служителей культа не учинять беспорядки, раскол или скандал, эти законы налагают на них обязанности, которые не могут согласовываться с их миссией мира и милосердия или которые не предоставляют им необходимую свободу действий для ее выполнения. Вне же этих обязательных условий со времени своего вступления на трон император руководствовался принципами самой широкой терпимости"[18].

Сославшись, таким образом, в очередной раз на необходимость соблюдения "некоторых формальностей" в отношении Курии с католическим духовенством России, что, как доказывалось, вполне соответствовало общепринятым нормам, Киселев должен был заверить Ватикан в проявляемой императором заботе о нуждах его католических подданных и готовности по этой причине пойти навстречу пожеланиям папы направить в Россию прелата, уполномоченного передать указания и пожелания римского первосвященника поль-

скому духовенству. Более того, Киселев был уполномочен дать понять кардиналу Антонелли, что российское правительство было даже расположено согласиться не на временную, а постоянную миссию посылаемого папой прелата[19]. Однако реализации этих благих намерений помешало следующее непредвиденное обстоятельство.

Дело в том, что в Петербурге в декабре 1861 г. стало известно, что в "то время, как Св. Престол конфиденциально (подчеркнуто в тексте. – *О.С.*) не одобрял поведение польского духовенства и воспользовался ситуацией, чтобы запросить и добиться столь важных уступок", папа секретно направил варшавскому архиепископу Фиалковскому в связи с его юбилеем послание, в котором он поощрял духовенство и выражал свои симпатии к чаяниям польского народа, которые Св. Отец квалифицировал как "законные"[20]. Это событие имело место еще в июне, но лишь теперь стало достоянием гласности из публикаций после смерти Фиалковского в двух преданных Римскому Двору органах.

Реакция Петербурга последовала незамедлительно. Был заявлен протест из-за нарушения существовавшего правила для общения с католическим духовенством через российского представителя в Риме. К тому же вызвал возмущение сам выбор момента: это было сделано в то самое время, когда Римский Двор был информирован о поведении духовенства, его участии в уличных беспорядках и когда российское правительство обращалось в Рим за помощью, чтобы вернуть духовенство на позиции, соответствовавшие его прямым обязанностям[21].

Государственный секретарь, не отрицая существования этого послания, дал Киселеву следующие объяснения. "Св. Отец, – сказал он, – обязан защищаться от обвинений в недостаточном проявлении усердия в отношении интересов церкви. Впрочем, это не было бреве, собственно говоря, а письмо папы, написанное на латыни, правда, как принято обычно, но не на пергаменте от секретаря латинских писем и не канцелярии папских посланий"[22]. В глазах Петербурга эти ухищрения нисколько не уменьшали значения акта, исходившего от самого римского папы, и подлинность которого Римский Двор признал[23].

Между тем после смерти архиепископа Варшавы по просьбе Римского Двора состоялось назначение российским правительством его преемником аббата Фелинского. Этот выбор был одобрен папой, о чем он сказал Киселеву во время аудиенции 27(15) декабря. Одновременно он выразил желание, чтобы прелат, которого предполагалось направить с временной миссией в Россию, остался там с постоянной миссией[24].

Позднее, в марте 1862 г. Антонелли сообщил Киселеву, что на этот пост предполагалось назначить монсиньора Джузеппе Берарди, бывшего в течение почти десяти лет помощником государственного секретаря, а по существу доверенным лицом кардинала Антонелли

по политическим вопросам. Киселев вполне разделял похвалы кардинала в адрес избранника папы, в том числе его ясный ум, большой опыт. Тот факт, что он исповедовал консервативные принципы, его умеренность и терпимость в религиозных вопросах и такое его достоинство, как ненависть к революции, в силу чего он "всегда осуждал движения в Польше и никогда не был расположен к интригам поляков как в Риме, так и в любом другом месте, и, таким образом, избежал всяких близких отношений с ними"[25].

Киселев отдавал себе отчет, что самим фактом принесения подобной жертвы Ватикан доказывал важность, которую он придавал своим отношениям с Россией. Одновременно папа надеялся, что подобный выбор встретит полное одобрение Петербурга[26].

Со своей стороны, в ходе беседы с Антонелли Киселев выразил уверенность в хорошем приеме посланца папы. В ответ кардинал поделился озабоченностью относительно того, не будут ли применяться к представителю Курии при российском дворе законы, запрещавшие всякие прямые сношения между Св. Престолом и католическим духовенством в империи, ибо в таком случае миссия нунция стала бы бесцельной и бесполезной. Он попросил осведомить его об этом. По этому поводу Киселев в свою очередь просил кардинала изложить письменно интересовавший его вопрос, с тем чтобы он мог получить из Петербурга точный ответ[27].

Таким ответом, по существу, стала депеша Горчакова от 8 апреля (27 марта), в которой министр уполномочил Киселева выразить Ватикану удовлетворение сделанным выбором. Он подтвердил также, что правила действительно распространяли на нунциев принцип, требующий посредничества правительства для любых официальных сношений Св. Престола с духовенством в России и Царстве Польском. Из последующих разъяснений было очевидно, что это продолжавшее сохраняться правило было продиктовано политическими соображениями высшего порядка, а не чувством недоверия или недоброй волей; что лишь монарх выносит суждение об общих интересах государства, в том числе и религии, он один в состоянии оценить эти интересы в их совокупности и направить к конечной цели, вменяемой ему в обязанность – а именно к благу страны, – что, если эти принципы применялись к официальным сообщениям, направляемым папским Двором, то с еще большим основанием они должны применяться в отношении папского нунция, являвшегося лишь уполномоченным и представителем Св. Престола. Затем следовала ссылка на то, что эти принципы, повсеместно принятые даже в странах, где католическая религия является господствующим вероисповеданием, "не оказались несовместимыми с присутствием постоянных нунциев". Отсюда логический вывод о том, что Римский Двор не имел оснований требовать от страны, где преобладало православие, предоставления нунцию более широких полномочий, чем те, которыми

он пользуется, например, в католической Франции. Для полной убедительности в депеше воспроизводились статьи французских законов по этому поводу"[28].

После того как Ватикан был ознакомлен с этой депешей Горчакова, кардинал Антонелли 2 мая письменно изложил Киселеву пожелания Ватикана по поводу отношений нунция во время его пребывания в России с верующими и духовенством.

Ожидая новых указаний в этой связи, Киселев воспроизвел в депеше от 6 мая (24 апреля) свой ответ кардиналу. Он свелся к тому, что этот вопрос не мог быть разрешен, так сказать, между прочим, без того чтобы стать предметом специальных переговоров, поскольку он затрагивал существующие в стране законы. Он высказал затем предположение, что Ватикан мог бы уполномочить своего нового представителя поднять вопрос о сношениях с католиками России, а не подчинять ему учреждение нунциатуры в России, ставя его условием ее создания и посылки первого постоянного представителя Св. Престола при российском дворе[29].

Этот ответ Киселева не был одобрен ни Горчаковым, ни Александром II. Первый заметил по этому поводу: "По-моему, он совершенно неправ, побуждая к переговорам, когда речь идет о сохранении фундаментальных основ наших отношений с Римским Двором". Царь выразил свое согласие с ним словами: "Я тоже нахожу, что он мог бы от этого воздержаться"[30]. Общее суждение по поводу поднятых в депеше вопросов Александр II сформулировал с полной определенностью: "Мы должны сохранять основы наших отношений со Св. Престолом такими, как оговорено в нашем Конкордате. Вольнó после этого папе отказываться от посылки нунция. Я легко утешусь", – написал он[31].

Российское правительство последовательно придерживалось своей позиции. Когда в мае Антонелли отклонил предложение Киселева направить предварительно в Петербург временную миссию, чтобы подготовить почву для приезда постоянного представителя, Александр II заметил по поводу возможного результата от посылки такой миссии: "Это ничего не изменит в моих решениях"[32]. А Горчаков вновь подтвердил в ответ на телеграфное сообщение Киселева об этой беседе с кардиналом: "Мы не будем препятствовать общению нунция с католиками, но не сможем позволить ему никакой прямой официальной переписки со служителями католической церкви"[33].

Поставленный Киселевым в известность о такой позиции его правительства, Антонелли в конце мая продолжал добиваться разъяснений по этому поводу[34]. И хотя во время беседы с папой 20 июня российский дипломат заметил, что находил исчерпывающими уже полученные сведения и не ожидал новых из Петербурга, Св. Отец продолжал настаивать на существовании пункта, нуждающегося в прояснении прежде, чем нунций отправится на свой пост. Речь шла об уточнении смыс-

ла утверждения российского правительства, “что оно не будет препятствовать сношениям папского представителя с его единоверцами, но не допустит для него никаких прямых официальных сношений с католическим духовенством”[35]. Как понял из этой беседы Киселев, папа хотел знать, будет ли позволено нунцию вести частную переписку непосредственно с представителями духовенства по чисто духовным вопросам или для сбора конфиденциальных сведений о кандидатах, предложенных правительством для назначения на епископские кафедры.

В ответ Киселев заявил папе, что, не будучи в состоянии высказаться с полной определенностью по этому поводу, он полагал, однако, что российская сторона не могла пойти на большее, чем католические державы, в отношении положения в них папского нунция. В частности, как во Франции, которая, рассматривая его лишь как представителя светской власти папы, а не религиозной, позволяет ему вести переговоры лишь с министром иностранных дел, не допуская, чтобы он имел прямые деловые сношения ни с министром по духовным делам, ни с епископами страны[36].

Не оспаривая в целом такое определение положения его представителя во Франции и все же утверждая, что его отношения с министром по духовным делам, как и с епископами, ни в чем не встречают препятствий, папа добавил, что в Париже нунций свободно и непосредственно общался с католиками, как и с духовенством во всем, что имело отношение к вопросам совести, церковной дисциплины и чисто религиозным делам. Папа хотел знать, получит ли нунций в России такие же преимущества, и хотел выяснить этот вопрос до отъезда монсиньора Берарди[37].

Пообещав сообщить в Петербург все сказанное папой, Киселев поинтересовался, почему папа не предпочтет вернуться к прежнему предложению российской стороны – первоначально направить своего временного представителя с тем, чтобы затем сделать по возможности его пребывание постоянным и таким образом облечь Берарди чрезвычайной миссией, чтобы он мог прояснить и подготовить сам, путем объяснений на месте, положение постоянного нунция при императорском дворе. После минуты молчания папа сказал, что он об этом подумает[38].

Важным фактором, повлиявшим на ход переговоров по поводу нунциатуры, стало развитие событий в Польше – восстание, в котором продолжало участвовать духовенство, и вызывавшая недовольство Петербурга позиция в отношении него Ватикана.

23 (11) апреля 1862 г. Горчаков известил Киселева о посылке Пием IX, тайно и вопреки органическим законам империи, новому варшавскому архиепископу письма с призывом прибыть в Рим. И это, как считали на Неве, “в момент, когда даже его (архиепископа. – *О.С.*) присутствия едва доставало, чтобы заставить духовенство Царства вернуться к исполнению своего долга, от чего оно с каждым днем все более уклонялось”[39].

Что же касалось допущенного Ватиканом нового правонарушения, то оно дало повод для следующего замечания министра: "Мы искренне желаем наилучших отношений с папским правительством. Мы ему дали доказательства этого; тем не менее я должен Вам признаться с глубоким огорчением, но с искренним убеждением, что путь, по которому это правительство, как кажется, желает пойти, не тот, который ведет к согласию... Если Римский Двор исходит из того, что уступка должна повлечь другие уступки до бесконечности, он предается иллюзии, которую, в виду доброго согласия, которое мы желаем укрепить с ним, мой долг рассеять с самого начала"[40].

В Петербурге находили, что эти тайные сношения Ватикана имели немедленным результатом рост волнений и манифестаций польского духовенства.

Едва монсиньор Фелинский получил папское послание, он счел своим долгом освободиться от всякого повиновения и даже от всякой осторожности в отношении властей Царства Польского.

Правительство, будучи информировано о том, что празднование дня Св. Марка обычно сопровождается беспорядками, просило варшавского архиепископа провести на сей раз церемонию только в церкви, не вынося ее на улицу. Архиепископ предпочел провести празднество с помпой. Произошли беспорядки, пролилась кровь на улицах Варшавы, и когда императорский наместник потребовал от Фелинского объяснений, он ответил, "что духовенство действовало по его указанию, что во время будущих процессий он лично их возглавит, вопреки любому запрету, который последует от правительства, что он решительно оспаривает у этого последнего право запрещать свободное осуществление богослужения, что в случае нужды он пойдет даже на закрытие церквей и что, наконец, он предпочтет увидеть 10 тысяч человек распростертыми на земле (подчеркнуто в тексте. – *О.С.*), чем уступить частицу права, признаваемого каноническими законами".

Об этом заявлении Фелинского было сообщено в Рим, но в ответ не последовало никакого осуждения[41]. Так же, как окончились провалом все усилия Киселева перед Антонелли побудить папу к какому-нибудь демаршу, чтобы "вернуть польское духовенство на путь истины". Ибо, как он писал Горчакову 24 (12) февраля 1863 г., несмотря на добрые слова, сказанные кардиналом во время последней беседы, он пришел к выводу, что "мы не должны рассчитывать со стороны Его Святейшества ни на какое публичное проявление порицания в отношении столь вызывающе преступного поведения этого духовенства"[42].

Этот вывод полностью разделял Александр II, заметивший: "Я в этом был уверен!"[43]

В сложившейся ситуации одобренной императором секретной телеграммой от 10 марта (26 февраля) Киселеву предписывалось: "Воздержитесь от любого последующего демарша в Риме. Стало бы

свидетельством отсутствия достоинства упорствовать в бесплодной суете. Мы сигнализировали папе о преступлениях и злоупотреблениях низшего католического духовенства, столь противных как религии, так и человеческой природе. Отныне мы его оставим с тем, что ему подскажет его собственная совесть”[44].

Об этом в Петербурге узнали, когда 22 апреля 1863 г. Пий IX направил Александру II письмо, мотивируемое “горячим сочувствием, которое обнаруживается в пользу Польши повсюду народами и правительствами”. В нем были перечислены препятствия, создаваемые отправлению латинского богослужения, а затем выдвинуты требования о предоставлении римскому духовенству прерогатив, которые в Петербурге сочли “несовместимыми с независимостью и безопасностью государства, так же как с отправлением власти монархом”. И, наконец, в письме настаивали на праве духовенства “направлять народ и влиять на народное просвещение”[45].

Письмо было получено в Петербурге 11 мая (29 апреля) 1863 г. 23 (11) мая со специальным курьером в Рим был направлен ответ, врученный 1 июня (20 мая) Киселевым в собственные руки статс-секретаря[46].

В этом письме выражалось сожаление по поводу того, что в своем послании папа ведет речь лишь о фактах из прошлого, видит в некоторых неудовлетворенных требованиях католической церкви в Польше исключительную причину беспорядков.

Со своей стороны император делится наблюдениями, опровергавшими подобную логику. “Между тем в Европе найдется немного государств, более жестоко пострадавших от атак революции, чем те, где римско-католическая церковь пользуется неограниченной властью. Из этого следует заключить, что зло имеет другие причины, – писал он. – Я на них отчасти указывал Вашему Святейшеству, привлекая Ваше внимание к предосудительному поведению и даже к преступлениям большого числа римско-католического духовенства Царства Польского. Я это делал не для того, чтобы выразить неудовольствие, а в силу твердого убеждения, что достаточно было бы просветить Ваше Святейшество относительно столь достойных осуждения эксцессов, чтобы Оно обрело в своем сознании слова отвращения, а в своем духовном авторитете влияние, необходимое для возвращения к чувству долга представителей духовенства, столь серьезно от него отклонившихся. Этот союз посланцев религии с зачинщиками беспорядков, угрожающими обществу, является одним из самых возмутительных фактов нашей эпохи. Ваше Святейшество должно, так же как я, считать своим долгом порвать его”[47].

Разъяснив, что именно с целью упредить столь печальную ситуацию, а также уступая неизменно выражавшемуся пожеланию Пия IX и его предшественников, он дал согласие на присылку в Петербург нунция, Александр II подтверждал готовность принять посланца папы.

В заключении письма император выражал убеждение в пользе соглашения между двумя правительствами на основе Конкордата "как для политического порядка, так и для религиозных интересов, неразделимых в эпоху, когда те и другие должны защищаться от нападок революции"[48].

Одновременно с этим письмом Киселеву был направлен меморандум, с которым он должен был ознакомить Антонелли. В нем готовность принять нунция истолковывалась как подтверждение стремления к примирению, достижению искреннего и лояльного согласия, предоставление папе возможности получить информацию о положении католической церкви в Польше и России.

Что касалось положения нунция при императорском дворе, то Александр II – напоминалось вновь – был расположен использовать в качестве примера действующий свод законов во Франции, где римско-католическая религия является доминирующим исповеданием[49].

В тогда же написанном письме 23(11) мая Горчаков поделился с Киселевым своими соображениями относительно вероятной реакции в Риме на готовность принять нунция. "Я склонен думать, – писал он, – что Римский Двор имеет более широкие притязания, но мне представляется трудным, чтобы он в них признался, так как это означало бы сбросить маску перед лицом Европы. Если папское правительство не удовлетворится обязательством, что его посланец будет принят на тех же условиях, что находящийся в стране в высшей степени католической, ответственность за отказ не падет на нас. И тогда Вы позаботитесь о том, чтобы не забыли о предложенных императорским кабинетом льготах"[50].

Чтобы Киселев мог чувствовать себя во всеоружии, всего через два дня, 25(13) мая, ему было направлено письмо, в котором излагались личные чувства Александра II и его настроения в отношении римской церкви. "Принцип свободы совести, – говорилось в нем, – глубоко запечатлен в убеждениях нашего Августейшего Монарха, однако как принцип, понятый лишь в его чистом виде, а не в том смысле, который ему всегда придает Римский Двор, требуя для католической веры свободы без границ в ущерб другим богослужениям. По своей сути Православная церковь не является ни воинственной, ни пропагандистской, но она имеет право не быть оставленной без защиты перед нашествием Церкви, которая является и той и другой. Мы не стремимся и не будем стремиться похищать ее паству в другое стадо, но и мы имеем право и обязанность позаботиться о том, чтобы наша паства не была обращена в их веру. Одним словом, наша Церковь не является притесняющей. Было бы странно претендовать, чтобы в стране, где огромное большинство жителей исповедуют православную веру, национальная Церковь оказалась в приниженном положении"[51].

В ходе обмена мнениями Киселева с Антонелли относительно переписки папы с императором последний поинтересовался, что подразумевалось под обеспечением нунцию такого же положе-

ния, как во Франции. Он также попытался установить различие между теорией французского законодательства и практикой, когда стеснительные статьи органических предписаний во Франции не применяются[52].

По этому поводу из Петербурга 21 (9) июля телеграфировали Киселеву: "Мы ожидаем Ваш отчет об аудиенции у папы, чтобы ответить. Во всяком случае, мы будем придерживаться принципа предоставления нунцию положения, которое ему создано в Париже, правом, а не терпимостью, с тем чтобы согласиться позже, если мы будем удовлетворены, на более благоприятные личные условия. Присутствие нунция имеет для нас второстепенное значение, в то время как его прием чрезвычайно важен для Его Святейшества. Воздержитесь ото всякой настойчивости, оставайтесь пассивны и предоставьте Ватикан его собственным размышлениям"[53].

О результатах этих размышлений стало ясно из беседы Киселева с Пием IX. Последний оказался расположен согласиться, чтобы его представитель в Петербурге занимал такое же положение, что его нунций в Париже. Киселев находил, "что мы не многим рискуем, соглашаясь с просьбой Римского Двора о положении его представителя при нашем Дворе, и что, если все учесть, выигрыш больше, чем проигрыш, от присутствия нунция в Петербурге"[54].

Читавший его донесение Александр II был не согласен с этим заключением. "Я не придерживаюсь такого мнения"[55], – заметил он на полях.

Киселев, в подтверждение своей мысли, приводил еще такие аргументы. "Кроме того, – писал он, – чтобы отразить правонарушения, которыми захотят соблазниться, наше законодательство будет всегда препятствием в том же качестве, что органические статьи во Франции... Впрочем, мне всегда казалось, что у нас несколько преувеличивают опасность иметь представителя папы, особенно если этот представитель был более низкого ранга, чем нунций, но как бы то ни было, у меня еще сохраняется ощущение, что его присутствие принесет больше хорошего, чем плохого, нашему католическому духовенству и что оно будет скорее уздой, чем возбуждающим средством для отношений последнего с правительством. Решения императора скоро определят мои воззрения по этому поводу"[56].

Из беседы было ясно, что по-прежнему монсиньор Берарди оставался первым кандидатом на нунциатуру в Петербурге; но его здоровье так пошатнулось в последнее время, что не приходилось на него особенно рассчитывать. Однако в случае необходимости нового выбора Киселев надеялся добиться, чтобы он пал на прелата мудрого, осторожного, а главное – придерживавшегося бы умеренных взглядов. В этом он очень рассчитывал на помощь кардинала Антонелли[57].

Выявившееся в ходе этой беседы согласие папы на такое же положение нунция в Петербурге, каким оно является на самом деле в Париже, не вызвало положительной реакции Александра II. На оповещавшей об этом телеграмме Киселева от 12 июня (31 мая) он написал: "Это не то, что нам хотелось бы"[58].

В Петербурге были готовы к обеспечению нунцию положения, которое в Париже определялось законами, а не имевшей место практикой, которая не исключала отступления от этих законов. Выход из сложившейся для него неприятной ситуации помог найти папа.

18 (6) июня 1863 г., пригласив Киселева на частную аудиенцию, Пий IX, после того как вновь долго говорил о письме Александра II, заявил, что считал "момент слишком трудным, чтобы присутствие нунция в Петербурге могло стать действительно полезным и что при нынешних обстоятельствах его посылка была бы неуместной"[59].

Свое удовлетворение таким решением Пия IX Александр выразил замечанием: "Тем лучше"[60] на извещавшей о нем телеграмме Киселева. Последний так проинтерпретировал решение папы: "Боясь высказаться слишком открыто против польских католиков и Франции, он старается обойти вопрос под предлогом необходимости предварительного заявления, что наши законы не будут применяться. Недобросовестность из-за страха или слабости"[61].

В ответ на это известие 4 июля (22 июня) Киселеву было телеграммой сообщено о том, что император настаивал на готовности принять нунция на тех же условиях, что он находится в Париже на основании права. "На практикуемую во Франции терпимость смогут рассчитывать лишь, когда Св. Престол, – говорилось в телеграмме, – нам докажет, что он не подчиняет долг совести политическим соображениям; что он имеет мужество публично заклеймить преступления большого числа священников в Царстве и общее поведение духовенства, политически противоречащее всем принципам порядка; и что поведение его представителя будет четко очерчено в таком же смысле"[62].

Киселеву предписывалось ограничиться этим заявлением, не настаивать больше на назначении нунция и отбыть в отпуск[63].

Этим самым Петербург как бы признавал провал своих усилий добиться от папы слов осуждения действий духовенства в Польше. И делал это в условиях, когда Ватикан еще в апреле 1863 г. "открыто присоединился к организованной против России дипломатической коалиции"[64], включавшей Австрию, Францию, Англию и другие страны, направившие в Петербург ноты в поддержку поляков. А Пий IX не только хранил молчание, но терпел публичные манифестации, воспринимавшиеся как поощрение происходившего.

Новым свидетельством этого стало опубликованное 31 августа римским кардиналом-викарием послание. В нем он приглашал жителей столицы принять участие в процессии, предназначенной укротить Божий гнев, вызванный ослаблением веры и проявившийся в

падеже скота в Папском государстве. А заканчивал он свое послание словами: "К тому же Св. Отец желает, чтобы особо помолились за несчастную Польшу, которая, как он это видит с болью, сделалась театром массового избиения и кровопролития"[65].

Российская дипломатия на данной стадии развития отношений с Римским Двором решила прибегнуть к тактике выжидания, пока поступки папы не прояснят характер отношений, которые будет возможно поддерживать с его правительством[66].

Выжидать пришлось недолго. Папа, которого не удалось привлечь на свою сторону с тем, чтобы урезонить духовенство, принимавшее активное участие в восстании в Польше, после его подавления неоднократно устраивал манифестации в пользу этого духовенства. Примечательны в этом отношении его аллокуция в апреле 1864 г., последовавшее спустя несколько месяцев письмо болонским епископам, наконец, энциклика, обращенная им в июне к польским епископам, которых он призывал к стойкости и упорству.

Летом Киселев был отозван из Рима. Управление делами было поручено первому секретарю миссии барону Ф. Мейендорфу в качестве поверенного в делах. Ему предписывалось избегать всяких политических дискуссий с государственным секретарем, не появляться на аудиенциях у папы, за исключением случая приглашения на таковую самим Св. Отцом лично. Диктовалось это стремлением избежать оскорбительных ситуаций, недостатка в которых не было из-за характера самого Пия IX и общей тенденции политики Курии[67].

Между тем после подавления восстания в Польше были проведены касавшиеся духовенства преобразования. В ходе них, в соответствии с указом от 8 ноября (27 октября) 1864 г., было упразднено 75 монастырей, их имущество секуляризовано, доходы пошли на поддержание оставшихся монастырей, благотворительные цели и народное просвещение. Были перераспределены доходы приходских священников, положен конец ситуации, когда большинство священников жило в нищете, а высшее духовенство располагало значительными суммами. Были смещены с епископских кафедр прелаты, замеченные в незаконных действиях и враждебном поведении[68].

Протест Ватикана был заявлен в памятной записке от 30 января 1865 г. и одновременно было дано понять, что в случае, если он не будет удовлетворен, папа обратится по этому поводу к Европе.

Ознакомившись с этой запиской, Александр II нашел, что "она не стоит того, чтобы на нее отвечать". Что же касалось угрозы обратиться к Европе, то в Петербурге надеялись, что зрелые размышления отвратят папу от такого враждебного акта, могущего лишь еще более ухудшить его отношения с Россией[69].

Явно задетый такой позицией Петербурга, папа в конце 1865 г. позволил себе довольно странную вещь. В канун нового года он принял Мейендорфа. Беседа происходила без свидетелей. Затронув касавшиеся России вопросы, раздраженный возражениями своего со-

беседника, папа так разгневался, что между ним и Мейендорфом произошла перепалка на чрезвычайно высоких тонах.

Получив подробное описание хода беседы, Александр II просил предписать Мейендорфу "до нового указания прекратить всякие официальные отношения с папой"[70]. Свое объяснение причины случившегося Мейендорф дал в частном письме Горчакову от 29 (17) декабря 1865 г. "Папа к настоящему времени исчерпал все формы враждебных сетований против нашего правительства. Ему не оставалось больше ничего, как напасть на российского поверенного в делах. Теперь эта лакуна заполнена"[71], – считал дипломат.

Пытаясь в целом осмыслить случившееся, Горчаков полагал, что введенный в заблуждение польской эмиграцией Пий IX увидел в принятых в Польше и на западных границах мерах систему преследования католической церкви. При этом он не захотел понять, что религия может проиграть, спустившись на арену политики, так же как он не захотел поддержать усилия Петербурга и разделить их. Испытанное папой "раздражение в конечном счете привело к неприличной выходке в отношении российского дипломата", а "приданная этому прискорбному инциденту Его Святейшеством гласность его еще более осложнила"[72].

Не сочтя для себя достойным касаться недостоверности изложения содержания беседы папы с Мейендорфом, иностранное ведомство ограничилось доведением фактов до сведения посольств и миссий ради восстановления истины. Мейендорфу было предписано ограничиться исполнением исключительно текущих дел[73].

В следующем, 1866 г., последовал разрыв отношений с Ватиканом. Вина за него возлагалась на Св. Престол, не пожелавший следовать призыву отделить религию от политики. Причины бесплодности усилий Петербурга в этом направлении объяснялись так. "Поскольку римско-католическая религия в Польше была подчинена национальной идее, Римский Двор понимал, что сможет укрепить там свое влияние, лишь согласившись на это кощунственное смешение. Политические потребности были сильнее угрызений совести, и Св. Престол, таким образом, пришел к поддержке в Польше революционных доктрин, противником и жертвой которых он является в Италии", – писал Горчаков. При этом он полагал, что такое объяснение позиции Ватикана должно было освободить императора от щепетильности в отношении духовной власти, призванной оказывать благотворное влияние на души людей. "С того времени, как эта власть манкировала свои обязанности, думая лишь о своих политических интересах, нам она дала право и вменила в обязанность защищать наши интересы"[74], – заключал министр.

Идя на разрыв отношений с Курией, в Петербурге ясно отдавали себе отчет, что он был чреват особыми последствиями, ибо речь шла о правительстве, объединяющем со своей светской властью духовный авторитет, сферу которого трудно отделить и ограничить.

[1] Архив внешней политики Российской империи. (Далее: АВПРИ). Ф. Ватикан. Оп. 891. Д. 1. Л. 2.

[2] *Попов А.Н.* Последняя судьба папской политики в России. 1845–1847 гг. СПб., 1868. С. 43–48, 63.

[3] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1856. Оп. 469. Д. 190. Л. 361; 1859. Д. 154. Л. 3–4.

[4] Там же. Ф. Отчет МИД. 1858. Л. 112.

[5] Там же. Ф. Ватикан. Оп. 891. Д. 1. Л. 5.

[6] Там же.

[7] Там же. Ф. Канцелярия. 1861. Оп. 469. Д. 134. Л. 133.

[8] Там же. Л. 152–153.

[9] Там же. Л. 153.

[10] Там же.

[11] Там же. Ф. Ватикан. Оп. 891. Д. 1. Л. 6.

[12] Там же. Л. 7.

[13] Там же. Ф. Канцелярия. 1861. Оп. 469. Д. 134. Л. 272–273.

[14] Там же. Л. 273.

[15] Там же. Л. 283.

[16] Там же. Л. 285–286.

[17] Там же. Л. 282.

[18] Там же. Ф. Ватикан. Оп. 891. Д. 1. Л. 7.

[19] Там же. Л. 7–8.

[20] Там же. Л. 8.

[21] Там же. Ф. Канцелярия. 1861. Оп. 469. Д. 134. Л. 332–333, 415–419, 422.

[22] Там же. Ф. Ватикан. Оп. 891. Д. 1. Л. 8.

[23] Там же.

[24] Там же.

[25] Там же. Ф. Канцелярия. 1862. Оп. 469. Д. 128. Л. 80–81.

[26] Там же. Л. 81.

[27] Там же.

[28] Там же. Ф. Ватикан. Оп. 891. Д. 1. Л. 9.

[29] Там же. Ф. Канцелярия. 1862. Оп. 469. Д. 128. Л. 156.

[30] Там же. Л. 157.

[31] Там же. Л. 155.

[32] Там же. Л. 190–191.

[33] Там же. Д. 112. Л. 65.

[34] Там же. Д. 128. Л. 211–212.

[35] Там же. Л. 273.

[36] Там же.

[37] Там же. Л. 274.

[38] Там же.

[39] Там же. Ф. Ватикан. Оп. 891. Д. 1. Л. 10.

[40] Там же.

[41] Там же. Л. 10–11.

[42] Там же. Ф. Канцелярия. 1863. Оп. 469. Д. 138. Л. 66.

[43] Там же.

[44] Там же. Л. 387.

[45] Там же. Ф. Ватикан. Оп. 891. Д. 1. Л. 11.

[46] Там же. Тем более странным было утверждение Пия IX на секретной Консистории в Риме 29 октября 1866 г.: "Ни наши протесты, адресованные российскому правительству нашим кардиналом государственным секретарем, ни письма, адресованные нами императору, не имели последствий. Наше письмо от 22 апреля 1863 г. осталось без ответа" (Exposé des documents romains. Annex. C. P. 303). Там же.

[47] Там же. Л. 11.
[48] Там же. Л. 11–12.
[49] Там же. Ф. Канцелярия. 1863. Оп. 469. Д. 138. Л. 401.
[50] Там же. Ф. Ватикан. Оп. 891. Д. 1. Л. 12.
[51] Там же. Л. 3–4.
[52] Там же. Л. 12.
[53] Там же. Ф. Канцелярия. 1863. Оп. 469. Д. 138. Л. 445.
[54] Там же. Л. 334–335.
[55] Там же. Л. 335.
[56] Там же.
[57] Там же.
[58] Там же. Л. 361.
[59] Там же. Ф. Ватикан. Оп. 891. Д. 1. Л. 12.
[60] Там же. Ф. Канцелярия. 1863. Оп. 469. Д. 138. Л. 362.
[61] Там же.
[62] Там же. Л. 448.
[63] Там же.
[64] Там же. Ф. Ватикан. Оп. 891. Д. 1. Л. 11.
[65] Там же. Л. 12–13.
[66] Там же. Ф. Отчет МИД. 1863. Л. 107.
[67] Там же. Ф. Отчет МИД. 1864. Л. 151–152; Ф. Канцелярия. 1864. Оп. 469. Д. 126. Л. 378, 456.
[68] Там же. Ф. Ватикан. Оп. 891. Д. 1. Л. 13–14.
[69] Там же. Ф. Канцелярия. 1865. Оп. 469. Д. 153. Л. 98; Ф. Отчет МИД. 1865. Л. 157–158.
[70] Там же. Ф. Канцелярия. 1865. Оп. 469. Д. 158. Л. 404.
[71] Там же. Л. 477.
[72] Там же. Ф. Отчет МИД. 1865. Л. 113.
[73] Там же. Л. 112–113.
[74] Там же. Л. 202–204.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ГЕРМАНИИ В 1890–1894 гг.

А.Г. Матвеева

Период канцлерства Лео фон Каприви (1890–1894), второго канцлера объединенной в 1871 г. Германии, стоит несколько особняком во внутренней политике страны. В 1890 г. в отставку был отправлен "творец германского единства" О. фон Бисмарк, проводивший не только очень жесткий внутриполитический курс, но и известный своей последовательной политикой на международной арене, в том числе и по отношению к России. Бисмарк являлся творцом сложной системы договоров и союзов, которая должна была обеспечить европейское равновесие и мир на континенте на достаточно длительное время. Одним из краеугольных камней этой системы была ее прорусская направленность, связанная с глубоким убеждением канц-

лера в том, что Германия не может выдержать войны на два фронта и для обеспечения безопасности страны ей необходим мир с восточным соседом.

В период 1890–1894 гг., получивший в истории название "нового курса", в отношениях России и Германии существовали две главные проблемы, которые их определяли: во-первых, межгосударственные отношения двух стран, в которых ясно прослеживались два аспекта – политический и экономический; а во-вторых – польский вопрос.

В 1888 г. умирает император Вильгельм I, который практически полностью передоверил управление страной и выработку политической стратегии своему канцлеру О. Бисмарку, и после недолгого трехмесячного правления Фридриха III на престол восходит молодой 29-летний внук Вильгельма I Вильгельм II (1859–1941). Нового кайзера не устраивало обособленное положение Бисмарка в политической системе страны. В ежегодном отчете Российского министерства иностранных дел за 1889 г. говорится, что "Вильгельм I во всем полагался на Бисмарка. Он приписывал Канцлеру величие Германии и оказывал ему полную поддержку во всех его начинаниях, будучи глубоко убежденным, что они направлены на пользу Его отечества"[1]. Новый император захотел править сам. "Вильгельм II, вполне усвоивший себе идеи, проводимые канцлером, жаждет однако более активного участия в управлении государством"[2]. "Бывший Канцлер являлся в продолжении четверти века главным руководителем внешней политики Берлинского кабинета, политики, во многом не соответствующей интересам других держав, но стремящейся к вполне определенной цели. С его исчезновением вершителем судеб Германии... становится непосредственно юный, лихорадочно нервный Вильгельм II. Трудно предугадать все последствия, которые может иметь отставка князя Бисмарка"[3].

В то же время русские дипломаты положительно восприняли тот факт, что в день отставки Бисмарка император пригласил к себе русского посла П.А. Шувалова и заявил ему, что "во внешней политике Германии, политике Вильгельма I, им вполне воспринятой, не последует никакой перемены". Однако такие перемены не замедлили появиться.

Созданная при Бисмарке система европейского равновесия, которая должна была обеспечить международную безопасность Германии, занимающей срединное положение на континенте, была практически сломлена. В июне 1890 г. Германия отказалась от дальнейшего продления договора "перестраховки", (по этому договору каждая сторона обязалась сохранять благожелательный нейтралитет в случае войны другой стороны с любой третьей великой державой, кроме случаев нападения Германии на Францию или России на Австро-Венгрию (ст. 1). Германия признавала пра-

ва, "исторически приобретенные Россией на Балканском полуострове, особенно законность ее преобладающего и решающего влияния в Болгарии и Восточной Румелии"; обе державы обязывались не допускать территориальных изменений на Балканском полуострове без предварительного соглашения между собой (ст. 2); обе стороны признавали обязательность принципа закрытия Босфорского и Дарданелльского проливов для военных судов всех наций (ст. 3). Эта статья обязывала Германию в случае, если Турция отступит от данного принципа в ущерб России, вместе с последней заявить Турции, что они считают ее лишившейся "преимуществ территориальной неприкосновенности, обеспеченных ей Берлинским трактатом". В протоколе, приложенном к "договору перестраховки", Германия обязалась оказать дипломатическую поддержку России в случае, если последняя будет вынуждена "принять на себя защиту входа в Черное море", что в некоторой степени осложнило отношения двух стран, так как этот договор справедливо рассматривался в Петербурге в качестве гарантии общности стратегических интересов России и Германии в Европе. В начале "нового курса" совершенно отчетливо прослеживается тенденция на переориентацию внешней политики Германии с России на Англию. Это было связано в том числе с большим влиянием во внешнеполитическом ведомстве Германии известного своими проанглийскими настроениями высокопоставленного дипломата и политика Фридриха фон Хольштайна, который был очень близок к императору. В русле этой тенденции сближения с Англией находится и известная сделка по обмену германской колонии в Африке Занзибара на английский остров Гельголанд, находящийся вблизи устья Эльбы. Против этого обмена выступали в Германии значительные силы, которые видели в нем уступку интересам Великобритании, однако, имея ввиду возможность будущей большой европейской войны, о. Гельголанд оказался очень выгодным приобретением для Германии.

Российский МИД обращал внимание императора Александра III на то, что "заверения о мире не отразились на усилении вооружений. Каприви и Мольтке на сессии рейхстага в 1890 г. заявили о том, что усиление обороны необходимо и вынуждает к тому не близость войны, а ее тяжесть, так как война может быть длительной и защиту Германия должна искать лишь в самой себе"[4].

Все эти действия германских властей при Каприви становятся совершенно логичными, если принять во внимание то, что в этот период в стране все большее преобладание получает доктрина о возможности ведения одновременной победоносной войны на два фронта – с Россией и Францией, получившая впоследствии название "плана Шлиффена". Именно этот план явился отправной точкой для построения отношений Германской империи с соседями в конце XIX в.

К тому же русские правящие круги вполне отдавали себе отчет в том, что "по отношению к России молодой германский император является приверженцем миролюбивой политики настолько, насколько эта политика совместима с его участием в Тройственном союзе"[5].

Визит в Россию Вильгельма II и Каприви осенью 1890 г., хотя и продемонстрировал высокий и дружественный уровень взаимоотношений между двумя странами, но не был столь же успешным, как например, визит Франца Иосифа в Берлин, во время которого даже обсуждался вопрос о желании сторон включить статьи о союзе Австро-Венгрии и Германии в конституции обеих держав.

Таким образом можно констатировать, что в рассматриваемый нами период произошли достаточно серьезные сдвиги во взаимоотношениях всех основных держав на европейском континенте. Бисмарк разрушил Венскую систему европейского равновесия, но и созданная им система, покоящаяся на целом комплексе межгосударственных отношений, также была уничтожена его последователями. Именно в 90-е годы XIX в. начинает складываться "биполярная система": Тройственный союз с одной стороны и Антанта – с другой. В этой новой расстановке сил Россия и Германия, несмотря на давние и тесные связи оказались в разных лагерях. Справедливости ради следует отметить, что только окончательно разочаровавшись в возможности заключения взаимовыгодного союза с Германией, царское правительство пошло на сближение с Францией и заключение русско-французского союза в 1891–1893 гг.

На протяжении почти всего своего канцлерства Каприви пытался провести через рейхстаг военный законопроект, который предусматривал увеличение армии при сокращении срока службы до двух лет, что должно было дать возможность большему числу призывников получить военные навыки. Принятый летом 1890 г. "малый" военный законопроект не решил всех проблем, и осенью 1892 г. был подготовлен новый проект реформы. Известие об этом вызвало вполне понятное беспокойство в Петербурге. В своем донесении на имя товарища министра Н.П. Шишкина посол П.А. Шувалов в апреле 1893 г. цитирует речь Каприви, в которой канцлер говорит о том, что "ныне в России замечается течение племенной ненависти к немцам, внушающее опасение, что Россия в преследовании своей восточной политики будет стремиться, следуя лозунгу панславизма, проложить себе дорогу в Царьград через Бранденбургские ворота"[6]. В этот период Германия, опасаясь роста славянского влияния в Австро-Венгрии и не веря в беспроблемное возобновление Тройственного союза, готовилась к самостоятельному отражению возможной агрессии, в том числе и в первую очередь со стороны России.

В экономической области отношения России и Германии развивались более позитивно, чем в политической. Целью Каприви во внутренней политике было предоставление бóльших прав и возможностей для развития промышленности, подчас даже в

ущерб традиционно находящимся под патронажем государства крупным землевладельцам, в том числе прусским юнкерам.

В 1890–1894 гг. германское правительство заключило торговые договоры с целым рядом европейских государств, в частности в 1894 г. был подписан договор с Россией, который вызвал наибольшее сопротивление в рейхстаге, прежде всего в среде крупных собственников земли. Заключение торговых договоров преследовало несколько глобальных целей. Главной из них было завершение превращения Германии в индустриально-аграрную страну. Второй целью было формирование внешнего рынка, на котором немецкие товары имели бы известные льготы и гарантии сбыта. В тесной связи с этим находилась и отстаиваемая Каприви идея создания некой общеевропейской экономической системы, так как страны, с которыми его правительство заключало договоры, находились в аналогичных договорных отношениях друг с другом.

Торговый договор с Россией в определенной степени кажется парадоксальным, если принять во внимание шаги, предпринятые Каприви после прихода к власти в 1890 г. Отказ от продления договора "перестраховки" и попытка переориентации внешней политики Германии с России на Англию, а также официально провозглашенная новая военная доктрина, допускающая возможность в недалеком будущем войны с Россией, свидетельствуют об установлении антирусского курса. Заключение в этих условиях торгового соглашения с возможным будущим противником не было бы столь парадоксальным, если бы у власти находился Бисмарк, который не раз подчеркивал абсолютную независимость внешней политики и экономики[7]. Каприви же в противовес своему предшественнику постоянно говорил о взаимозависимости этих двух сфер. В процитированном выше апрельском 1893 г. донесении П.А. Шувалова отмечается идея Каприви о том, что его торговые договоры могут стать основой сближения европейских государств на базе экономических интересов[8]. Однако Каприви считал экономику не столь прочным фундаментом межгосударственных отношений, как политические союзы, что, впрочем, было в принципе характерно для политиков XIX в. Поэтому, по его мнению, будущность Германии в первую очередь нуждалась в сильной армии, а затем уже в прочных экономических связях с соседями.

В качестве главной политической причины стремления правительства Каприви к заключению торгового договора с Россией в литературе называется изменение к 1893 г. политических предпосылок внешней политики Каприви.

Отказ Германии от продления вышеупомянутого договора с Россией в 1890 г. подтолкнул последнюю к ряду шагов в экономической области, имевших важное значение для русско-французского сближения, что, в свою очередь, вызвало к 1893 г. серьезные опасения в Берлине. К тому же к 1893 г. стало ясно, что все попытки скло-

нить Англию на сторону Тройственного союза обречены на провал. Русско-французское сближение, воспринятое в Лондоне как событие первостепенной важности для всей Европы, а также Сиамский кризис и безуспешные германо-австрийские инициативы в Лондоне зимой 1893/1894 гг. показали со всей очевидностью невозможность вовлечения Англии в орбиту Центральных держав[9]. Противоречия между Германией и Англией в экономической и колониальной сферах, со всей ясностью проявившиеся к этому времени, отчетливо свидетельствовали об иллюзорности надежд Каприви на возможную коалицию с Лондоном. В этой ситуации переговоры с Россией как первый шаг к возможному сближению приобрели для Берлина первостепенное значение.

Эти соображения стали очевидной политической подоплекой торгового договора с Россией, сделавшей его возможным, несмотря на предыдущие антирусские тенденции правительства "нового курса". С другой стороны, не меньшее значение для появления этого соглашения имели и экономические причины. Именно экономическое содержание договора, который, вне всякого сомнения, прежде всего учитывал нужды немецких промышленников в ущерб аграриям, привело к тому, что О. Бисмарк выступил как его активный противник. Для первого имперского канцлера, который по-прежнему не мыслил категориями индустриального общества и не признавал тесной взаимосвязи между внешней и экономической политикой, экономика была прежде всего сельским хозяйством, а целью экономической политики государства должна была быть защита существующей аграрной структуры и приоритета требований землевладельцев. Не поддержав точку зрения Каприви, считавшего, что торговое соглашение способно восстановить поколебленные отношения с Россией, и будучи в этом в целом правым, Бисмарк противился его заключению, так как считал, что Каприви, добиваясь одобрения этого договора рейхстагом, должен был опереться на "врагов империи", и тем самым принести внутреннему положению в стране больше вреда, чем пользы[10].

В октябре 1893 г. посол России П.А. Шувалов пишет министру иностранных дел Н.К. Гирсу: "Экономическая борьба происходит не между нашим и германским правительством, а между германским правительством и аграрной оппозицией"[11]. Эти слова достаточно точно отражают существо политического спора, разгоревшегося в Германии в связи с подготовкой торгового соглашения с Россией. Заключение германо-русского торгового договора в середине марта 1894 г. стало по существу последней успешной акцией, которая была проведена в сознательно выбранном Каприви русле деятельности.

Второй важнейшей проблемой германо-русских отношений, как было уже сказано выше, был польский вопрос. Поляки в результате разделов Польши конца XVIII в. и Венского договора

1815 г. оказались разделены на три части и составляли национальные меньшинства в трех европейских государствах: России, Австрии (с 1867 г. – Австро-Венгрии) и Пруссии (с 1871 г. – Германии). Все три державы проводили самостоятельную политику в польском вопросе, однако некоторая координация их действий и мероприятий существовала.

После образования дуалистической австро-венгерской монархии Габсбурги нуждались в поддержке верхушки галицийского общества, поэтому в 60–70-е годы Галиция получила автономные права, предоставленные на основе "милости" монарха. Институты автономии, утвердившиеся наряду со структурой центрального управления (наместник, старосты), давая Галиции возможность экономического и культурного развития, обеспечивали господство крупным землевладельцам польской национальности. Предоставление Галиции автономии поставило ее польское население в значительно более выгодные условия по сравнению с поляками в Царстве Польском и в Познани. После польского восстания 1863–1864 гг. русская политика на польских землях была предельно ужесточена. Царизм стремился унифицировать систему административного управления, судебных органов и просвещения в Царстве Польском с общероссийской практикой, в то же время не распространяя на него общероссийских реформ. После восстания были ликвидированы институт наместничества, государственный и Административный советы, само Царство Польское было переименовано в Привислинский край. Шло русификаторское наступление на высшее и среднее образование, сельскую школу. Был проведен ряд мер против католической церкви, осуществлялось насильственное обращение униатов в православие. Наступление на права польского населения проходило в общем реакционном русле политики царизма в 80–90-е годы XIX в.

И все же, по нашему мнению, наиболее последовательно антипольские меры проявлялись в тех частях Польши, которые принадлежали Пруссии – на Познаньщине и в Западной Пруссии. О. Бисмарк практически на всем протяжении своего правления проводил ярко выраженную антипольскую политику, которая была составной частью антикатолического Культуркампфа. Стратегией первого имперского канцлера было подавление всех сил, которые так или иначе могли представлять угрозу единству созданной им империи. К таким силам он относил социал-демократов, католиков и поляков. При Бисмарке контроль над школами на Восточных землях был передан государству, школьное обучение переведено на немецкий язык, исключение сделали лишь для уроков закона божьего, польский язык также было запрещено использовать в органах власти и в общественной жизни. В апреле 1886 г. германизаторская политика, которая до этого затрагивала прежде всего языковую, религиозную и образовательную сферы, вторглась в экономику. Принятый закон о колонизации и деятельность созданной Колонизационной комис-

сии были направлены на то, чтобы лишить польских землевладельцев имений и влияния, а также разбавить польское население восточных провинций немецкими переселенцами. Все эти правительственные мероприятия наталкивались на ожесточенное и хорошо организованное (в том числе и финансовое) сопротивление поляков. К моменту отставки Бисмарка неэффективность подобных запретительных мер становилась все более очевидной, однако идти на какие-либо уступки канцлер не намеревался. В этот период между русскими и германскими властями в польском вопросе не наблюдалось каких-то серьезных противоречий, и те и другие действовали примерно в одном русле. Причем, по нашему мнению, прусское правительство шло даже дальше, так как ставило перед собой задачу не только подавить польское национальное движение, но и полностью ассимилировать поляков в Пруссии – так далеко намерения царя не заходили. Это было связано в том числе и с тем, что власти Российской империи имели богатейший опыт управления многонациональной страной, который практически отсутствовал у немцев.

Основным содержанием "нового курса" во внутренней политике страны была политика "примирения". Ее суть состояла в том, что правительство объявило о своей готовности сотрудничать со всеми "невраждебными государству" партиями и политическими силами. Это заявление в корне отличалось от всей предыдущей политической практики, так как Бисмарк опирался лишь на три партии "картеля": Немецкую консервативную партию, партию Свободных консерваторов и Национал-либеральную партию – все же остальные в той или иной степени рассматривались им как "враждебные империи".

Политика "нового курса" сразу же насторожила русское правительство, так как едва ли не в первую очередь затрагивала польское население Пруссии, что напрямую касалось и России. В записке посла Шувалова на имя министра иностранных дел Н.К. Гирса от 12 октября 1891 г. прямо говорится, что "...в последнее время по инициативе Вильгельма II произошел известный поворот в вековой политике Пруссии и в ее отношении к польскому народу. Обоюдная неприязнь к России, видимо, соединила их (немцев и поляков. – *А.М.*), заставила на время забыть племенную и политическую рознь"[12].

Нам однако кажется, что посол Шувалов намеренно несколько смещает акценты. Германское правительство было заинтересовано в хороших отношениях с поляками прежде всего по двум причинам. Во-первых, в силу того что Каприви не имел в рейхстаге большинства и был вынужден постоянно лавировать, чтобы провести те или иные законопроекты; он нуждался в поддержке даже такой небольшой (15 депутатов) фракции, как польская. Иногда, как, например, во время принятия военного законопроекта, именно ее поддержка становилась решающей. Во-вторых, Каприви и направляющий его действия император Вильгельм II стремились к установлению мира

и согласия в обществе, пытаясь сделать максимально большое количество партий проправительственными. Основными причинами этого были постоянный и быстрый рост социалистического движения и изменения на международной арене. Одной из основных задач “нового курса” и даже причин его появления стала попытка германских властей освободить пролетариат от влияния социалистов и вовлечь его в орбиту “традиционных” буржуазных партий.

Именно это было основной целью созыва зимой 1890 г. международной конференции по рабочему вопросу в Берлине, от участия в которой наотрез отказалась Россия, заявив, что она “не сочла возможным принять приглашение вследствие отсутствия аналогий в условиях в промышленности в России и в странах, призванных участвовать в конференции, а равно и того обстоятельства, что рабочий вопрос у нас не существует”[13]. Эта конференция была хоть и достаточно робкой и не совсем удачной, но все же попыткой выработать некий единый европейский подход и стратегию в отношении рабочего класса. Россия восприняла это собрание как заигрывание с рабочими и дело вредное, поступив достаточно недальновидно.

В то же время внешнеполитическая доктрина частично определяла и внутреннюю политику. Имея ввиду будущую войну с Россией, немцы были заинтересованы в том, чтобы смягчить сейчас политику в отношении поляков с тем, чтобы впоследствии в тылу у немецкой армии было не враждебное ей население. Таким образом можно с полной уверенностью утверждать, что русский фактор оставался одним из основных в прусской польской политике. В этой связи очень интересно высказывание политического антагониста Каприви Бисмарка, сделанное им в интервью газете “Ляйпцигер Нойестен Нахрихтен” в октябре 1892 г. Говоря о том, что он не верит в возможность войны на два фронта, Бисмарк особо подчеркивает: “Что же касается России, то кто же желает с ней войны? ...Пресса, поляки и евреи. Следовательно, Германии не грозит опасность... с востока”[14].

Отношение к происходящему в Германии у Бисмарка и у русского Министерства иностранных дел было практически идентичным. Они видели в смягчении польской политики Германией определенный выпад против России, против той общей политики, которой придерживались обе державы на протяжении нескольких десятилетий. В том же, в целом антирусском, русле были выдержаны и основные внешнеполитические шаги, предпринятые внешнеполитическим ведомством Германии в 1890–1894 гг.

В конечном итоге именно польский вопрос стал одним из поводов ухода Каприви осенью 1894 г. Давление на него со стороны сил, близких к Бисмарку, а также то обстоятельство, что к его политическим противникам примкнул и император, вынудили Каприви подать в отставку. Эта отставка стала сигналом к возврату “старого курса” Бисмарка во внутренней политике. Однако, восстановить в полном

объеме те отношения, которые существовали между Россией и Германией до 1890 г., страны уже не смогли, так как были связаны международными обязательствами, возникшими именно в данный период. Практически одновременно с отставкой Каприви умирает император Александр III, и его сменяет на троне Николай II. Будучи почти ровесниками, Вильгельм II и Николай II начинают строить межгосударственные отношения, с которыми Россия и Германия вступили в XX век; однако краткий период "нового курса" в Германии наложил на эти отношения достаточно сильный отпечаток.

---

[1] Архив внешней политики Российской империи. (Далее: АВПРИ). Ф. 137. Оп. 475 Д. 103. Л. 4.

[2] Там же. Л. 5.

[3] Там же. Л. 7.

[4] Там же. Д. 104. Л. 10

[5] Там же. Д. 103. Л. 6.

[6] Там же. Оп. 470. Д. 17/1892. Л. 88.

[7] *Strybrny W.* Bismarck und die deutsche Politik nach seiner Entlassung (1890–1898). Paderborn, 1977. S. 185.

[8] АВПРИ. Оп. 470. Д. 17/1892. Л. 90.

[9] *Weitowitz R.* Deutsche Politik und Handelspolitik unter Reichskanzler L.v. Caprivi. Duesseldorf, 1978. S. 244.

[10] *Strybrny W.* Op. cit. S. 186.

[11] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 18/1893. Л. 132.

[12] Там же. Ф. 133. Оп. 470. Д. 16/1891. Л. 259.

[13] Там же. Ф. 137. Оп. 475. Д. 104. Л. 5.

[14] Там же. Ф. 133 Оп. 70. Д. 16/1892. Л. 125.

ЛЬЮИС НЭМИР О ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Е.А. Доброва

Имя Льюиса Нэмира, одного из виднейших историков Англии первой половины XX в., нечасто можно встретить в "списках использованной литературы" современных исследователей. Между тем, вклад этого ученого в историческую науку огромен. Нэмиру принадлежат многие труды по политической истории Европы. Хронологический диапазон его штудий необычайно широк: книги и статьи, посвященные событиям середины XVIII в., революции 1848 г., дипломатической истории кануна второй мировой войны. Одной из основных тем исследований Нэмира была история Англии XVIII в., ее внешней и внутренней политики, развитие парламентаризма и политических партий. Нэмиром была предложена собственная трактовка английской истории, отличная от концепции, принятой в английской историографии в течение долгого времени. Безусловно, версия Нэмира не являлась бесспор-

ной, но это была не просто критика отдельных положений, а цельная, аргументированная система взглядов, предложенная взамен прежней, которую он считал ошибочной.

Льюис Нэмир выдвинул новый метод исторического исследования, который признавал отдельную личность объектом пристального внимания историка. Нэмир считал, что развитие событий, а по большому счету, сам ход истории, может зависеть от весьма субъективных факторов, вплоть до того, в какой среде вырос будущий политический деятель и каких взглядов придерживались в его семье. Этот метод получил большое распространение среди историков. Вокруг Нэмира объединились многочисленные ученики и последователи, образовав "школу нэмиристов". Нэмиром создана целая галерея политических портретов членов английского парламента. (Правда, нужно признать, что этот метод, как и любой другой, имеет и некоторые издержки. Изучая психологическую мотивацию поведения своего героя, исследователь может слишком углубиться в детали, потеряв чувство соразмерности важного и второстепенного. Это чувство, в свою очередь, достаточно субъективно и зависит от интуиции и кругозора исследователя.)

Ряд статей и рецензий посвящен проблемам политической истории Европы начала и конца XIX в. В одной из них Нэмир обращается к русской истории, в частности к одному из самых драматичных моментов Отечественной войны 1812 года – занятию Наполеоном Москвы[1].

Эта статья привлекла мое внимание, но после прочтения ее осталось некое ощущение неясности, чувство "непонятого подтекста", и захотелось узнать, что именно побудило Нэмира к этой публикации.

Нужно сказать, что при написании своей статьи Нэмир опирался на работу крупнейшего российского историка XX века Е.В. Тарле "Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год", изданную в России в 1938 г.[2], а в Англии на английском языке – в 1942 г.[3] Е.В. Тарле был одним из немногих российских авторов, книги которых переводились в те годы на основные европейские языки.

Статья Нэмира невелика по объему, но не является рецензией на книгу Тарле, хотя там и имеются оценочные высказывания. Скорее, работа российского историка дала Нэмиру импульс для каких-то размышлений, которые он решил высказать в своей статье. Но при этом объем статьи – 10 страниц – явно недостаточен для анализа тех вопросов, которые Нэмир ставит перед читателем. Говоря о русской кампании Наполеона 1812 года, Нэмир замечает, что, несмотря на изученность этих событий, существует несколько "вечных" вопросов, "которые открыты для новых интерпретаций или переосмысления". Это:

– переплетение заранее запланированных и вынужденных, продиктованных обстоятельствами, моментов в отступлении русских войск;

– пожар в Москве – насколько он был подготовлен и предусмотрен;

– политика Кутузова после сдачи Москвы[4].

Нэмир часто цитирует Тарле, пользуется приведенными в его работе документальными материалами, не имея возможности прочесть их лично ни в оригинале, ни в переводе. Приводимые им высказывания, данные и выдержки свидетельствуют о достаточно близком знакомстве с работой российского ученого. Но тогда совершенно непонятно возникновение этих вопросов, ведь Тарле в своей книге дает подробную и очень аргументированную разработку тех же проблем, не оставляя места "для новых интерпретаций". Это можно проиллюстрировать, пользуясь той же основой, что и сам Нэмир – текстом Тарле.

Итак, первый из "вечных вопросов", обозначенных Нэмиром: в какой степени отступление русских во время наполеоновского нашествия было результатом тщательно разработанной стратегии и в какой – спонтанным решением, продиктованным остротой конкретной ситуации.

Известно, что непобедимость наполеоновской армии во многом основывалась на ее численности, превосходившей силы противника, а главное – на талантливой подготовке и проведении крупномасштабных военных операций – внезапных бросков, переходов, маневров, и конечно сражений.

Тактика русского командования с неожиданными отступлениями вместо сражений сбивала с толку Наполеона и его генералов. Они не могли разгадать замыслы русских, а следовательно, правильно прогнозировать свои собственные действия.

Так, в середине июля, когда Багратион со своей армией оказался в критическом положении, отступая по узким дорогам между болотами, Наполеон считал, что русские наконец-то "у него в руках". Однако в результате талантливого маневра Багратион сумел обмануть Наполеона и не попасть в расставленную для него ловушку (маршал Даву рассчитывал, что Багратион идет к Могилеву, и поджидал его там), а уйти в Смоленск. Наполеону удалось лишь помешать соединению армии Багратиона с армией Барклая де Толли. Но он был крайне недоволен, что Багратион ускользнул. Оставалось воспользоваться тем, что армия Барклая дожидается Багратиона в Дриссе, и навязать ей сражение. Однако Наполеону пришла весть о том, что армия Барклая внезапно покинула укрепленный лагерь в Дриссе и направилась к Витебску.

Наполеон прибыл в Витебск 26 июля, имея твердую решимость дать в этом месте генеральное сражение. Он был уверен, что именно здесь должны соединиться две русские армии, и, следовательно, намерения русских совпадают с его планами. Наполеон рассчитывал, что "русский Аустерлиц" произойдет 28 июля. Он спокойно наблюдал за движениями в русском лагере, и даже велел прекратить

постоянно вспыхивавшие перестрелки, предпочитая изучить позиции предстоящего генерального боя. Ночью, глядя на горящие огни русского лагеря, Наполеон объявил, что в пять утра он начнет сражение. На рассвете к нему прибыл ординарец с вестью: ночью Барклай ушел. Сначала Наполеон отказался этому верить, но город был пуст, и немногие оставшиеся в нем жители ничего не знали о том, по какой дороге двинулись русские войска.

Нужно сказать, что французская армия, несмотря на долголетний победный военный опыт, а может быть, как раз вследствие этого, была в значительной степени измотана бесконечными походами. Солдаты устали. Особенно это чувствовалось в России, которая отличалась от всех прежних завоеванных территорий тем, что войска не имели возможности квартироваться с привычным для них комфортом, нормально питаться, а главное, военный поход грозил превратиться в многомесячную, а то и в долголетнюю кампанию, затягивая французские войска все дальше в самую глубь России с ее непроходимыми лесами и болотами.

Наполеону необходимо было понять, что стоит за этим? Русские отступают от слабости или реализуют тщательно продуманный план? Но сколько же русская армия будет отступать, заставляя французов идти за ними по пятам, изнывая от жары, голода, нехватки фуража для лошадей, теряя людей не только в боях, но и от ужасных условий? Главное же, еще больше, чем физические трудности, изматывала французскую армию неопределенность. "Никогда не делай того, что желательно твоему врагу", – Наполеон всегда придерживался этого правила. Здесь же в России, он столкнулся с невозможностью следовать своим планам, с необходимостью подчиняться замыслам противника, логику которых он никак не мог разгадать. Эта русская кампания не была похожа ни на одну из прежних военных кампаний наполеоновской армии. Так вели себя скифы, заманивая бесконечными отступлениями неприятелей в свои степи, где они погибали от зноя и жажды.

После некоторых колебаний Наполеон принял решение быстро двигаться к Смоленску, где, как он понимал, наконец соединятся армии Барклая и Багратиона. Он имел твердое намерение не дать им уйти от сражения и разбить наголову, чтобы покончить с этим русским кошмаром. Узнав об этом решении, наполеоновские маршалы впервые решились открыто возражать против подобных действий. Они говорили императору о падеже лошадей, о нехватке продовольствия, о дезорганизации в армии. Более того, они впервые усомнились в необходимости войны. "Из-за чего ведется эта тяжелая война? Не только наши войска, но и мы сами не понимаем ни целей, ни необходимости этой войны".

Ранним утром 16 августа Наполеон начал бомбардировку Смоленска. Ожесточенная битва под стенами города продолжалась до ночи с 17 на 18 августа. Русские войска раз за разом отбивали ярост-

ные атаки противника. На рассвете 18 августа Наполеону снова доложили, что русские войска покинули город.

Результатом этой непостижимой политики было то, что к моменту Бородинской битвы, т.е. того самого генерального сражения, которого так долго и упорно добивался Наполеон, численность французской и русской армий была примерно сопоставима, тогда как в начале кампании силы французов вдвое превышали силы русских войск. Апогеем же "русского способа борьбы с захватчиком" после Бородина, исход которого также можно бы причислить к "вечным вопросам" 1812 года, было оставление Москвы.

Казалось бы, действительно вырисовывается четкая картина продуманной, изощренной, "скифской" военной стратегии, позволявшей русской армии сдерживать наступление противника, нарушать его планы и заставлять его действовать по нежелательному для него сценарию. Именно такое убеждение должно было сложиться у французских участников русской кампании, и скорей всего оно было отражено в мемуарах, переписках, а затем и в исследованиях западных историков. Это мы находим и у Нэмира, который даже попытался проследить начальные стадии зарождавшейся стратегии поведения русских войск в случае нападения французской армии.

18 мая 1812 года, пишет Нэмир, генерал граф Нарбонн, посланный Наполеоном, виделся с царем в Вильне. По его словам, император Александр, казался готовым к возможному поражению в двух или трех сражениях, но при этом демонстрировал готовность продолжать воевать, дойдя хоть до татар, если понадобится. Это, говорит Нэмир, ссылаясь на Тарле, было первым упоминанием формулы, которая в различных вариациях будет повторяться Александром на протяжении всего 1812 года. "На моей стороне пространство и время" – не стояла ли за этими словами идея заманить Наполеона далеко в глубь России, где он и найдет свой конец, а вместе с ним разрушится миф о великой армии? Эта концепция, если она являлась основой стратегии, могла быть вполне четко осознана и гораздо раньше (более того, имелся и исторический прецедент – Полтава). Генерал Мариан Кукель в своем капитальном труде "Война 1812 года" проводит идею об "оборонительном отступлении", а также о "горящей земле", представленную Вольцогеном, флигель-адъютантом Барклая, в двух меморандумах – 1809 и 1810 гг.; в планах, разрабатываемых Барклаем де Толли после Фридланда и в 1810 г.; в меморандуме Гнейсенау в мае–июне 1812 г.; и даже в письме царю, написанном в начале войны графом Ростопчиным, который вряд ли решился бы озвучить то, что не было "на слуху"[5]. Приведенные доводы, а также сама постановка вопроса Нэмиром, говорит о том, что он верит в существование такой разработанной русскими стратегии и вопрос состоит лишь в том, насколько обстоятельства способствовали или мешали осуществлению этих стратегических планов. В принципе, на этом не стоило бы заострять внимание, потому что нет

ничего необычного в том, что военное командование проводит кампанию согласно разработанной стратегии. Дело, однако, в том, что Нэмир основывает свои выводы на материалах Тарле. Между тем, на наш взгляд, работа Тарле, которую Нэмир использовал практически как источник, в немалой степени посвящена этому вопросу. Тарле приводит огромное количество подлинных источников, на основании которых историк может сделать вполне определенный вывод и закрыть "вечный вопрос".

Вернемся к той цитате, где речь идет о формуле "времени и места", впервые обозначившей намерения царя применить линию "изматывания" противника. В самом деле, император Александр не раз произносил фразы, означавшие, что в случае войны с Наполеоном "у нас в тылу есть пространство", "мы предоставим нашему климату... вести за нас войну"[6]. Однако в той же работе Тарле показано, что Александр был не слишком большим специалистом в военном деле, а если точнее, "обнаруживал полную неспособность в военному делу", он был "от природы органически лишен понимания войны и военного дела. У Романовых, начиная с Павла, это было родовой чертой, передававшейся по наследству. Быть может, именно оттого-то они все (и больше всех Александр I... (многоточие мое. – *Е.Д.*)) так страстно и были привязаны к фронтовой шагистике, к парадам, что стратегия настоящей войны была им чужда и непонятна"[7]. Иными словами, фактически царь не мог предложить никакой военной стратегии.

Далее, говоря о командующем 1-й армией Барклае де Толли, который собственно и приказывал все отступления русских войск, Тарле замечает, что "много было споров вокруг вопроса о "плане Барклая". Есть (очень, правда, немногие) показания, говорящие как будто о том, что Барклай де Толли с самого начала войны – и даже задолго до войны – полагал наиболее правильной тактикой в борьбе с Наполеоном использовать огромные малолюдные и трудно проходимые пространства России, заманить его армию как можно дальше и здесь спокойно ждать ее неизбежной гибели"[8]. Но значительно больше свидетельств другого рода, в том числе и самого Барклая, что его отступления связаны лишь с невозможностью противостоять силам противника и что при малейшем шансе на успех он принял бы генеральный бой. Тарле приводит высказывание очевидца, участника войны 1812 года обер-квартирмейстера 6-го корпуса Липранди, мнение которого как военного специалиста всегда высоко ценилось: "Я смею заключать, что как до Смоленска, так и до самой Москвы, у нас не было определенного плана действия. Все происходило по обстоятельствам. Когда неприятель был далеко, показывали решительность к генеральной битве..., но едва неприятель сближался, как все изменялось, и опять отступали, основываясь также на верных расчетах. Вся огромная переписка Барклая и самого Кутузова доказывает ясно, что они не знали сами, что будут и что должны делать"[9].

О том же свидетельствует в своих воспоминаниях граф Толь, генерал-квартирмейстер 1-й армии (Барклая). Он утверждает, что в начале войны в Вильне решительно никто в русском штабе понятия не имел о той роли, какую сыграют в этой войне колоссальные пространства России. Это выявилось само собой уже в процессе боевых действий. Отступление же диктовалось с самого начала нежеланием Барклая рисковать русской армией. Свидетельство графа Толя, подчеркивает Тарле, имело бы само по себе для нас решающее значение, даже если бы оно не подтверждалось рядом таких же неопровержимых показаний, включая сюда и документы, исходящие от самого Барклая. Не "скифский план" искусственного заманивания противника, а отход под давлением превосходящих сил – вот что руководило действиями Барклая в первые месяцы войны. О "скифском плане" стали говорить уже на досуге, когда не только война 1812 г. окончилась, но уже и войны 1813–1815 гг. отошли в область прошлого[10].

Надо заметить, что обе последние цитаты приводятся Нэмиром в его статье[11]. Однако он настойчиво проводит мысль о существовании упомянутой стратегии. Он говорит, что вполне возможно выдвигать теоретическую идею, обыгрывать ее всячески, заявлять о ней открыто, даже щеголять ею, но не принимать ее всерьез. Конечно, продолжает Нэмир, план, включающий отдачу огромной площади русских земель, мог с готовностью приниматься лишь иностранцами, состоявшими на службе в России, но не самими русскими. Тем не менее, возражает себе Нэмир, обстоятельства, здравый смысл и естественный страх перед гением Наполеона заставили русское командование – Кутузова в не меньшей степени, чем "иностранца" Барклая де Толли, – выбрать ту единственную стратегию, которая могла принести победу. Однако применяя ее (т.е. стратегию) русское военное руководство приняло на себя огонь жесточайшей критики и нападок. Правильная по существу идея резко расходилась с патриотическим и профессиональным чувствами, которые все же были побеждены логикой событий и силой обстоятельств[12].

Думаю, что Тарле не знал о публикации этой статьи Нэмира, иначе, возможно, он нашел бы какой-то способ ему ответить. Жаль, что давно уже ушел из жизни сам Нэмир и нет возможности задать ему ряд вопросов. Но поскольку, изучая творчество Нэмира, я нашла эту давнюю публикацию, то мне и надлежит вступить с ней в полемику.

Допустим, что все доводы и документы не убедили Нэмира и он продолжает считать, что Россия в своей борьбе с Наполеоном в 1812 году руководствовалась определенной стратегией, которая, хоть и шла вразрез с патриотизмом русских, единственная могла привести их к победе. Но в этом случае подобная линия должна быть введена в ранг официальной политики государства на определенном этапе, и сопротивление ей как раз будет считаться про-

явлением антипатриотическим. Кроме того, она должна быть в деталях проработана в штабе командования военных сил и пропагандироваться среди населения на всех уровнях, чтобы достичь максимального эффекта от ее исполнения и свести на нет сопротивление тех слоев, которые не сразу разобрались в ее полезности. В России мы не наблюдаем такого и в помине, не говоря уже о том предположении Нэмира, что подобную идею открыто объявляли и даже бравировали ею. Напротив, мы видим жесткое противостояние Барклая де Толли, командующего 1-й армией, и Багратиона, командующего 2-й армией. С самого начала военных действий Багратион резко критикует Барклая за его осторожничанье, нерешительность, называя это трусостью, граничащей с изменой. “Багратион смотрел на тактику Барклая, как на тактику ошибочную. Он рвался в бой, но со своими …силами он не мог, не губя своей армии, противостоять огромным силам Наполеона, а все его призывы к Барклаю оставались безрезультатными. Неистовый гнев Багратиона возрастал…, потому что при отсутствии поддержки со стороны Барклая он принужден был и сам тоже отступать, а это он считал гибелью для России”[13]. Такое же отношение к Барклаю было и среди населения. “Для большинства среднего поместного дворянства… ненавистный Барклай, ответственный виновник бесконечных отступлений, был изменником или в лучшем случае позорным трусом еще с первых дней войны”[14].

После отхода Барклая от Смоленска Багратион бранил его нещадно, говоря, что после этого позора ему стыдно носить мундир. Он обвиняет Барклая во всех грехах, в том числе в пособничестве Наполеону и в том, что Вольцоген является французским шпионом. Барклай “нерешим, трус, бестолков, медлителен и все имеет худые качества. Вся армия плачет и ругает его насмерть”[15]. Можно приводить еще много подобных примеров, однако уже ясно, что среди русского командования не было единства, как и не было подчинения одной идее, которая служила бы для скорейшей победы над захватчиком. Даже если у Барклая и были определенные соображения о том, как воевать с Наполеоном, то он их не высказывал, не обнародовал, не афишировал, а наоборот стремился доказать отсутствие любых запланированных отступлений. И тут никак нельзя усмотреть наличие некоей государственой тактики. Да, Кутузов, назначенный на место Барклая, на следующий день стал проводить ту же политику, что и Барклай. Нэмиру это дало повод сказать о торжестве логики и обстоятельств. Но за что тогда сняли Барклая?

Кроме того, решение о сдаче Москвы нелегко далось Кутузову. Тарле показывает, в каком трудном положении оказался полководец. С одной стороны, он заявляет, что “лучше потерять Москву, чем армию и Россию”, с другой – утверждает, что настоящая его забота есть спасение Москвы. До Бородина он повторял, что потеря Москвы – это потеря России. После Бородина на знаменитом военном совете в

Филях: "Приказываю отступление", т.е. отдать Москву Наполеону, хотя в тот же день, но до совещания, в ответ на замечание генерала Ермолова о необходимости ухода из Москвы он спросил: "Здоров ли ты?" Иначе говоря, самую мысль о сдаче Москвы без боя он считал безумием. Словом, никто до последней минуты (включая его самого. – *Е.Д.*) не мог понять, чего же хочет Кутузов[16]. Все это с очевидностью доказывает, что в России не было спасительной стратегии военных действий, а все отступления русской армии были продиктованы стремлением сохранить силы ради ее спасения.

Второй вопрос, который Нэмир назвал "вечным", связан с московским пожаром – возник ли он случайно или действительно Москву подожгли сами жители? Почему-то обозначив эту тему, Нэмир не стал на ней останавливаться в своей статье. Очевидно, для него этот вопрос не был так спорен, как первый. Однако будем последовательными и ответим на второй вопрос Нэмира.

Прежде всего вспомним приход Наполеона в Смоленск. В ночь на 18 августа французские войска были близки к тому, чтобы занять город. В Смоленске уже бушевали пожары – горел пригород, и от разрывавшихся снарядов загорались все новые строения в самом городе. Барклай понимал стремление Наполеона навязать русским решающее сражение. Он также понимал, что принять этот вызов означало потерять армию. Этого нельзя было допустить (кстати говоря, пламенно-страстные патриотические призывы Багратиона могли привести к тому, что героические, отважные люди, сражавшиеся невзирая на раны, истекли бы кровью и погибли бы все как один за Отечество, оставив оное без защиты; удивительно, что тогда современники не сознавали этой очевидной вещи и не постигли, что тихий патриотизм Барклая приносит родному Отечеству славу хитроумных стратегов, дезориентирующих великую армию, а главное, сберегает собственные силы для защиты Отчизны). Барклай принимает решение оставить город, но перед этим отдает приказ взорвать пороховые склады. В два часа ночи, после взрыва складов, казаки проскакали по Смоленским улицам, оповещая население о своем уходе и приглашая всех желающих последовать вместе с ними. К тому моменту, как французы вошли в Смоленск, в нем из 15 тыс. жителей осталась лишь тысяча. Глазам завоевателей предстали картины таких мучений людей, что даже они, видевшие за долгие годы походов всякое, содрогались от ужаса и сострадания.

Наполеон не мог до конца разобраться, что же означают постоянные отступления русских, а они означали что угодно, только не слабость, потому что, уходя, русские не отказывались от боев и сражались яростно, как львы, – последний пример тому битва под Валутиной, где арьергард русской армии, отходящей из Смоленска, принял бой с конницей маршала Нея. Эта битва, длившаяся целый день 19 августа, унесла 13 тыс. жизней – 7 тыс. с французской и 6 тыс. с русской стороны. Так вот, Наполеон, пытавшийся понять потаен-

ный смысл этих русских отступлений, должен был решить еще одну непостижимую задачу – что означает планомерное сожжение Смоленска, превращение его в груду дымящихся окровавленных развалин? Что означает, когда люди, уходя, уничтожают не только свои деревни, но и большие города?[17]

После Бородинского сражения, после мучительного раздумья Кутузовым был отдан приказ об оставлении Москвы. Наполеону предстояло пережить еще не одно потрясение. Первое из них – это въезд в долгожданную русскую столицу, которая показалась Наполену тем прекрасней, чем тяжелее она ему досталась и чем более она оказалась непохожей на столицы всех известных ему стран Европы. Второе потрясение Наполеон испытал, напрасно прождав делегацию от царя с предложением мира и обнаружив, что Москва пуста. И наконец, совершенно непостижимым для Наполеона ударом было узнать, что в Москве начались пожары. Первый пожар вспыхнул вечером 14 сентября, через несколько часов после вступления Мюрата, а уже на следующий день вся Москва была объята пламенем. В своей книге Тарле приводит официальное донесение пристава Вороненки о том, что граф Ростопчин поручил ему в случае вступления вражеских войск истреблять огнем все, что возможно[18]. Тарле считает также, что независимо от распоряжений Ростопчина могли найтись люди, которые остались в Москве и с риском для жизни решили уничтожить все, лишь бы ничего не досталось врагу[19].

Наполеон, бледный, смотрел в окно на горящую Москву. "Это они сами поджигают. Что за люди! Скифы!... Это война на истребление, это ужасная тактика, которая не имеет прецедентов в истории цивилизации... Сжигать собственные города! Этих людей вдохновляет демон! ...Какой народ!"[20]

Эти слова Наполеона Нэмир приводит в своей статье[21]. Я думаю, они могут послужить ответом на второй "вечный" вопрос.

Наконец, вопрос о том, какова была политика Кутузова после сдачи Москвы. Это действительно очень важный и непростой вопрос, хотя, как мне кажется, Тарле в своей книге и на него дает ответ.

После отданного Кутузовым приказа покинуть Москву, он оказался в кольце враждебно настроенных царедворцев, чье отношение подкреплялось нескрываемой враждебностью самого Александра. Среди полководцев у Кутузова тоже практически не нашлось поддержки. Генерал Беннигсен, пользовавшийся доверием и покровительством Александра, везде вещал, будто у русской армии имелись шансы отстоять Москву, но светлейший князь по слабости и робости своей не захотел[22]. Барклай, тактику которого продолжал Кутузов, был обижен и раздражен именно тем, что Кутузов занял его место, и не думал поэтому поддерживать фельдмаршала[23]. Постепенно, по мере того как сведения о недовольстве Александра, о его полном недоверии Кутузову распространялись, росло негативное отношение к нему и в более широких слоях.

Однако особую неприязнь, выражаемую с откровенной бесцеремонностью, проявлял английский комиссар при русской армии генерал сэр Роберт Вильсон, имевший сильное влияние на русского императора в первую очередь за счет поставок английского оружия и денежных средств. Роберт Вильсон понимал, что выжидательная, неторопливая позиция Кутузова, который не стремился после Бородина к новым крупным боям с наполеоновской армией, противоречит интересам Англии, стремящейся русскими силами добить своего главного врага.

Между тем именно после Бородина и сдачи Москвы стратегический талант Кутузова развернулся в полном блеске. Приказав армии отступать на Рязанскую дорогу, а затем круто изменив маршрут к югу, Кутузов вывел армию на старую Калужскую дорогу к Красной Пахре. Этим маневром Кутузов прикрыл Калугу и южные губернии от возможного движения туда Наполеона. Однако эти соображения вызывали резкую критику Беннигсена и других генералов, противников Кутузова, которые, не понимая смысла перехода с Рязанской дороги на Калужскую, громко говорили о "бессмысленных мотаниях" старого фельдмаршала[24]. Кутузов убеждал, что нужно отступить как можно южнее, к селу Тарутино, потому что чем ближе стать к Калуге, тем легче будет контролировать три дороги, ведущие из Москвы в Калугу, по каждой из которых мог двинуться Наполеон. Но и эти, вполне обоснованные соображения, встречали резкое сопротивление Беннигсена, настаивавшего на необходимости сражения в Красной Пахре с Мюратом. Лишь когда Беннигсен лично убедился в том, что в этой местности дать сражение невозможно, он согласился с решением Кутузова отступить подальше к югу. Этот эпизод ясно показал, что Беннигсен и вся его большая враждебная Кутузову партия в штабе по существу не знают, что делать, но кричат об "ошибках" Кутузова с целью добиться его смещения с поста главнокомандующего.

План же Кутузова состоял в том, чтобы выиграть время и дождаться, пока Наполеон вынужден будет покинуть Москву. Все, что содействовало этой цели, было им "предпочитаемо пустой славе" иметь успех в нападении на выдвинувшийся из Москвы наполеоновский авангард[25].

Сражение под Тарутиным, когда совершенно неожиданно для Наполеона войска Кутузова вдруг напали на отряд Мюрата и нанесли ему поражение, было уступкой Кутузова многочисленным настояниям русских полководцев. Кутузов не хотел сражения даже второстепенного. У него была своя четкая линия, и он стойко ее придерживался, не считая нужным кому-либо объяснять свою позицию или оправдываться.

После Тарутина, которое для Наполеона явилось напоминанием об окрепших силах русских войск, Наполеон принял наконец решение уйти из Москвы. Это известие прозвучало для Кутузова долго-

жданным подтверждением того, что его расчеты были верны. Уход Наполеона из Москвы означал для Кутузова спасение России. Он уже не сомневался, что французы оставят Россию и что это произойдет даже в том случае, если больше не будет ни одной стычки с французами, а поэтому и не нужно никаких стычек. Его не интересовала дальнейшая участь наполеоновской армии, хотя он вполне мог предположить, как будут развиваться события дальше с учетом надвигающейся зимы с ее морозами и снегами.

Вся остальная история войны – это безуспешная борьба Александра против кутузовской стратегии и тактики, в которой почти весь штаб Кутузова был на стороне царя. Против Кутузова выступал также и Вильсон, за которым стояла Англия и вся покоренная Наполеоном и жаждущая освобождения Европа.

Но Кутузов не хотел больше сражений. Он считал, что русская армия уже заслужила свою бессмертную славу. Что же до покоренной Наполеоном Европы, то Кутузов полагал, что ее освобождение – это дело Европы, а не России.

Так вкратце можно сформулировать ответ на третий вопрос, поставленный Нэмиром, исходя из материалов и анализа, данных Е.В. Тарле. Надо сказать, что многие из приведенных здесь рассуждений Тарле по этому вопросу, присутствуют в статье Нэмира в качестве прямых и косвенных цитат, хотя и не полных, а скорее отрывочных. (Правда, Нэмир не дает ссылки на страницы текста, откуда им взята та или иная цитата). Казалось бы, точки зрения двух ученых совпадают, и те вопросы, которые Нэмир назвал “вечными”, на самом деле имеют достаточно обоснованные ответы, и пока не появилось новых архивных или аналитических материалов, позволяющих усомниться в них или опровергнуть.

Но одна фраза, сказанная Нэмиром, вдруг звучит в диссонанс не только всем материалам Тарле, но и самой логике исследования. Перед тем как процитировать слова Тарле о том, что у Кутузова был свой четкий план, и он перестал обращать внимание на все, что не относилось к этому плану, Нэмир говорит, что после оставления Наполеоном Москвы «...Кутузов начинает свою игру, непостижимую для современников и “*головоломную*” (курсив мой. – *Е.Д.*) для историков»[26]. Хочется привести его слова дословно: Puzzling to historians. В английском языке слово puzzle означает “головоломку”, “загадку”. Что же и почему в политике Кутузова является таким загадочным для историков и для самого Нэмира, который уже подробно ознакомился с исследованием Тарле? Похоже, именно то, что Кутузов не хотел продолжать военные столкновения с французами, считая, что их уход из России – дело решенное. Это было для него главным, а судьба Европы его не волновала. Его ближайшие соратники, считает Нэмир, были уверены, что на Березине Кутузов сознательно позволил Наполеону спастись. Нэмир цитирует одного немецкого писателя (не указывая имени и откуда взя-

то высказывание): "Березина! Роковое название, роковая река, которая могла бы избавить человечество от несчастий, но не избавила, продлив их еще на три года!"[27] Но затем Нэмир высказывает сомнение, был ли Кутузов на самом деле в состоянии продолжать войну, имея в виду наступательные действия. "Он знал состояние собственной армии… И зачем ему нужно было рисковать ею, воюя против Наполеона, когда он знал, что сама русская земля, и ее климат, и постоянные набеги партизан приведут к врагов к неминуемой гибели"[28]. Далее Нэмир приводит высказывание самого Кутузова (или пересказывает слова Кутузова, но к сожалению, не указывает источник). Поэтому я даю здесь этот текст так, как он звучит у Нэмира: "После 1812 года, как считал Кутузов, было тяжело и опасно затевать новую войну против Наполеона, и это было совершенно не нужно. Русские уже утвердили свои права, победили непобедимого врага и завоевали себе бессмертную славу. Для чего же им освобождать и укреплять немцев, которые как соседи России были ее потенциальными врагами? Зачем лить русскую кровь за немцев, которые однажды, возможно, прольют кровь внуков и правнуков тех самых русских солдат, которые теперь должны двинуться на борьбу с Наполеоном для освобождения Германии?"[29]

Приведя этот пассаж, Нэмир оставляет его без каких-либо комментариев. Зато его следующие фразы поистине являются puzzling to historians. Политика Кутузова, говорит Нэмир, сто́ила России дальнейших тяжелых жертв – и кто же был прав, он или Александр, поддерживаемый тогдашним общественным мнением? И могла бы Россия быть действительно в безопасности, если бы наполеоновская империя выжила?[30]

На первые три вопроса, поставленные Нэмиром, ответы были даны. На последние, я думаю, не стоит искать ответы. Вместо этого мне хочется понять, почему они вдруг прозвучали в конце нэмировской статьи, а заодно – что означает эта статья, и зачем она была написана.

Высоко ценя Нэмира как ученого, обладавшего масштабным зрением и понимавшего историю как единый и взаимосвязанный процесс развития общества, я не могу допустить мысли, что эта статья написана им без знания фактического материала или без должного внимания к доводам и рассуждениям Е.В. Тарле. И все же, мы видим, Нэмир упорно делает совершенно нелогичные акценты. Вспомним, что статья "Russia's Way with Invaders", что по-русски можно перевести как "Русский способ борьбы с захватчиками", была опубликована в 1947 г. в сборнике "Facing East" ("Лицом к востоку"), где помимо названной статьи помещен ряд очерков, посвященных различным проблемам стран Восточной Европы: России, Чехословакии, Польши, а также взаимоотношениям этих стран с Западом. Все статьи затрагивают вопросы, крайне актуальные для того времени, охватывая период 30–40-х годов XX в. Единственная ста-

тья, относящаяся к другому веку – это статья о русской кампании Наполеона 1812 года. Но начинается она с параллели, которую часто проводили в те годы, сравнивая вторжение Наполеона в Россию с агрессией гитлеровской Германии. Начинается статья так: "В 1941–1943 годах о войне 1812 года вспоминал каждый. Мы задавались вопросом, если человек сломлен и повержен, повлечет ли это за собой крушение всего чудовищного механизма, созданного и управляемого им?"[31] Другими словами, если гибель Наполеона привела к крушению его империи, то возможно ли изжить явление фашизма уничтожением его главного идеолога.

Далее Нэмир сообщает о том, что в 1938 г. вышла в свет книга "Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год", автором которой является "один из самых выдающихся дореволюционых историков – Е. Тарле". Эта книга представляет собой прекрасно написанное и высокопрофессиональное исследование, содержащее большое количество документов. Кроме того велико практическое значение этой книги, ибо уже в 1938 г. автор ясно предвидел надвигающееся вторжение Германии, и обратился к прошлому, чтобы его уроки направляли ход политики и уберегли от ошибок[32]. Затем Нэмир говорит о трех "вечных вопросах".

Касаясь политики Кутузова после сдачи Москвы, Нэмир обвиняет его в изоляционизме, т.е. в некоем эгоизме в масштабе собственной страны, когда судьба остальной Европы его не волнует. Но это обвинение выглядит понятным на фоне второй мировой войны, когда подобная позиция отдельной страны не привела бы к краху "чудовищной машины", и, кстати, именно Россия сыграла немалую роль в освобождении стран Европы во второй мировой войне. Эти заявления Нэмира становятся еще более понятны из его очерка "Britain, Russia and Europe" ("Британия, Россия и Европа"), опубликованном в том же сборнике "Лицом к Востоку". В нем Нэмир более подробно излагает свое отношение к изоляционизму, считая что стремление стран к решению своих проблем не может быть достигнуто без понимания проблем своих соседей[33].

Надо заметить, что будучи европейцем, Нэмир искренне не принимает политики Кутузова по отношению к Наполеону после его ухода из Москвы, хотя допускает, что подобная тактика могла быть продиктована практическим расчетом полководца: если армия ослаблена, то действительно не стоит ею рисковать. Другие соображения, вроде тех, что приводит Е. Тарле, Нэмир считает не слишком убедительными и объясняет позицию историка тем, что тот писал эту книгу в предвоенной изоляции России, которая сама в свою очередь исповедовала изоляционизм, и это неминуемо отразилось на мировоззрении историка.

Думаю, что теперь многое прояснилось в этой странной статье Нэмира. Но почему же он взялся за нее? Вероятно, дело в том, что здесь Нэмир поступился своим научным кредо и выступил в

роли не историка, а публициста. Это было сделано потому, что публицистические выступления доступны гораздо более широкому кругу читателей, чем исторические труды. Поэтому Нэмир и использовал приемы сугубо публицистические, цель которых привлечь внимание читателей. Отсюда и отсутствие точных ссылок, и небольшой объем статьи, и стиль, свойственный популярным, а не научным изданиям, т.е. то, чего бы он никогда себе не позволил в настоящем научном труде.

Позволю себе заметить, что как историк Нэмир был несравнимо талантливее, чем как публицист. Но, очевидно, его гражданская позиция не позволила ему заниматься только проблемами прошлого, когда срочно требовали осмысления проблемы настоящего.

---

[1] *Namier L.* Russia's Way with Invaders // L. Namier. Facing East. L., 1947.

[2] *Тарле Е.В.* Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938.

[3] Napoleon's Invasion of Russia, 1812 / By Eugene Tarlé. L., 1942.

[4] *Namier L.* Russia's Way with Invaders. P. 99.

[5] Ibid. P. 100.

[6] Цит. по: *Тарле Е.В.* Нашествие Наполеона на Россию: 1812 год. М., 1961. С. 427.

[7] Там же. С. 463–471.

[8] Там же. С. 472.

[9] Там же. С. 472–473.

[10] Там же. С. 474.

[11] *Namier L.* Op. cit. P. 100–101.

[12] Ibid. P. 100.

[13] *Тарле Е.* Указ. соч. С. 477.

[14] Там же. С. 475.

[15] Там же. С. 520.

[16] Там же. С. 537.

[17] Там же. С. 523.

[18] Там же. С. 584.

[19] Там же.

[20] Там же. С. 585.

[21] *Namier L.* Op. cit. P. 98.

[22] *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 634.

[23] Там же. С. 635.

[24] Там же. С. 637.

[25] Там же.

[26] *Namier L.* Op. cit. P. 104.

[27] Ibid.

[28] Ibid.

[29] Ibid. P. 105.

[30] Ibid.

[31] Ibid. P. 97.

[32] Ibid. P. 99.

[33] *Namier L.* Britain, Russia and Europe // Facing East. L., 1947. P. 82–87.

Часть III

КУЛЬТУРА

"ФЕРНЕЙСКИЙ ПАТРИАРХ" ВНОВЬ ПРИГЛАШАЕТ ГОСТЕЙ...

И.И. Сиволап

27 июня 1999 г. состоялось открытие дома-музея Вольтера в Фернее. К этому событию Франция, на территории которой расположилась тогда в XVIII в. деревушка, а сейчас маленький городок, шла целых два с небольшим столетия (точнее 221 год). Долгие десятилетия казалось, что цель недоступна вовсе – частное имение, в котором владельцы гордились домом, стараясь не нарушать в нем ничего, изредка показывали его посетителям, но ни в коем случае не хотели расставаться с поместьем. Однако в 90-е годы произошло чудо: добрая воля владельцев объединилась с Министерством культуры Франции, и теперь все мы можем любоваться парком, дворцом, дивными видами на озеро Леман и гряду Альп. Но самое главное – отдать дань признательности удивительному человеку – великому Вольтеру. Только здесь в Фернее, в тиши его небольших комнат как нигде чувствуешь биение его пульса и понимаешь, что худенький старый человек, одетый в халат и тапочки, может быть грозной силой для правителей Европы.

В Фернее он прожил 20 последних и самых плодотворных лет своей жизни. Здесь были созданы "Философский словарь", "Трактат о терпимости", множество пьес для театра. А его корреспонденция отсюда насчитывает 30 тыс. писем, в которых он борется с нетерпимостью, ханжеством церкви, с предрассудками за свободного человека, за его гражданские и юридические права, за новую мораль. Именно здесь он стал "фернейским патриархом", чей голос заставлял трепетать насильников.

В деревушке Ферней Вольтер поселился в 1759 г., когда ему было 65 лет. До этого, с 1755 до 1759 г., он жил в Женеве в поместье Делис[1]. Когда он переехал сюда, он находился в тяжелой депрессии. По существу, он оказался бомжем – жить ему было негде. Да не просто негде жить, а еще к тому же опасно. Европа еще не забыла скандал с прусским королем Фридрихом II, когда после трехлетнего пребывания в Берлине (1750–1753 гг.) между Вольтером и его "венценосным учеником" и как бы другом произошла громкая ссора. Однако это случилось не вдруг: живя в тесной близости с королем-"просветителем", Вольтер испытывал жестокое неравенство. Со-

хранились его письма о том, как интересно проходит его жизнь, и в них он добавляет: "но...", "но...", "но..." Адресатам становилось ясно: как же страдает писатель-разночинец у своего друга. И Вольтер, воспользовавшись рядом обстоятельств, срочно уезжает из Берлина, а во Франкфурте чудом избегает ареста королевской полиции. Приехав в Швейцарию, он также не нашел понимания из-за своих статей, да и вообще из-за своего мировоззрения. Он не получил и от французского короля разрешения жить в Париже. Уехав из Делиса (хотя это имение еще несколько лет принадлежало ему – до 1765 года), Вольтер в 1758 г. в 10 километрах от Женевы, но во Франции, нашел маленькую деревушку, расположенную в болотистом месте с несколькими десятком бедных построек. Это был буквально "медвежий угол", но у него было преимущество – близость границы: если захотят его арестовать (он никогда не забывал свое двукратное пребывание в Бастилии, высылку в Англию и имел 150 псевдонимов!), то можно моментально перебраться в Швейцарию. Интересно, что документы на покупку дома и участка юридически были оформлены на имя его племянницы м-м Дени. 9 февраля 1759 г. королевский нотариус района Жекс мэтр Жиро заверил акт о продаже Жакобом Бюде имения Ферней м-м Дени[2]. Вольтер и м-м Дени имели раздельное имущество, что давало племяннице определенный социальный статус и гарантировало некоторую неприкасаемость. Итак, все меры предосторожности были приняты, и Вольтер никогда не был законным владельцем поместья, ставшего таким знаменитым, хотя все в Европе знали этот адрес.

Итак, с первых же дней жизни в Фернее у этого 65-летнего старого человека, да еще и слабого здоровья, начинается возрождение – вокруг было столько дел! Дом или, как его называли, замок (château) был в плачевном состоянии – надо начинать его не только ремонтировать, но и перестраивать, мал он для гостей, которые наверняка приедут навестить старика. Что потом и случилось, во Франции 60–70-х годов XVIII в. два места стали объектами паломничества – Версаль и Ферней. Сам же Вольтер, довольный такой славой, посмеивался и называл Ферней "Постоялый двор Европы" ("L'Auberge de l'Europe"). Он очень радовался огромному количеству гостей, беседовал о состоянии политических, религиозных и социальных дел. Это была связь напрямую, особенно с теми, кто мог оказывать влияние на жизнь в Европе. Эти беседы давали много и ему, и гостям. Вспомним, какое впечатление осталось у княгини Е.Р. Дашковой, которую в 1770 г. принял Вольтер. С приезжими он выяснял состояние дел не только во Франции, но и в Европе, и в то же время вел агитацию за все принципы своей идеологии. Еще одна задача Вольтера состояла в том, чтобы гости удостоверились, что можно из забытого богом угла сделать образцовое хозяйство, что бедная деревушка за малое количество лет стала самой процветающей в округе. Это бы-

Рис. 6. Спальня Вольтера в поместье Ферней

ло своего рода доказательство, что через небольшой кусок земли ("когда культивируешь свой сад") можно и государство сделать богатым и сильным – и сделать это может даже старый и слабый философ: надо только хотеть. Это было продолжением дискуссии с Руссо: Вольтеру было смешно, когда на чердаке сидит голодный

бедняк и, не умея организовать свою жизнь, дает советы правителям, как нужно строить жизнь целого государства. Экономические успехи Фернея были политическим оружием Вольтера.

Итак, в 1766 г. реконструкция замка была закончена. Все архитектурные проекты были сделаны самим хозяином. В основном они сводились к пристройке к центральному зданию двух крыльев. Для консультаций был приглашен архитектор Леонард Ракль, который поселился в Фернее и прожил там до самой смерти Вольтера, помогая во всех хозяйственных делах. Поначалу Вольтер хотел разрушить старый дом и построить новый. Но сумма, отданная за него, была 89 тыс. ливров, и для полной переделки нужно было вложить еще тысяч 50. Особенная сложность возникала с толщиной стен. Поэтому, подумав, он решил ремонтировать дом капитально и пристроить к нему два крыла. Центральная часть, т.е. сам дом состоял из первого этажа, где жил он, Вольтер: спальня, столовая, комната для приемов и знаменитая библиотека. Здесь же были комнаты и м-м Дени. Второй этаж был предназначен для гостей, и здесь же жил секретарь Вольтера Ваньер. В мансарде размещались слуги, а в самом нижнем этаже находились кухня и подсобные помещения. Но кроме перестройки дома, строительные работы на территории поместья шли долгие годы. У входных ворот еще в 1761 г. была построена знаменитая часовня, на фронтоне которой написано: "Богу построил Вольтер" (Deo exit Voltaire). Это произошло после того, как в городе Аннеси были возбуждены два дела против Вольтера. Они были закрыты после строительства часовни.

Сам же Вольтер объяснял, что церковь, которую он построил, единственная в мире, посвященная одному Богу. Все другие посвящены святым. Лучше построить церковь хозяину, чем прислуге.

Итак, начиная с 1759 г. Вольтер полностью почувствовал себя свободным и погрузился в активную практическую деятельность: под его присмотром не только перестраивался замок, расчищался парк, была посажена аллея к имению, был организован замечательный огород, который кормил и домочадцев, и их гостей, но было осушено болото, улучшены дома для жителей, вычищены улочки, сооружены фонтан для всех, новая церковь в деревне. Отлично работали организованные им ремесленные мастерские, где делали посуду, черепицу, пряли шелковые чулки и собирали часы... Он гордился, что все это сделал писатель. Экономическая деятельность, как и творческая, вылечили старого человека, он распрощался с депрессией. Конечно же, он не стал Геркулесом, но физически заметно окреп, приводя современников в восхищение. Худенький беззубый старичок, смешивший своим видом, имел ясный ум, практический взгляд на положение дел и во Франции, и в Европе, обладал отважным характером. Именно тогда он стал совестью Европы, первым общественным адвокатом. Когда в 1762 г. по ложному обвинению в убийстве сына казнили Ж. Каласа, Вольтер расследует дело и дока-

зывает его абсурдность. Только благодаря его вмешательству и громкому обвинению палачей в 1765 г. Калас был реабилитирован. Прошло немного времени и в 1766 г. Вольтер вступается за память казненного Де Лабарра, молодого человека, обвиненного в богохульстве (его сожгли на костре вместе с найденным у него "Философским словарем" Вольтера). А в 1767 г. он активно защищает Сирвена, ложно обвиненного в убийстве дочери. Оправдательный приговор Сирвену вынесли в 1771 г. под влиянием Вольтера. И на этом список не кончается. Он вступается в 1773 г. за Лалли-Толландаля, в 1771–1772 гг. – за Монбальи, в 1777 г. – за крепостных Монт-Юра и других. Фернейский патриарх был первым и отважным гражданином Франции, духовным отцом будущих борцов за справедливость (в XIX–XX вв. таковые уже составят длинный список: В. Гюго, Р. Роллан, В. Короленко, Т. Манн). Уже после смерти Вольтер "косвенно" спас в далекой России жизнь А.Н. Радищева. Арестованный летом 1790 г., в легкой одежде он в кандалах был препровожден в карцер. Начальник и друг Радищева А.Р. Воронцов, президент Коммерц-коллегии, под чьим руководством трудился Радищев, бросился к императрице с томиками Вольтера. После долгой многочасовой дискуссии Воронцов доказал императрице, что многие идеи из "Путешествия..." были высказаны почитаемым ею Вольтером[3].

Вольтер, который еще так недавно всего боялся – тюрьмы, высылки, пыток, смерти, – в фернейский период теряет страх. Он неумолим, он грозен в обличении несправедливости, он учит писателей и ученых исполнять свой гражданский долг защищать несчастных. Когда великий скульптор Гудон работал над статуей "Сидящий Вольтер", то был потрясен взглядом фернейского патриарха – зорким, смелым, молодым и в то же время мудрым. Скульптор увековечил образ Вождя. О том, как выглядел в реальной жизни этот властитель дум, мы можем себе представить по картинкам Жана Гюбера, которые и сейчас (их почти 11, а в Эрмитаже – 9) нам доступны для обозрения.

О деятельности Вольтера в Фернее написано достаточно много[4]. Нам же интересно вспомнить впечатления Екатерины Романовны Дашковой, будущей главы двух научных Академий. Ее ум и проницательность восхищали таких философов, как Д. Дидро. В 1770 г. она путешествовала по Франции и Швейцарии. На следующий день по прибытии в Женеву Дашкова поторопилась послать Вольтеру записку с просьбой о разрешении посетить его. В России она прочитала почти все его сочинения, а ее родной старший брат Александр Романович Воронцов, большой поклонник философа, уже давно, еще в 1757 г., лично познакомился с ним (это именно он позднее бросился к императрице защищать Радищева). В 1760 г. Воронцов побывал у Вольтера в Фернее. Безусловно, что брат с сестрой неоднократно обсуждали эти встречи, делились мнениями о сочинениях философа и о его деятельности. Возможно, что в записке, посланной в Ферней,

Екатерина Романовна напомнила, что она сестра уже ему так хорошо знакомого русского. Несмотря на то что Вольтер был накануне очень болен, он немедленно попросил ее приехать, сказав, что будет рад повидаться, предложив еще привезти всех ее друзей. Встреча состоялась на следующий день[5].

Сам Вольтер, интересовавшийся делами в России (он в переписке с императрицей! да к тому же уже написана "История Российской империи при Петре Великом"), был знаком со многими русскими и хорошо знал о той роли, которую сыграла Дашкова во время переворота 1762 г. Конечно же, Дашкова была чрезвычайно интересна Вольтеру. Они вместе обедали, рассуждали о многом. Но о серьезном в присутствии других побеседовать не удалось. Поэтому, уезжая, княгиня быстро откликнулась на фразу философа: "увидит ли он ее еще"? – тем, что тут же испросила разрешения (ведь он почти на 50 лет старше ее!) навещать его по утрам. Он согласился, и Екатерина Романовна приезжала к старику, чтобы в его кабинете или в саду обсуждать то, что волновало Европу и Россию: политику, религию, социальные проблемы… И если при первой встрече философ шутил и явно не был расположен к серьезному разговору, то в утренних беседах он соответствовал, по мнению княгини, тому высокому званию "великого Вольтера", кое рисовало ее воображение. Наверное на нее произвела впечатление и хозяйственная деятельность владельца Фернея, ведь княгиня тогда начала переустраивать свое любимое имение Троицкое, что под Серпуховом. Скоро оно станет образцовым хозяйством и, наверняка, опыт Фернея окажет в этом ей поддержку. Безусловный интерес, наверное, вызвала библиотека Вольтера – его особая гордость. Куда бы его ни забрасывала судьба, он всюду возил ее за собой. Она помещалась в комнате рядом с ним. Все стены были заставлены книгами, и на многих страницах были краткие, а подчас и развернутые пометы хозяина дома.

Познакомилась Екатерина Романовна и со многими домочадцами, жившими в Фернее: с секретарем Вольтера Ваньером, но особая дружба возникла с непрофессиональным художником Жаном Гюбером, близким другом Вольтера в течение всего фернейского периода. Это он, Жан Гюбер, оставил нам бесценные свидетельства фернейской жизни Вольтера – множество милых зарисовок с натуры: то Вольтер сажает дерево, то встает с кровати, то куда-то едет в экипаже, то принимает гостей. Эти картинки полны любви, восхищения простотой гения и в то же время милой доброй насмешки. И хотя Гюбер не был профессиональным художником, его зарисовки представляют необыкновенную ценность своей достоверностью. Близкие, шутя, говорили, что Вольтер побаивался Гюбера, так как тот знал все его маленькие слабости. К тому же "этот злодей Гюбер" часто выигрывал в шахматы у фернейского патриарха, что не могло его не сердить. Но Вольтер любил Гюбера и прощал его насмешки. Больше того, сам смеялся его выходкам, даже такой, о которой рас-

сказывает Дашкова: Гюбер давал своей собаке кусок сухого сыра и поворачивал ее пасть в разные стороны, отчего собака становилась поразительно похожей на бюст Вольтера знаменитого скульптора Пигаля. Хохотали при этом все, включая и самого хозяина дома, который подтрунивал над своей старостью и немощностью. Кстати, именно в Фернее все увлекались театром. После загруженного трудового дня, наскоро поужинав, домочадцы, включая хозяина, приступали к репетициям. Играли и спектакли. Сюда приезжали знаменитые актеры, например прославленный Лекен – это его портрет находился (и сейчас находится) в спальне патриарха. Да, на "Постоялом дворе Европы" велись и серьезные беседы, и искрилось веселье... Какое это было чудесное время!

Однако в 1778 г. Ферней осиротел... В феврале Вольтер приезжает в Париж после почти 30-летнего отсутствия. Его встречают как триумфатора – с восторженным приемом в академию, с бурными овациями в "Комеди франсэз". Но патриарх, которому 84 года, после размеренной жизни в Фернее не может вынести этих волнений – в ночь с 30 на 31 мая он умирает. В связи с тем что он скончался без причащения, да и к тому же припомнив его старые грехи, церковь запрещает его похороны в Париже. Так начинается грустная история перемещения тела Вольтера. Его племянник аббат Миньо тайно увозит его и хоронит в своем аббатстве Сельер в Шампани. Проходит 13 лет и в 1791 г. в торжественной праздничной обстановке Вольтера перезахоранивают в Париже. Под звуки гимна, написанного Андре Мари Шенье на музыку Госека, катафалк, на котором написаны слова благодарности ("Он подготовил нас к свободе"), его прах перевозят в Пантеон. И сейчас его могилой считается эта знаменитая усыпальница, хотя ходят слухи, что в годы реставрации кости Вольтера из нее исчезли...

А в Фернее со смертью хозяина началась печальная жизнь. Вот тогда-то и стали выручать русские друзья. Екатерина II, переплатив в три раза, купила у госпожи Дени библиотеку Вольтера, насчитывающую 6814 томов[6]. С помощью верного секретаря Вольтера Ваньера книги были упакованы со всей тщательностью в 12 огромных ящиков. Сначала их привезли в имение Делис близ Женевы, а потом "посуху", на лошадях доставили в Любек и уже оттуда на пакетботе "Быстрый" библиотека отправилась в Россию. Командовал пакетботом опытный капитан Николай Шубин, герой Чесменской битвы (груз бесценный, а на Балтике часто бывают кораблекрушения!). Книги в целости прибыли в 1779 г. в Петербург, и их разместили в Эрмитаже. Расстановкой томов занимался приехавший преданный Ваньер, который великолепно знал, где, на какой полке, между какими стояла такая-то книга. Поэтому библиотека дошла до нас в неповрежденном виде, что бывает чрезвычайно редко с частными собраниями. В 1862 г. библиотека была перевезена в Императорскую Публичную библиотеку (ныне Государственная Публичная библиотека им. И.Е. Салтыкова-Щедрина), где она хранится и поныне.

Редкая полнота изданий, состав книг показывают круг интересов писателя: это литература, религия, философия, свободомыслие, периодика и многое другое. Кроме этого библиотека бесценна тем, что на полях более трети книг есть маргиналии и знаки внимательного чтения хозяина – полемические, броские, выразительные замечания. Сейчас идет публикация этих заметок Вольтера[7].

Тогда же была приобретена и серия картин Жана Гюбера, созданных в Фернее под названием "Сцены из жизни Вольтера"[8]. Почти в то же время, в 1780 г., императрица заказала через Гримма Гудону, большую мраморную статую "Сидящий Вольтер" (ее эскиз она уже имела). Скульптор, не мешкая, выполнил заказ, и в 1781 г. "Сидящий Вольтер" с подписью автора и датой исполнения стал ждать отправки, так как эта скульптура вышла очень тяжелой. Она попала в Россию только в 1784 г. и сразу же была установлена в одном из павильонов Царского Села, где ею и любовались. Напомним, что такая же статуя была выполнена Гудоном и поставлена в "Комеди франсэз" – в ее цоколе было помещено сердце Вольтера. (Ее и сейчас можно видеть в этом прославленном театре.) А российский "Сидящий Вольтер" из-за событий Великой французской революции был перевезен в Эрмитаж, в комнаты, где хранилась библиотека писателя. Там его и увидел Пушкин, который в 1832 г. здесь занимался и сделал зарисовку скульптуры. Судьба этого шедевра была беспокойной, его неоднократно перевозили из дворца во дворец, из комнат в хранилища и обратно. Только в 1886 г. статуя снова оказалась в здании нового Эрмитажа, а с 1930 г. она находится в зале французского искусства XVIII в.[9]

И еще один экспонат связан с Вольтером. В 1778 г. императрица захотела воспроизвести в Царском Селе копию фернейского дома в натуральную величину. Чертежи, обмеры были выполнены в 1779 г. уже известным нам другом Вольтера архитектором Л. Раклем. Тогда же эти документы появились в Петербурге вместе с разборной деревянной моделью замка, выполненной одним из лакеев госпожи Дени. Эта модель существует и сейчас...[10] Однако тогда постройка фернейского дома в Царском Селе не состоялась.

Вот так, уже после смерти Вольтера, Россия, которая и при его жизни была с ним тесно связана, стала как бы его воспреемницей. По-прежнему издавались большими тиражами его произведения (напомним, что первое издание его на русском языке вышло в 1735 г.!). Недавно, в 1995 г. появилась интересная книга "Вольтер в России", где перечислены все его издания с 1735 по 1995 г. Эта книга, выполненная с особой тщательностью и любовью сотрудниками Всероссийской Государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино и Фондом Вольтера (Оксфорд, Великобритания), впечатляет числом учтенных произведений Вольтера и работ о нем, напечатанных в России, – это 4093 наименования! Вторая часть данной книги содержит высказывания русских писателей о Вольте-

ре – стихотворения, статьи, письма, воспоминания. И справедливы слова Ю.Г. Фридштейна, одного из составителей книги, сказанные в его вступительной статье "Вторая жизнь Вольтера", что это "...его жизнь в России. В России, куда он так и не приехал, и тем не менее его незримое присутствие в ней, его влияние на умы – фантастичны, подобной судьбы не знал в России ни один иностранный писатель". Разумеется, что здесь и история русского вольтерьянства и антивольтерьянства тоже[11].

А тогда, в XVIII в., русские друзья стали помогать фернейским. Весной 1781 г. снова в Женеву приехала княгиня Дашкова и она повидалась с Жаном Гюбером. Их дружба несмотря на 11-летнюю разлуку, по-прежнему оставалась сердечной. Конечно же, много говорили о Вольтере. Княгиня, которая приехала из Парижа, где ей рассказывали о триумфе философа перед кончиной, поведала подробности Гюберу. А он ей об осиротевшем Фернее, который племянница Вольтера уже продала. Вполне вероятно, что Дашкова рассказала, что ее брат, Александр Романович Воронцов, как и раньше, разыскивает и покупает автографы писателя (кстати, в Петербурге хранится так называемый "Воронцовский сборник", где собрано 179 личных писем писателя)[12]. Наверное, она рассказала, как он дружески отнесся к Ваньеру, с которым лично познакомился в 1779 г. во время его пребывания в Петербурге, когда он размещал библиотеку Вольтера. Этот преданный и верный друг Вольтера был всю ночь у изголовья умирающего, и это к нему в 3 часа ночи он обратился со словами сожаления о покинутом Фернее, и это ему он сказал на прощание: "Я Вас нежно обнимаю, дорогой друг, и с печалью..." После смерти Вольтера Ваньер остался без заработка. И Воронцов начал лично платить ему пенсию, что продолжалось до самой смерти Ваньера в 1803 г., т.е. 25 лет. Это позволило секретарю жить безбедно и продолжить работу над улучшением жизни обитателей Фернея. Став мэром этой деревушки, он довершил начатые дела хозяина.

Рассказала княгиня и о библиотеке, успокоив друга, что та хорошо устроена. А художник со своей стороны подарил Дашковой портрет их общего любимца своей работы...

Несмотря на то что в Фернее не было уже великого старца, русские, как, впрочем, все почитатели патриарха, по-прежнему стремились посмотреть его жилище, хотя бы из-за решетки частой ограды.

Так, Н.М. Карамзин оставил нам в "Письмах русского путешественника" страничку своих впечатлений о посещении им Фернея в 1789 г.: «Я ходил туда пешком с одним молодым немцом. Бывший Вольтеров замок построен на возвышенном месте, в некотором расстоянии от деревни Ферней, откуда идет к нему прекрасная аллея. Перед домом, на левой стороне, увидели мы маленькую церковь, с надписью: "*Вольтер Богу*"...»[13].

В XIX в. вся читающая публика России зачитывалась "Письмами русского путешественника", настолько эта книга была любимой и почти что обязательна для домашнего чтения. Если кому-то везло, и он попадал в Женеву, то обязательно подъезжал к Фернею, а если и не бывал за границей, то знал все о Фернее по Карамзину.

Конечно, новые владельцы Фернея[14] старались прекратить массовое паломничество в имение – жить частной жизнью на "постоялом дворе Европы" им было бы невозможно. Но, понимая ценность для мировой культуры этого места, они бережно относились ко всему, что там находилось, стараясь ничего грубо не переделывать. Более того, они по-прежнему поддерживали культ прежнего хозяина. Муж одной из владелиц замка скульптор Эмиль Ламбер с 1879 г. не только улучшил парк и постройки внутри ограды, но и подарил коммуне Фернея замечательную бронзовую статую патриарха, которая до сих пор стоит на авеню Мэрии и украшает городок. На протяжении 200 лет все-таки по договоренности с владельцами можно было посещать и жилище Вольтера. И в наши дни многие специалисты имели эту возможность благодаря любезности хозяев, которые понимали, как важно погрузиться, пусть ненадолго, но в атмосферу далекого XVIII в. и лучше понять, почувствовать присутствие патриарха.

А в самой России как бы ни относилась официальная власть к Вольтеру – все, кроме "Скалозубов", любили его, читали и помнили. Вспомним, что совсем молодой, 16-летний Пушкин в стихотворении "Городок" с нежностью писал о нем:

Сын Мома и Минервы
Фернейский злой крикун,
Поэт в поэтах первый
Ты здесь, седой шалун!
Он Фебом был воспитан,
Из детства стал пиит;
Всех больше перечитан,
Всех менее томит;
Соперник Эврипида,
Эраты нежной друг,
Арьоста, Тасса внук –
Скажу ль?... отец Кандида –
Он всё; везде велик
Единственный старик!"[15]

А в 1836 г., накануне его гибели, в "Современнике" была напечатана статья уже зрелого Пушкина "Вольтер", которая полна его собственных раздумий, глубоко волновавших поэта – о взаимоотношении поэта и власти, о проблеме личного достоинства писателя, о месте интеллигенции в обществе. Многие российские писатели размышляли о Вольтере, анализировали его деятельность. А русское вольтероведение, серьезнейшим образом изучающее творчество писателя, является весомым вкладом в мировую науку[16].

Долгие годы Франция стремилась открыть музей в Фернее, особенно эта идея окрепла в 1994 г., когда широко праздновалось 300-летие со дня рождения писателя. И вот в 1999 г. переговоры между французским министерством культуры и последними вла-

дельцами замка увенчались успехом: 27 июня 1999 г. при огромном стечении народа – жителей Фернея и окрестностей, женевских гостей, школьников – был открыт для публики долгожданный музей. В центральной части, где помещались комнаты патриарха, все осталось как при его жизни, почти так, как описал нам Карамзин. А вот в крыльях дома создана замечательная экспозиция, особенно в левом крыле. Начиная от дверей, посетитель сразу вступает в прямой контакт с Вольтером, который как бы спрашивает каждого: А ты? кто ты? ты добр, ты вступишься за жертву? ты толерантен? ты поступил бы, как я? При полной тишине огромная толпа гостей, глядя в глаза портрету Вольтера, вела эту беседу, как бы выверяя, изменилась ли натура человека за 200 с лишним лет, распрощались ли мы с ожесточением, с жестокостью... И слова владельца Фернея, которые написаны на стенах этого павильона, еще раз напоминают о его нравственном примере и о том, что от воли, ума, храбрости каждого из нас зависит многое и прежде всего наше счастье и безопасность. Потом, выйдя из павильона, попадаешь в личные комнаты...

Как много-много лет назад этот дом назван "Постоялым двором Европы", центром интеллектуальной жизни. Здесь проводятся семинары, коллоквиумы, встречи, даются спектакли. Вот прошло более года (музей в 2000 г. был открыт с 30 апреля до 8 октября), и программа деятельности под руководством Эрве Луашемоля с его командой была блестяще выполнена. В основу лег принцип Вольтера – гостеприимство для всех обиженных. И сегодня эта идея не потеряла своей актуальности. Под этой крышей собираются писатели, художники, которых преследуют. Им дается возможность свободно и спокойно работать. Здесь нашли понимание югославские писатели и артисты. Здесь поделился своими мыслями Салман Рушди и другие. Выставки, концерты и особенно дискуссии на коллоквиумах собирают многих. Важно отметить стремление руководства привлечь в Ферней детей-школьников. Для них есть специальная, очень интересная программа. Мы не знаем, какими вырастут дети Фернея, но верим, что благодаря деятельности Музея Вольтера и мэрии этого городка, которая и со своей стороны много делает для них, они станут достойными людьми, такими, какими Вольтер хотел бы видеть людей на земле[17]. Так интересно кипит жизнь в этом центре интеллектуального притяжения. Снова "фернейский патриарх" приглашает гостей для обсуждения проблем современного мира и возможных решений его улучшения, точнее, "как возделывать наш сад". Пожелаем и мы успеха работе на "Постоялом дворе Европы". И вслед за Карамзиным скажем: "Кто... не почтет за приятную должность быть в Фернее, где жил славнейший из Писателей..."[18]

[1] В имении Делис, что в Женеве, с 1954 г. (дата официального открытия) находится один из самых уникальных центров вольтероведения – Институт и Музей Вольтера. Здесь собрано огромное количество документов Вольтера, и руководит Институтом с 1971 г. профессор Шарль Вирц. За годы существования Институт издал 107 томов "Переписки Вольтера" (Voltaire's Correspondence), являющихся уникальным изданием XX века. Изданы здесь и "Записные книжки Вольтера" ("Voltaire's Notebooks") и множество других научных работ.

[2] См.: *Meylan P.* Voltaire roy de Ferney // Vieilles maisons françaises. L'Ain, 1993. P. 46.

[3] *Сиволап И.И.* Радищев и Вольтер // Французский Ежегодник. 1978. М., 1980. С. 47–61.

[4] *Caussy F.* Voltaire seigneur de village. 1912. reed. 1978; *Casstor C.* Une esquisse de Ferney au XVIII siècle. Voltaire et les maçons de Samoëns. Annemass, 1978. Ferney-Voltaire, pages d'histoire. Annecy, 1984. Кстати, эти три книги можно купить и в самом музее, а до его открытия в мэрии Фернея.

[5] *Дашкова Е.Р.* Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 86–88.

[6] Библиотека Вольтера: Каталог книг. М.; Л., 1961. С. 23.

[7] Корпус читательских помет Вольтера (Corpus des notes marginales de Voltaire. B., 1979. T. 1).

[8] *Левинсон-Лессинг В.Ф.* Новые материалы по иконографии Вольтера // Ежегодник Гос. Эрмитажа. Л., 1936. Т. I, вып. 2. С. 19–78; Художник Гюбер и Вольтер // Литературное наследство. М., 1939. Т. 33/34. С. 935–944.

[9] В годы гражданской и Отечественной войн статую прятали.

[10] Эта модель находилась в библиотеке Вольтера в Петербурге до 1854 г. Потом она попала в музей Инженеров путей сообщения, а потом снова была возвращена в Эрмитаж.

[11] Русские писатели о Вольтере // Вольтер в России: Библиографический указатель: 1735–1995. М., 1995. С. 10.

[12] Письма Вольтера. М.; Л., 1956. С. 17.

[13] *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 158–160.

[14] После смерти Вольтера м-м Дени продала Ферней маркизу де Вилету, который, в свою очередь, в 1789 г. Жану-Луи Бюде. Ж.-Л. Бюде умер в 1844 г., и трибунал р-на Жекс продал имение г-ну Гриолету – парижскому промышленнику. В результате финансовых трудностей замок был снова продан на торгах в 1845 г. Клоду Мари Давиду, парижанину, но родом из района Юры. Именно семья Давидов много сделала для поместья. По словам П.А. Вяземского, "г-н Давид, торговал бриллиантами, торговал ими и в России; где, по словам его слуги, "нажил... значительное богатство". См.: Вольтер в России. С. 386. В 90-х годах XX в. владельцами были семьи Соутхэм и Пулан. См.: *Meylan P.* Voltaire roy de Ferney // Vieilles maisons françaises. L'Ain, 1993. P. 47.

[15] Вольтер в России. С. 354.

[16] *Сиволап И.И.* Вольтер в советской литературе. 1917–1972 // Французский Ежегодник, 1973. М., 1975. С. 274–283. Вольтер в России. С. 140–209.

[17] См.: Проспекты Музея, а также ежемесячный Бюллетень "Le Ferney nouveau" за 2000 год.

[18] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Л., 1984. С. 158.

АЛЕКСАНДР I В ВОСПОМИНАНИЯХ Ф.Р. ДЕ ШАТОБРИАНА

Е.В. Киселева

Французский писатель с мировым именем и государственный деятель эпохи реставрации Бурбонов во Франции (1814–1830 гг.) Ф.Р. де Шатобриан опубликовал в 1838 г. свои заметки о конгрессе Священного союза, проходившем в Вероне с 20 октября по 14 декабря 1822 г.[1] Главным предметом обсуждения прибывших на конгресс императоров России и Австрии, – Александра I и Франца I, – прусского короля Фридриха Вильгельма III, а также представителей Англии и Франции были революционные события в Испании, начавшиеся в январе 1820 г. с открытого неповиновения части испанской армии под руководством подполковника Рафаэля Риего-и-Нуньес. Фердинанд VII был вынужден восстановить конституцию 1812 г. и издать декрет о созыве кортесов.

На Веронском конгрессе европейские монархи согласовывали общие действия в отношении Испании, не исключая при этом организацию военной интервенции с целью подавления в ней конституционного движения.

Будучи в это время французским посланником в Лондоне, Ф.Р. де Шатобриан представлял на конгрессе Францию вместе с министром иностранных дел М. де Монморанси, а затем после его отъезда присутствовал на нем в качестве ее единственного уполномоченного.

На конгрессе он получил возможность не только близко наблюдать российского императора, но также беседовать с ним во время длительных и многочисленных совместных прогулок.

Заметки Шатобриана о встречах с царем на Веронском конгрессе занимают сравнительно небольшое по объему место среди множества опубликованных им документальных свидетельств, раскрывающих подробности обстоятельств принятия французским правительством решения о вооруженном вторжении в Испанию, чтобы восстановить трон Фердинанда VII. Важным дополнением к записям бесед с российским императором, сделанным Шатобрианом, является помещенный среди материалов Веронского конгресса его краткий очерк о царствовании Александра I, охватывающий период с восшествия молодого царя на престол 12 (24) марта 1801 г. и заканчивающийся последними годами его жизни. Личность Александра I представляется Шатобриану настолько значительной и неотделимой от бурного потока исторических событий в Европе в первой четверти XIX в., что он посвящает ему много страниц и в своих знаменитых “Замогильных записках”, являющихся замечательным эпическим памятником современной писателю эпохи.

Рис. 7. Портрет Ф.Р. де Шатобриана работы Луи де Лаваля

Воспоминания Шатобриана о российском императоре создают достаточно ясную картину восприятия великим французским писателем его облика как человека и государственного деятеля.

В них наряду с размышлениями крупного мыслителя о роли Александра I в грандиозных потрясениях в Европе начала XIX в. нашли также отражение его мысли о государственном устройстве Российской империи, о самодержавии и его устоях, о значении выступления дворянской оппозиции царизму на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.

Суждения Шатобриана о царе, несомненно, заслуживают пристального внимания исследователей отечественной истории. В них чувствуется глубокий и проницательный ум автора, широта его исторического кругозора, что помогло ему увидеть ряд важных аспектов внутренней и внешней политики царизма, показать силу, а также просчеты и ошибки Александра I в разные периоды его правления. Знакомство с ними проливает дополнительный свет на эволюцию мировоззрения царя в 20-е годы XIX в., что особенно отчетливо видно на примере его отношения к конституционному правительству в Испании в 1820–1823 гг.[2] Настойчивые и энергичные призывы российского императора на Веронском конгрессе не медлить с осуществлением под эгидой Священного союза военной экспедиции в Испанию свидетельствуют о переходе царизма во внешней политике от курса “конституционной дипломатии” на позиции защиты принципа легитимизма в Европе.

В своих воспоминаниях об Александре I Шатобриан искусно вводит читателя в атмосферу идейно-политической жизни французского общества времен реставрации.

С самого начала реставрации, став пэром, Шатобриан оказался в самой гуще жарких парламентских дебатов между ультрароялистами и либералами, противостоявших друг другу в понимании путей политического и социального развития конституционной монархии Бурбонов.

В высшей палате парламента он считался одним из влиятельнейших и красноречивых ораторов, чей голос не раз определял судьбу обсуждаемых в ней правительственных законопроектов. Но

самым замечательным деянием на государственном поприще и в служении Бурбонам Шатобриан считал свое активное участие в подготовке военной экспедиции Франции в Испанию в 1823 г.: "В ту пору внимание мое всецело поглотила война, призванная решить участь французской монархии"[3]. Воинственное настроение Шатобриана было продиктовано его расчетом на то, что удачный и быстрый поход против испанских кортесов во имя сохранения престола за одним из потомков Генриха IV повысит авторитет Франции среди великих европейских держав и изгладит унижение 1815 г. Побуждаемый желанием быть причастным к восстановлению былой мощи французской монархии, он обратился с просьбой к Ж.Б. Виллелю, бывшему в 1822 г. министром финансов и фактически руководившему кабинетом, назначить его полномочным представителем на Веронском конгрессе. Получив согласие министра, он тотчас отправился в дорогу.

Посылая Шатобриана на конгресс, Виллель не подозревал в нем сторонника решительных действий против Испании. Более того, занимая более сдержанную позицию, чем министр иностранных дел М. де Монморанси, в отношении возможного вмешательства Франции в испанские дела, он надеялся, что Шатобриан сможет повлиять на него. Однако в нарушение инструкции Виллеля, предписывавшей французским представителям придерживаться на конгрессе "выжидательной политики", Монморанси на первом же заседании заявил, что считает войну вполне вероятной в виду большой угрозы распространения мятежа на граничащую с Испанией Францию. В конце своего выступления он обратился к монархам с вопросом, может ли в этом случае его правительство рассчитывать на содействие союзников. Наиболее твердый ответ прозвучал из уст российского императора, поспешившего заверить французских представителей, что он готов без каких-либо предварительных условий и ограничений оказать моральную и материальную поддержку французскому правительству в его усилиях вернуть Фердинанду VII всю полноту власти[4]. Таким образом, в лице Александра I Шатобриан нашел убежденного поборника политики вмешательства в испанские дела, что отвечало его собственной заветной мечте – восстановить Бурбонов на троне оружием Бурбонов, что, как он считал, должно было принести французской монархии великолепные плоды[5]. Правда, между царем и Шатобрианом обозначились разногласия по поводу роли Священного союза в осуществлении испанской кампании. Александр I мыслил ее как совместное предприятие монархов Священного союза. Что же касается Шатобриана, то он старался оставить за Францией свободу действий и выбор удобного времени для объявления войны Испании, так как предвидел, что выступление ее в качестве простого инструмента политики Священного союза еще больше усилит враждебность либерального общественного мнения, бурно протестовавшего против испанской экспедиции. Кроме того он

опасался, что военная слава ускользнет от Франции, если она поступит по прямому указанию европейских монархов[6]. Однако эти расхождения о мере ответственности Священного союза и Франции в реализации испанского похода не вылились в открытый конфликт, поскольку были быстро улажены. Франция в конце концов дала свое согласие на отзыв посла из Мадрида, оговорив при этом, что она так поступит позже России, Австрии и Пруссии.

Одобрение царем заявления Монморанси на конгрессе о плане Франции употребить силу для устрашения испанских кортесов развеяло появившиеся у Шатобриана опасения, как бы "интриги и козни" английского кабинета, открыто отказавшегося пойти на разрыв дипломатических отношений с Испанией, не помешали проведению французской экспедиции в Испанию. Переплетение интересов монархов Священного союза и Франции послужило почвой для взаимного сближения Александра и Шатобриана в дни Веронского конгресса.

Задолго до этого личность российского государя притягивала к себе взоры Шатобриана. Он был высокого мнения о дипломатических способностях царя, считая, что он умел из побед и поражений в битвах с Наполеоном извлекать наибольшую выгоду для своего отечества: "Сын Павла использовал как союз, так и войны с Бонапартом, чтобы присоединить к России Финляндию, Кавказ, несколько областей Персии, Бессарабию, Царство Польское"[7]. Шатобриан отмечает также укрепление Александром I русской армии: "Тильзитский мир заложил основу военных институтов империи... В 1813 г. его армия удивила Германию своей превосходной оснащенностью, в 1814 г. он вошел в Париж"[8]. Силу России на европейском континенте в первой четверти XIX в., по его мнению, можно сравнить лишь с могуществом Наполеона: "Такова была мощь Александра, которому Наполеон завещал Европу"[9]. Нравственный подвиг и мужество царя, решившегося на беспощадную борьбу с Наполеоном до окончательного свержения его владычества над европейскими странами после его нападения на Россию и победы над ним в Отечественной войне 1812 г. героического русского народа, возвышает, – по глубокому убеждению Шатобриана, – российского императора над всеми современными ему монархами. Под впечатлением известия о его кончине Шатобриан, отдавая дань уважения его памяти, назвал наиболее значительные заслуги царя перед Францией и Европой: "Европа в трауре. Она скорбит о том, кто положил конец страшным опустошениям, бесчисленным бедствиям, пролитию человеческой крови, 22-летней войне. Она скорбит о том, кто первый вернул нам законный трон и способствовал восстановлению вместе с потомком Святого Людовика мира и свободы"[10].

Во время пребывания царя во французской столице после занятия ее союзниками 31 марта 1814 г. Шатобриан чутко всматривается во внутренний мир Александра I. Его поражает миролюбивое настроение российского императора, резко контрастирующее с воин-

Рис. 8. Портрет императора Александра I

ственным пылом Наполеона. В своей брошюре "О Буонапарте и Бурбонах" (1814 г.) он, восторгаясь "гением деятельности" Наполеона, в то же время сурово осуждает императора за непомерное честолюбие, принесшее Франции огромные несчастья, и обвиняет его в насаждении, особенно в последние годы царствования, непосильного гнета, притупившего враждебное чувство к чужеземцам, вследствие чего вторжение иностранных армий в страну было встречено многими как освобождение[11]. "Среди интеллектуальной элиты, – читаем мы в заметках Шатобриана о Веронском конгрессе, – в ту пору установилось полное согласие в отношении императора, которому она вынесла ужасный приговор. Ее видные представители: Лафайет, Камиль Жордан, Дюпис, Лемерсье, Шенье, Бенжамен Констан – находились посреди раболепствующей толпы и, осмелившись презреть победу, протестовали против тирании"[12].

Безрассудной кажется писателю объявленная Наполеоном война России. Этот его поступок заставляет Шатобриана характеризовать императора как человека чуждого Франции[13]. На фоне порицания произвола власти Наполеона личность Александра I явственно приобретает в воспоминаниях Шатобриана черты величия, милосер-

дия и благородства. Российский государь, овеянный славой непобедимого русского оружия, выступает в роли покровителя европейских народов, бескорыстно и неустанно пекущегося об их благоденствии. С нескрываемым удовлетворением приводит Шатобриан текст прокламации союзников от 23 февраля 1813 г., составленный собственноручно царем в Варшаве, где он обещает угнетенным народам использовать победу над противником не для расширения просторов своей империи до самых отдаленных территорий, а исключительно ради того, чтобы протянуть им дружественную руку помощи для обретения ими независимости и покоя[14].

Во внешнеполитическом курсе России Шатобриана привлекает конституционная дипломатия, проводимая царским правительством в годы тяжелого противоборства с Наполеоном. По поводу прокламации Александра I от 13 (25) марта 1813 г., звавшей к оружию народы Германии и содержавшей обещание царя от имени союзников ввести конституционный порядок в независимых немецких государствах, он делает весьма лестную для царя приписку: "Юное поколение немцев, услышало этот зов в своем прилежном уединении. Оно отложило Гомера и взяло шпагу. Профессора юношей стали капитанами"[15].

Важным фактором прочной политики государства и процветания общества Шатобриан считал преобразовательную деятельность правителей. Поэтому не случайно он начинает свое повествование о царствовании Александра I с описания его реформаторских начинаний, желая показать, что первые шаги нового царя по упорядочению внутреннего управления отвечали давно назревшим потребностям российского государства. Речь идет о мерах по преодолению бюрократической централизации, разработанных в недрах Негласного комитета, куда входили ближайшие сподвижники царя, друзья его юности В. Кочубей, П. Строганов, Н. Новосильцев, А. Чарторыйский, и осуществленных Александром I в духе идей просвещенного абсолютизма.

Резкое осуждение вызывает у Шатобриана полицейский произвол, творимый Павлом I. Рассказывая о его насильственной смерти и вступлении на престол Александра I, Шатобриан старается отвести от него малейшее подозрение в причастности к отцеубийству. Ему кажется невозможным, чтобы Александр I, одаренный от природы гуманным характером и добродетелями, воспитанник Лагарпа, мог знать суть (à fond. – *Е.К.*) заговора: "Отречение было необходимостью: он хотел отречения, но не смерти"[16].

Шатобриан приветствует освобождение Александром I из заключения дворян, жертв тирании Павла, уничтожение тайной экспедиции, упоминает также об указах по оживлению торговой и финансовой деятельности, о разрешении дворянам заниматься коммерцией. В поле его зрения оказываются постановления гуманного характера в области судопроизводства, а также уничтожение личной

зависимости крестьян в западных владениях России, просветительская деятельность Александра I по переустройству бывших и основанию новых университетов, послабление цензуры – реформы, доставившие царю репутацию просвещенного государя не только в своем отечестве, но и за его пределами[17].

В произнесенной в палате пэров речи 10 февраля 1816 г. Шатобриан восхвалял великодушную и мудрую политику царя, даровавшего Польше конституцию, причисляя его к прозорливым государственным деятелям, идущим в ногу с веком и прогрессом в Европе, понимающим всю тщетность попыток повернуть вспять развитие человеческого разума[18].

Особенно дорого Шатобриану участие, проявленное российским императором в восстановлении конституционной монархии Бурбонов в 1814 г. после низложения Наполеона. Торжество России над Наполеоном в 1812 г. подняло ее престиж на международной арене в первые десятилетия XIX в. на небывалую высоту. Великосветское парижское общество видело в царе властителя могучей и необозримой империи. Это восприятие французами Александра I как великого государя запечатлел в своем очерке о нем Шатобриан: "Государь могущественный вдвойне, самодержец силою меча и силою религии"[19].

Муниципальную депутацию Парижа, явившуюся в русский генеральный штаб 31 марта 1814 г., чтобы обсудить условия гражданской капитуляции Франции, удивили необычные в устах неограниченного монарха смелые заявления Александра I о признании им за французской нацией права свободного выбора правительства. "Ваше будущее, – сказал царь, – в ваших руках, вы нуждаетесь в правительстве, которое даровало бы покой и Вам, и Европе. Высказывайте ваши желания: вы найдете во мне помощника, готового споспешествовать любым вашим начинаниям"[20]. Пространные рассуждения Александра I о пользе сильных представительных учреждений способствовали созданию его образа искреннего либерала, "героя Севера"[21]. Замечательная французская либеральная писательница Жермен де Сталь под обаянием царя, желая ему польстить, обратилась к нему со словами признательности за великодушие государя, подданные которого, "живя под властью такого монарха, счастливы, даже не имея конституции"[22].

Хотя Александр I и Шатобриан встречались в это время в аристократических салонах Парижа, однако между ними тогда не сложились доверительные отношения, поскольку, как поясняет Шатобриан, они придерживались противоположных политических взглядов: "В Париже нас представили, но так как он считал нас ультра, в то время как сам слыл либералом, мы находили взаимопонимание только в вопросах религии"[23].

Несомненно, Шатобриан был осведомлен о недоверчивом отношении царя к Бурбонам. Неожиданно прозвучавшее на Венском конгрессе во время "Ста дней" его предложение передать трон гер-

цогу Орлеанскому, сделанное царем под влиянием выступления прибывшего из Франции Ж.Б. Лабенардьера, который сообщил о наблюдаемом повсеместно в стране раздражении правлением Людовика XVIII, Шатобриан расценил как новое доказательство того, что в планы союзников и при первой реставрации также не входило восстановление наследственной монархии[24].

Действительно, весной 1814 г. царь поделился с эмиссаром роялистов бароном Э. де Витролем своими сомнениями в пригодности Бурбонов управлять посленаполеоновской Францией: "Не будет ли корона слишком тяжела (для них. – *Е.К.*)?", – спросил он барона и прибавил, что в случае, если Бурбоны попытаются вызвать радикальные перемены в стране, то он мало верит в успех этой затеи[25]. Однако под влиянием М.Ш. Талейрана, убедившего царя в том, что окончательный мир и порядок в стране обеспечат только Бурбоны, Александр согласился распространить на Францию принцип легитимизма, применяемый уже повсюду монархами в освобожденных от наполеоновского господства владениях. Эта покладистость Александра I отнюдь не означала, что он смирился с восстановлением прежнего монархического правления во Франции. Непременным условием принятия короны Людовиком XVIII царь считал введение конституции и настоятельно рекомендовал королю войти в согласие с национальной волей, соблюдая умеренность во избежание новых потрясений[26]. Только когда Людовик XVIII указал день провозглашения "Конституционной хартии" 4 июня 1814 г., успокоенный полученным от короля обещанием учредить умеренную монархию, царь покинул Париж 2 июня.

Хотя Шатобриан принадлежал к видным вождям ультрароялистов, но он видел в представительном правлении веяние времени и полагал необходимым примирить "слуг трона и алтаря с хартией"[27]. Поэтому он внимательно следил за усилиями царя убедить Людовика XVIII пойти навстречу общественному мнению и обнародовать конституцию. Большое значение Шатобриан придает советам Александра I Людовику XVIII, высказывая мнение, что Сент-Уанская декларация от 2 мая 1814 г., где содержались основные принципы "Хартии" – введение двухпалатного парламента и гражданские свободы – явилась прямым результатом посещения царем короля в Компьене[28].

Александр I производил на Шатобриана впечатление государя, испытавшего влияние просветительских идей, натуре которого близки нравственные идеалы и благородные порывы. Слова царя мэрам Парижа, что он далек от мысли о мести и готов на зло, причиненное его державе французским императором, вторгшимся в самое ее сердце и принесшим ей страдания, которые не скоро изгладятся из памяти его подданных, ответить добром, а также его обещание взять все общественные заведения Парижа под особое покровительство и сохранить национальную гвардию – цвет фран-

цузских граждан, внушают Шатобриану чувство искреннего расположения[29]. Он ставит Александра I в центр политической жизни Франции, оккупированной союзными войсками в 1814 г., и противопоставляет просвещенность русского царя государям Священного союза: "Он один из всех европейских монархов понял, что Франция достигла того уровня цивилизации, при котором стране потребна свободная конституция"[30].

В характере российского императора автор воспоминаний старается подчеркнуть привлекательные стороны – отсутствие мелкого тщеславия завоевателя, скромность, любезность, чувствительность к страданиям простых парижан. В душевном настроении Александра он подмечает мечтательность, задумчивость, грусть и печаль. Царь показался ему очень верующим, набожным человеком, с мистическим складом души, склонным из-за своей религиозности приуменьшать влияние своей личности на судьбы Европы, объявляя себя лишь орудием Провидения в последней схватке с Наполеоном. Шатобриану нравилось проявленное царем миролюбие при осмотре Вандомской колонны: «Взглянув на статую Наполеона, венчающую колонну на Вандомской площади, – он сказал: "Если бы я забрался так высоко, у меня бы, пожалуй, закружилась голова"»[31]. Не забывает Шатобриан привести сказанные не без иронии слова царя по поводу Залы Мира в Тюильрийском дворце: "Какова нужда была в ней Бонапарту?"[32].

В замысле шатобриановских воспоминаний о русском царе ясно просматривается желание автора найти в его поступках то непреходящее, что, по его мнению, принадлежит вечности и навсегда войдет в анналы истории. Прежде всего это его участие в возвращении на престол древней династии, которой "повиновались наши предки в течение восьми столетий", но особенно значимым для Шатобриана является понимание российским императором того факта, что в новых условиях французская монархия может существовать только в видоизмененной форме: "Царь покидает Францию, оставив нам шедевры искусств и свободу*, запечатленную в Хартии, свободу, которой мы обязаны его просвещенному влиянию"[33].

Стремясь запечатлеть в памяти потомков светлый облик Александра I, автор облагораживает его личность, выделяет человеческие черты царя. Он преклоняется перед его великодушием, исполненным царственного величия по сравнению с жестокосердием французского императора, не пощадившего в своих завоевательных походах его отечество: "Бесконечно прекрасно, бесконечно величественно прийти из сожженной дотла Москвы, чтобы уберечь памятники Парижа"[34].

---

* Ф.Р. де Шатобриан имеет в виду памятники искусства, вывезенные Наполеоном I из покоренных стран Европы.

Однако, несмотря на успех царя в либеральных салонах, где его прославляла просвещенная столичная элита, писатель взглядом большого художника, тонкого психолога человеческой природы, разглядел черты раздвоенности в личности Александра I, распознал противоречивость его натуры, в которой причудливо сочеталась внешняя европейская образованность и огромное властолюбие самодержца.

Автор дает понять читателю, что русский император привел с собой во Францию народы, пребывающие еще на низшей ступени общественного развития, разительно отличающиеся по своим традициям и обычаям от сложившихся норм западной цивилизации. Его страшит дикость и невежественность орд кавказцев, в случае если они расположатся лагерем во дворе Лувра. Чтобы передать испытанное им чувство потрясения и подавленности при виде шествия по Парижу русского авангарда, предводимого Александром I, он уподобляет себя сибирскому каторжнику, имеющему только номер арестанта. Могучим русским гвардейцам "шести футов росту" Шатобриан приписывает ощущение робости: "Победителей можно было принять за побежденных, робея собственных успехов, они держались так, будто просили прощения"[35]. Даже вид самого царя, прогуливавшегося в одиночестве по Парижу верхом или пешком, наводит автора на мысль о варваре, робеющем, "словно римлянин среди афинян"[36]. Он упрекает французских либералов и сановников империи, проводивших дни напролет в покоях самодержца Александра – "грубого татарина"[37].

В этих образных характеристиках российского императора и его воинов слышится отзвук мучительных душевных переживаний автора в связи с нашествием иностранных войск во французскую столицу, "куда чужеземцы до сих пор вступали лишь для того, чтобы восхищаться нами, чтобы наслаждаться сокровищами нашей цивилизации и нашего ума"[38].

Нарисованный Шатобрианом образ Александра I во многом совпадал с мнением о нем русских прогрессивных людей, у которых после триумфального заграничного похода царя в 1813–1814 гг. возродилась мечта увидеть Россию в числе передовых стран мира. Дарованные царем конституции Княжеству Финляндскому в 1809 г., а затем Царству Польскому в 1815 г., давали им надежду на введение конституционных принципов и в российскую государственность. К тому же в 1819–1820 гг. по поручению царя в канцелярии Царства Польского Н.Н. Новосильцев при участии крупнейшего русского мыслителя и поэта П.А. Вяземского с большим энтузиазмом приступил к составлению "Государственной Уставной грамоты Российской империи" по образцу умеренных монархических конституций, в том числе и Хартии Бурбонов 1814 г.

Пока в Европе сохранялось относительное спокойствие, царизм, хотя и с некоторыми отступлениями, но тем не менее продолжал во внешней политике конституционную дипломатию.

В 1815–1818 гг. Александр I поддерживал умеренное роялистское правительство герцога А. де Ришелье, защищая его в палате от нападок ультрароялистов, которых российский император обвинял в "безрассудном желании любой ценой воздействовать на ту часть французской нации, которая взросла под знаком революции и чья численная и духовная мощь господствует в нынешнее время"[39]. В сентябре 1816 г. Людовик XVIII по совету своего фаворита, префекта полиции Деказа, а также под давлением союзников (главным образом Англии и России) решился на роспуск ультрароялистской палаты. О необходимости такого шага говорилось в инструкции из Санкт-Петербурга русскому посланнику в Париже Поццо-ди-Борго, которому поручалось убедить короля "энергично положить конец всем антиконституционным явлениям"[40]. В эти годы политика Александра I по отношению к французскому правительству свидетельствовала, что он выступал как государственный деятель, сознававший важность сохранения свобод во Франции. Однако, после того как в декабре 1818 г. кабинет Ришелье пал, уступив место либералам, в подходе царя к политическим переменам во Франции все отчетливее проступает оценка их через призму прерогатив королевской власти. Формирование во Франции парламентской системы вызывает у него откровенную неприязнь к лидерам либералов. Так, К.В. Нессельроде сообщал австрийскому канцлеру Меттерниху, что петербургский кабинет находит губительными последствия деятельности министров-либералов Дессоля и Деказа, которые "вместо того, чтобы руководить политическими партиями, являлись их послушными орудиями"[41]. Александр I не мог примириться с отставкой Ришелье, считая, что она совершенно не отвечает "справедливым чаяниям Европы"[42]. Примечательно, что Людовику XVIII пришлось защищать в беседе с представителем петербургского двора статс-секретарем И. Каподистрией правительство Деказа, которое, по его мнению, соответствует "букве Хартии и духу представительной системы правления"[43].

Под влиянием консервативной внутренней политики царизма в русском обществе постепенно угасала вера в обновление устоев государства. Образованные люди в России все больше смотрели на царя, не оправдавшего их завышенных ожиданий, как на человека лицемерного, любящего производить чисто внешний эффект, легко меняющего свои вкусы и пристрастия, скрывающего свои подлинные мысли и чувства под маской непосредственности и любезности.

Происшедшие изменения во взглядах царя на сущность либеральных принципов отмечает и Шатобриан в своих заметках. При встрече с ним на Веронском конгрессе ему бросилась в глаза резкая перемена в убеждениях и настроении Александра I. Под впечатлением замеченного им глубокого различия между отзывами царя о либеральных идеях в 1814 г. и его новым отношением к ним Шатобриан сближает его взгляды с ультрароялистами во Франции: "Мы

встретились с ним в Вероне. Он стал ультрароялистом, я остался либералом"[44]. Близость Александра I к французским ультрароялистам Шатобриан усматривает в его колебаниях по поводу целесообразности и разумности положений "Хартии" 1814 г., за введение которой он так ратовал: "...заставив дать нам Хартию, он затем с беспокойством следил за вызванными ею движениями..."[45] На Веронском конгрессе Шатобриан уже не обнаружил в Александре возвышенного желания нести народам свободу. В приватном разговоре с Шатобрианом царь поведал ему: "...Провидение поставило под мое начало 800 тысяч солдат не для того, чтобы я тешил свое самолюбие, но для защиты религии, морали и права, для обеспечения торжества принципов порядка, на которых зиждется человеческое общество"[46]. Это признание царя доказывало Шатобриану, что отныне он решил защищать традиционализм в Европе: "На конгрессах в Троппау, Лайбахе, Вероне он вообразил себя защитником цивилизации против анархии, как когда-то спас ее (Европу. – *Е.К.*) от деспотизма Наполеона"[47].

Если раньше, выступая 10 февраля 1816 г. перед пэрами Франции, Шатобриан с большим воодушевлением говорил о великодушном поступке царя, даровавшего конституцию Царству Польскому, то в 1822 г. он склонен полагать, что Александр I, по существу, отказался играть в нем роль конституционного монарха: "...дав конституцию полякам, государь приостановил ее действие..."[48]

Поправение внешнеполитического курса царизма в 20-е годы отражает переписка Шатобриана, который возглавил с декабря 1822 г. министерство иностранных дел, с французским посланником в Санкт-Петербурге Ла Фероннэ, касающаяся вопроса о политическом устройстве Испании после ее умиротворения. Во время национально-освободительных войн русского и испанского народов против Наполеона российское правительство заключило в 1812 г. союзный договор между Россией и Испанией в Великих Луках, в котором торжественно признало кортесы в Кадисе и конституцию 1812 г.[49] В 1814 г. Александр не поддержал безоговорочно отмену Фердинандом VII конституции кортесов, а восстановление в Испании изживших себя монархических учреждений вызывало у него неудовольствие[50].

Иначе смотрел царь на королевскую власть в Испании, когда в связи с успехом французской экспедиции против кортесов в 1823 г. монархи Священного союза приступили к обсуждению условий возвращения трона Фердинанду VII. В подходе к этому вопросу Александр I и Шатобриан заняли разные позиции. Александр I настаивал на заключении мира и завершении военных действий только после освобождения короля и полного восстановления его в правах суверена, а также роспуска кортесов. Серьезно опасаясь, что подобная непримиримость царя в отношении кортесов чрезвычайно осложнит ведение переговоров о мире, и следовательно, быстрая и победоносная военная экспедиция, на которую рассчитывал Шатобриан, гро-

зит принять затяжной характер и обречь Францию на "повторение Тридцатилетней войны", он просил Ла Фероннэ повлиять на Александра I и убедить его смягчить свои требования, так как "...кортесы никогда не захотят быть повешенными, а Кирога и Риего не подпишут свой смертный приговор. Хозяева короля, они никогда не выпустят его, а заключенный в Кадисе, под охраной английского флота, он никому не будет доступен"[51]. Шатобриан предлагал заручиться согласием кортесов существенно изменить конституцию в пользу прерогатив короны и на этом основании вести переговоры о мире. Свою веру в неизбежность приспособления к новым обстоятельствам старых абсолютистских традиций во Франции он переносит на Испанию, предусматривая создание в ней смешанного правления и сохранение конституции. "Только тогда, – уверен он, – можно будет предвидеть шаги Фердинанда VII после заключения мира, в противном случае, предоставленный самому себе, король впадет во множество заблуждений, гибельных для Европы"[52]. Убеждение Шатобриана в том, что испанским Бурбонам надо поступиться частью своей власти, не могли поколебать поступавшие к нему тревожные сведения из Испании о слабой поддержке кортесов населением за исключением Мадрида, "постоянного очага интриг и честолюбий" и узкого круга образованных классов[53]. Но планам Шатобриана побудить Фердинанда VII учредить конституционную монархию не суждено было сбыться. Победа французского экспедиционного корпуса над армией кортесов сопровождалась восстановлением под покровительством Священного союза феодально-абсолютистских порядков в Испании, где Фердинанд VII аннулировал все акты, изданные правительством кортесов с марта 1820 г.

По наблюдению Шатобриана, Александр I не встал во главе прогрессивных преобразований в России из-за своих личных качеств. В его глазах царь, отступив от своих прежних политических идеалов, проявил слабохарактерность: "...российский император имел сильную душу и слабый характер, из-за этой своей раздвоенности он стал ярым роялистом, а был прежде пылким либералом"[54]. Просветительские идеи Александра I в первые годы его правления и во время наполеоновских войн отвечали его душевному порыву, но они неизбежно приходили в столкновение с его званием "царя царей": "...гуманный характер царя противоречил его положению"[55]. В силу нерешительности своего характера он не смог разрешить мучившее его сомнение, "встать ли ему во главе реформ и, откликаясь на жалобную мольбу века, нести их в российские степи..."[56], поэтому он предпочел, не меняя самодержавный строй российской империи, положиться на божественный Промысел. На этом пути, по мнению Шатобриана, его поджидала неудача, поскольку, "подчинив все Божьей милости, но, не прояснив ее, он опасался вступить на ложную дорогу, покровительствовать новшествам, которые потребовали столь многих жертв, но принесли так мало счастья"[57].

Вину Александра I как государя Шатобриан видит в том, что он, несмотря на свои многочисленные политические обещания, не ограничил свою личную власть и не развил в дальнейшем свои первоначальные реформаторские планы: "...значительно расширив контакты с Западной Европой, он дал взойти росткам цивилизации, которые сам же затем погубил"[58]. Восстание декабристов Шатобриан считал следствием консервативной политики царизма, власть которого по-прежнему опиралась на штыки[59]. В итоге, с горечью замечает он, Александр I, отказавшись стать просвещенным монархом и повести свои народы шаг за шагом к прогрессу, завещал не свободу, а деспотизм: "Он был очень силен в насаждении деспотизма и столь же слаб в установлении свободы"[60].

Шатобриан, отчетливо видевший преимущества представительного правления, выносит перед судом истории суровый приговор Александру, не решившемуся положить начало конституционному развитию России в первой четверти XIX в. Однако его отображение личности российского императора не так определенно и однозначно, как суждения о его исторической роли в судьбах собственного отечества. В отличие от многих современников, старавшихся подчеркнуть главным образом негативные стороны характера Александра, его слабости и недостатки, в психологическом портрете, созданном Шатобрианом, скорее угадывается сложность натуры и внутреннего мира царя, мятущегося в поисках духовной истины. Описание религиозно-мистического настроения российского монарха, усилившегося после победы над Наполеоном, которую он воспринял как знак Всевышнего, является сквозной темой воспоминаний Шатобриана о нем[61]. Религиозные переживания царя он ставит во главу угла его личной драмы, считая, что жизнь российского монарха была наполнена мыслью об искуплении грехов[62].

Все более явный отход царя от непосредственного управления империей Шатобриан связывает с угнетенным душевным состоянием, со стремлением удалиться от мира и укрыться в полном одиночестве в Царском Селе. Он обращает внимание на часто высказываемое им желание окончить жизненный путь в безвестности: "Я умру в лесной глуши, во рву, на обочине дороги, там, где никто никогда не вспомнит обо мне"[63]. Странными и загадочными кажутся Шатобриану обстоятельства ухода Александра из жизни. Он пишет о слухах об отравлении, отмечая, что нет никаких достоверных сведений о последних днях царя в Таганроге[64].

Каких бы событий из жизни Александра как человека и государя ни касался в своих заметках о нем Шатобриан, он всегда с глубоким уважением и признательностью подчеркивал твердость российского императора в проведении внешнеполитического курса, направленного на создание после падения Наполеона нового европейского равновесия, где Франции отводилось почетное место в ряду великих держав Европы.

[1] Congrès de Vérone. Guerre d'Espagne. Négociations: Colonies espagnoles par m. de Chateaubriand. Leipzig, 1838. T. 1. Congrès de Vérone. Guerre d'Espagne. Negociations par m. de Chateaubriand. Bruxelles, 1838. T. 2. (Далее: Congrès de Vérone).

[2] *Додолев М.А.* Россия и Испания, 1808–1823: Война и революция в Испании и русско-испанские отношения. М., 1984. С. 99.

[3] *Шатобриан Ф.Р. де.* Замогильные записки. М., 1995. С. 349, 358, 389.

[4] Congrès de Vérone. T. 1. P. 82–83.

[5] Ibid. P. 99.

[6] Ibid. P. 69; Congres de Verone. T. 2. P. 2.

[7] Congrès de Vérone. T. 1. P. 130.

[8] Ibid. P. 129.

[9] Ibid. P. 130.

[10] Oeuvres complètes de M. le vicomte de Chateaubriand: 1–36 t. P., 1836. T. 10. P. XI.

[11] Congrès de Vérone. T. 1. P. 130; *Шатобриан Ф.Р. де.* Указ. соч. С. 251–252.

[12] Congrès de Vérone. T. 1. P. 135; *Шатобриан Ф.Р. де.* Указ. соч. С. 264.

[13] Oeuvres complètes de M. le vicomte de Chateaubriand: 3 vol. P., 1843. Vol. 2. P. 180.

[14] Congrès de Vèrone. T. 1. P. 131.

[15] Ibid. P. 132; Воззвание главнокомандующего действующими армиями М.И. Кутузова к государям и народам Германии. Камли, 13(25) марта 1813 г. // Внешняя политика России XIX – начала XX века: Документы российского министерства иностранных дел. Серия первая. 1801–1815 гг. М., 1970. Т. 7. С. 114. (Далее: ВПР).

[16] Congrès de Vérone. T. 1. P. 127.

[17] Ibid. P. 127–128.

[18] Oeuvres complètes... 1837. T. 29. P. 357–358.

[19] Congrès de Vérone. T. 1. P. 133; *Шатобриан Ф.Р.* де. Указ. соч. С.259. См.: *Киселева Е.В.* Александр I и реставрация Бурбонов во Франции // Россия и Европа: Дипломатия и культура. М., 1995. С. 63–78.

[20] Congrès de Vérone. T. 1. P. 132; *Шатобриан Ф.Р. де.* Указ. соч. С. 257; Обращение Александра I к мэрам Парижа. Пантен, 17(29) марта 1814 г. // ВПР. Т. 7. С. 629.

[21] *Troyat H.* Alexandre I: Le sphinx du nord. P., 1980.

[22] Congrès de Vérone. T. 1. P. 134; *Шатобриан Ф.Р. де.* Указ. соч. С. 259.

[23] Congrès de Vérone. T. 1. P. 152.

[24] Ibid. P. 137–138.

[25] *Vitrolles E.* Mémoires er relations politiques de Vitrolles. P., 1884. P. 119.

[26] Император Александр I королю Людовику XVIII, Париж, 5(17) апреля 1814 г. // Сб. имп. русс. ист. об-ва. СПб., 1901. Т. 112. С. 2. (Далее: РИО).

[27] *Шатобриан Ф.Р. де.* Указ. соч. С. 252, 346.

[28] *Шатобриан Ф.Р. де.* Указ. соч. С. 267.

[29] Congrès de Vérone. T. 1. P. 132; *Шатобриан Ф.Р. де.* Указ. соч. С. 257.

[30] Там же. С. 259, 357.

[31] Там же. С. 259.

[32] Там же.

[33] Oeuvres complètes de M. le vicomte de Chateaubriand: Vol. 1–3. P., 1843. Vol. 2. P. 180.

[34] Ibid.

[35] *Шатобриан Ф.Р. де.* Указ. соч. С. 258.

[36] Там же. С. 260.

[37] Там же. С. 271.
[38] Там же. С. 257.
[39] Император России – герцогу Ришелье. СПб., 29 апреля 1816 г. // РИО. Т. 54. С. 473.
[40] Там же.
[41] Нессельроде – Меттерниху, 16(28) марта 1819 г. // ВПР. Т. 3. С. 741.
[42] Император России – герцогу Ришелье. СПб., 25 января 1819 г. // РИО. Т. 54. С. 530–531.
[43] Доклад статс-секретаря И.А. Каподистрии Александру I, Париж, 15(27) июля 1819 г. // ВПР. Т. 3. С. 67.
[44] Congrès de Vérone. T. 1. P. 152.
[45] Ibid. P. 154.
[46] Ibid. P. 158.
[47] Ibid. P. 155.
[48] Ibid. P. 154.
[49] *Пожарская С.П.* Россия и Испания в годы наполеоновских войн (1808–1812 гг.). См. настоящ. изд. С. 63–75.
[50] *Додолев М.А.* Указ. соч. С. 81.
[51] Congrès de Vérone. T. 2. P. 6–7.
[52] Ibid. P. 13, 72.
[53] Ibid. P. 13.
[54] Ibid. P. 79.
[55] Ibid. P. 154.
[56] Ibid. P. 149.
[57] Ibid.
[58] Ibid. P. 151.
[59] Oeuvres complètes... 1843. Vol. 2. P. 674. *Орлик О.В.* Передовая Россия и революционная Франция. М., 1973. С. 101–102.
[60] Congrès de Vérone. T. 1. P. 151.
[61] Ibid. P.133, 135, 145–148; Oeuvres complètes... 1837. T. 29. P. 358; *Шатобриан Ф.Р. де.* Указ. соч. С. 259, 363.
[62] Congrès de Vérone. T. 1. P. 148.
[63] Ibid. P. 150
[64] Ibid.

ЖЕНЕВСКИЙ ПОРТРЕТ ЛЮБИМОЙ ЖЕНЫ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

И.И. Сиволап

В среду 30 октября 1867 г. в Женеве в маленькой семье писателя Федора Достоевского (его семья пока состоит из него самого и его молодой двадцатилетней жены Анны Григорьевны, которая ждет их первенца) случилось радостное событие – они получили письмо от врача, военно-медицинского инспектора Московского военного округа С.Д. Яновского. Он был приятелем Достоевского, и поэтому несколько дней назад Федор Михайлович обратился к нему с просьбой – одолжить 50 или 75 рублей. Но Яновский был так любезен, что ответил сразу и в письме написал: “Деньги отдадите по возвращении: дай Бог, чтобы они вас хоть немного успокоили – по-

сылаю 100 руб."[1] Радовались они этим деньгам несказанно, так как были совсем без гроша и не знали, что же будет завтра. Они уже полгода живут за границей и, хотя Федор Михайлович работает, дохода не имели пока никакого. Все более-менее ценные вещи уже заложены и жить не на что. Анна Григорьевна записала тогда в своем стенографическом дневнике, что положение "хоть умирай"[2]. И вдруг такая посылка... Сразу же пошли к банкиру Paravin, где обыкновенно меняли рубли на франки. Правда, они рассчитывали за 100 рублей получить 339 франков, но, к сожалению, получили 334 (понизился курс!). Для них потеря даже 2-х франков была весьма ощутима... Тут же расплатились с квартирными хозяйками-старушками, подарив им еще 5 франков. Купили за 1 франк в честь получения денег пирог, которым их же и угостили. В этот же день стали подкупать кое-что из одежды, так как наступали холода, шли дожди: Анне Григорьевне теплую шаль, а Федору Михайловичу заказали сапоги (старые совсем износились).

А вот на следующий день, как пишет в дневнике Анна Григорьевна, обрадованная получением денег, она тайно от мужа воплотила свою мечту: "...я решилась, – пишет она тогда же, – непременно... сняться, чтобы послать маме мою карточку; зашла я для этого в лучшую здешнюю фотографию и просила снять теперь же. Взяли за полдюжины 6 франков. Это по здешнему довольно дорого"[3]. Но Анна Григорьевна денег не пожалела...

В Государственном литературном музее хранятся три фотографии с пометками Анны Григорьевны. На одной из них на обороте написано ее рукой: "В начале 1868 г. незадолго до рождения дочери Софии". Дата оказалась ошибочной, так как писалась позже по памяти. Действительно, это незадолго до рождения дочери, но, как сегодня подтверждает ее стенографический дневник, опубликованный полностью недавно, случилось это осенью 1867 г. Второй экземпляр фотографии дает на обороте точную дату: "1867, в Женеве". На всех трех портретах на обороте напечатан типографским способом и адрес фотоателье: "Charles Richard. Photographe breveté. 31, rue du Rhône Maison du Café du Nord au 4e. Genève". Более мелким шрифтом: "Portraits de toutes dimensions. Portraits grandeur nature. Vaste local pour Groupes. Reproductions. Amplifications. Cartes de visite en tous genres. Cartes Médaillon à 6 fr.[es] la douzaine". И снова довольно крупно: "2 salons de pose"[4].

Фотоателье Ш. Ришара действительно в те годы считалось лучшим, об этом вполне возможно сказали ей квартирные хозяйки, а может быть, давний женевский житель Н.П. Огарев, с которым Достоевские встречались, чаще на прогулках (кстати, в собрании музея Герцена в Москве хранится переснятый портрет декабриста А.Л. Кожевникова, сделанный у Шарля Ришара в 1857 г.). Уже тогда в Женеве трудился ставший вскоре знаменитым основоположник династии фотографов, всемирно известный А.-А. Буассона́, но он только в 1864 г. начал работать и известным пока еще не стал.

По стенографической записи, сделанной в этот же вечер, мы теперь знаем, как происходила съемка. Пока готовили громоздкую аппаратуру, любознательная молодая женщина подошла к окну и залюбовалась открывшимся ей видом города. "Вид с пятого этажа из фотографии, – записала она, – удивительный на реку и на все озеро, мост и люди кажутся удивительно маленькими, просто куколками"[5]. Жаль, что сейчас нет старого дома № 31 по рю дю Рон, его снесли и на его месте новый, большой и красивый дом. Сохранился дом № 29 и рядом недалеко дом знаменитых часовщиков фирмы Патек-Филипп, видимо, и дом № 31 выглядел так же. А чудесный вид из окна нового дома тот же – и река, и озеро, и люди-куколки, все как 130 лет назад, – восхищает.

Тогда, в середине XIX в., к портрету–фотографии тщательно готовились, выбирали костюм, прическу, украшения и даже выражение лица. Ничего этого не случилось у Ришара. Анна Григорьевна пришла в каждодневном виде (да и не было у нее особого наряда). "Я была в моей обыкновенной шерстяной кофте с волосами, зачесанными кверху, не знаю, – продолжает она писать в дневнике, – каков-то будет портрет, я думаю неудачный, хотя фотограф меня и уверял, что портрет удивительно как удался"[6]. Разумеется, маэстро Ришар, истинный художник, обрадовался такой "естественной" модели. Отдала она за карточки 6 фр. и просила приготовить их к субботе, чтобы отослать маме; фотограф пообещал.

В субботу 2 ноября фотографии в ателье долго искали, и, наконец они были вручены Анне Григорьевне в длинном черном конверте. Дама. которая их выдавала, "заметила, что портреты ужасно как похожи, хотя мне самой они не очень понравились", – записывает она и пишет почему: "Я здесь очень худа, лицо страшно длинное; под глазами темно, лицо темное, и горло толстое и воротник ужасно как дурно сидит. Но, вероятно, я такая уж и есть"[7]. Хотя сейчас, разглядывая фотографию, со всем этим трудно согласиться – на нас смотрит милая, восторженная, искренняя молодая женщина.

Однако Анна Григорьевна, горя нетерпением, в тот же день показала портрет мужу. Но момент был выбран неудачно. Обеспокоенный ее долгим отсутствием, он ходил искать ее по городу, боясь, что с ней случилось несчастье. Потом он, уже изнервничавшийся, начал топить "непослушную" печку; дрова, как всегда, не горели, он сердился. И вдруг ему показывают портрет. «Я ...спросила, похож ли, он меня спросил: "Кто это?" Вот доказательство, что я решительно непохожа. И когда я сказала, что это я, то он отвечал, что тут решительно нет ни малейшего сходства, и что если такие бывают жены, то ему такой жены вовсе не нужно. Потом посм[еивался], что глаза у меня ужасно страшные, и что это глаза решительно рака. Потом спросил, сколько я сделала, я отвечала, что сделала 2 карточки, одну для мамы, а другую для себя. "А для меня-то не могла сделать, хотя бы одну для меня?" Я отвечала, что знала, что будет

Рис. 9. Портрет А.Г. Достоевской

портрет нехороший, а что если он хочет, то пусть возьмет себе этот. “Ну, хорошо”, – сказал он, – и тотчас отнес и положил его в свою тетрадь, в которой он теперь постоянно записывает»[8].

Мы так подробно приводим слова Анны Григорьевны, потому что это не воспоминания, написанные через много лет (хотя это очень ценно), а это “живая” запись стенографией того же дня. Да и оценка такая естественная – так и видишь, как это происходило. “В тот же вечер, – замечает Анна Григорьевна, – когда Федя пришел прощаться, то сказал, что портрет мой он рассмотрел и нашел, что он похож, но что все-таки глаза у меня точно как у рака”[9].

На следующий день Федор Михайлович, как снова пишет жена, “несколько раз смотрел на мой портрет, когда принимался писать (это мне очень лестно), и сказал, что я очень похожа, но всетаки глаза нехороши; упрекал меня, зачем я получше не оделась, а в простой кофте, говорил, что у меня очень хорошее, доброе

выражение, такая по обыкновению встрепанная, как и всегда"[10]. Вот так писатель признал портрет и полюбил.

На следующий день он снова заговорил о портрете: «"А, ты смеешься, – заметила жена, – так отдай мне его назад", тогда он отвечал, что не отдаст мне его ни за что на свете (меня это очень порадовало), потом как-то сказал, что я похожа на портрете, и что он потому это напоминает, что уж портрет чрезвычайно хорош, что он все на него глядит и находит, что я ужасно как похожа»[11].

Одну из фотографий Анна Григорьевна, как и намеревалась, отослала в Санкт-Петербург матери. Там фотография очень понравилась, и мать, которая очень скучала и беспокоилась о дочери, по ее словам, убедилась, что дочь не подурнела, но "даже очень поправилась и даже похорошела"[12].

С портретом жены Достоевский не расставался, он так и находился в его тетради, где тогда записывался текст романа "Идиот". Значит не зря Анна Григорьевна Достоевская не пожалела денег и пошла к лучшему тогда женевскому фотографу. И сегодня, когда минуло столько лет, мы с интересом его рассматриваем и согласны, что Шарль Ришар был действительно прекрасным художником-портретистом. Он "поймал" точное выражение души этой удивительной женщины, которая уже тогда принесла и еще принесет писателю на склоне его горькой жизни счастье и радость семьи. Она предоставит ему возможность отдать все силы своего писательского таланта литературе.

Осенью 1867 г. она еще не знает, что ждет ее радость рождения дочери, счастье трех месяцев ее жизни, а потом страшное и незабываемое горе – смерть крошки от простуды, безмерное отчаяние Федора Михайловича. С Достоевским она проживет 14 трудных, но необычайно счастливых лет. Она будет первым читателем его последних произведений, и с ее мнением Достоевский будет очень считаться. А после его смерти, каждый день, каждая минута будут полны думами о нем, кто был "солнцем ее жизни". Она первая из жен русских писателей начнет собирать архив мужа и создаст музей его памяти, и, следуя ее примеру, так же поступит Софья Андреевна Толстая в Ясной Поляне.

А тогда в Женеве, несмотря на болезнь мужа, на тяготы быта – она счастлива. Это видно на фотографии Шарля Ришара...

Жаль, конечно, что дом, где находилось ателье, не сохранился, потому что где-нибудь на чердаке возможно было бы найти много интересного. Ведь в те "золотые времена" фотографического искусства негативы-пластины не уничтожались, а долго хранились у фотографа – об этом часто уведомляли заказчиков на обратной стороне портрета. И вполне возможно (хотя сейчас все труднее в это поверить, поскольку нет дома!), что этот негатив лежит где-то в ожидании историка, – ведь, вероятно, есть и разные ракурсы, и его варианты, хотя художник Шарль Ришар предпочел именно этот...

[1] *Достоевская А.Г.* Дневник 1867 года. М., 1993. С. 443.
[2] Там же. С. 337.
[3] Там же. С. 341.
[4] "Шарль Ришар. Дипломированный фотограф, 31, улица Роны. Дом Кафе дю Нор на 4 этаже. Женева".
"Портреты всех размеров. Портреты в натуральную величину. Большие групповые портреты. Пересъемка. Увеличение. Визитки всех видов. Овальные фотографии по 6 фр. за дюжину".
"Два салона для фотографирования".
[5] Там же. С. 341.
[6] Там же.
[7] Там же. С. 346.
[8] Там же.
[9] Там же. С. 347.
[10] Там же.
[11] Там же.
[12] Там же. С. 348.

ТРИ НОВЫХ ПАМЯТНИКА РУССКО-ШВЕЙЦАРСКИХ ДРУЖЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ, ОТКРЫТЫХ В 1999 г.

И.И. Сиволап

1999 год оказался плодотворным по части юбилейных дат – это и 300 лет со дня смерти любимца Петра I женевца Франсуа Лефорта, и 200 лет суворовскому переходу через Альпы, и 100 лет со дня рождения Владимира Набокова. К счастью, все эти события были увековечены памятниками и в Швейцарии, и в России.

* * *

Прошло 100 лет со дня открытия памятника на Чертовом мосту... и в 1999 г. на Сен-Готарде был воздвигнут памятник великому русскому полководцу А.В. Суворову. Проведя более 60 сражений, он не проиграл ни одного. Армия его боготворила: скромный в быту, ласковый к солдатам, он был строг к мародерам, дезертирам и предателям. Швейцарцы также прониклись уважением к Суворову и встречали русскую армию как освободительницу от оккупантов-французов.

Памятник, выполненный скульптором Дмитрием Тугариновым, представляет Суворова на лошади, которую под уздцы ведет верный швейцарский проводник Антонио Гамба. Этот исторический персонаж, проведший 20 тыс. русских по непроходимым тропам, олицетворяет швейцарский народ, помогавший русской армии. На постройку памятника, по инициативе барона Э. Фальц-Фейна, и на тор-

Рис. 10. Памятник русским солдатам в скале у Чертова Моста

жественное празднование юбилея 24–26 сентября 1999 г. правительство Швейцарии выделило большие деньги. Открытие памятника "Суворов и его проводник" прошло торжественно и незабываемо...

* * *

25 сентября 1999 г. в Москве под звуки военных оркестров и марш войсковых частей, одетых в мундиры XVIII в., был открыт памятник Петру I и его любимцу Ф. Лефорту. Это было в Лефортове – одном из красивейших районов Москвы.

Царь Петр I ценил Франца Лефорта – храбреца на поле битвы и в морских сражениях, дипломата, личного и преданного друга, заслужившего звание генерала и адмирала. Его любовь к русскому государству давала право советовать государю, как улучшить регулярную армию и

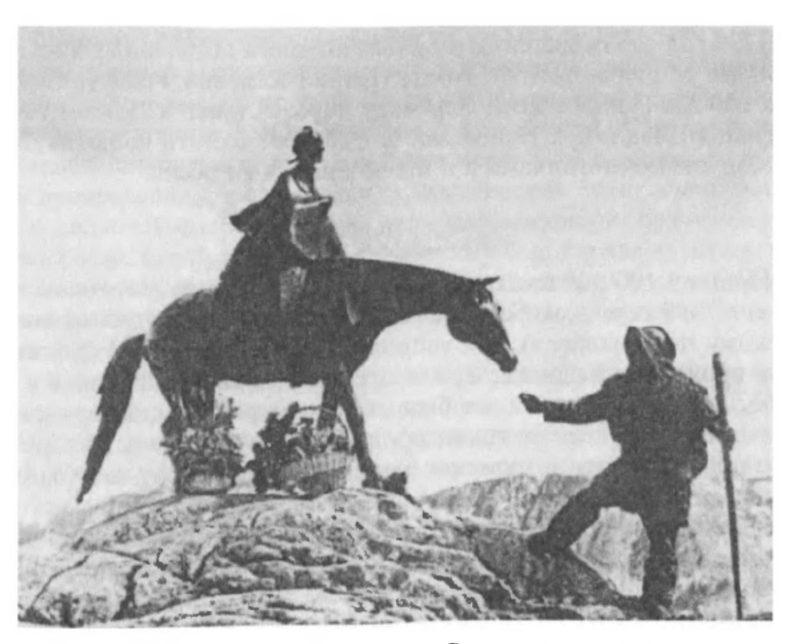

Рис. 11. Памятник на горе Сен-Готард А.В. Суворову верхом на лошади, которую ведет швейцарский проводник Антонио Гамба

Рис. 12. Памятник в Лефортове (Москва) – царь Петр I и Ф. Лефорт

создать флот. Ф. Лефорт был главой Великого посольства 1697 г. в Европу; в этом Посольстве инкогнито участвовал и сам царь. Возвратившись в Москву, царь и Лефорт вместе начинают проводить глубокие реформы. Однако в 1699 г. Лефорт умирает. Сраженный горем царь сам хоронит любимца и высекает на мраморной плите слова благодарности.

И вот теперь, через 300 лет, в районе Лефортова поставлен памятник, выполненный скульпторами В. и Д. Суровцевыми, и В. Суровцевой: отлитые в бронзе Петр I и Франц Лефорт снова идут рядом, как в прежние времена...

* * *

Еще в далекие 20-е годы, будучи бедным эмигрантом, молодой Набоков посетил Швейцарию. Он навестил тогда в Лозанне свою старенькую гувернантку, которая в годы его детства в России много рассказывала об этой стране, показывала простенькие открытки гор и озер. Побывав у старушки и подарив ей слуховой аппарат, купленный на одолженные деньги, он вышел на берег озера Леман и залюбовался его вечерним видом.

Прошло много лет и семья Набоковых выбрала в 1961 г. местом своей жизни отель "Монтрё-Палас", где они прожили до 1977 г. – года смерти писателя. Они поселились в просторном номере на шестом этаже крыла "Лебедь", где с кресла у окна и балкона открывался вид на снежные вершины Альп. Снег рядом напоминал далекую, но так трепетно любимую писателем Россию, куда он не имел возможность вернуться.

В связи со 100-летием со дня его рождения 23 апреля 1999 г. в холле "Монтрё-Палас" был открыт памятник Набокову скульптора А. Рукавишникова: умное строгое лицо в очках, зоркие глаза. Он одет до пояса в гражданский костюм, а от пояса – в спортивный, ведь он был известен как энтомолог, и в таком костюме охотился за бабочками. Говорят, что скоро памятник поместят либо в саду отеля, либо на набережной перед ним...

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ им. И.С. ТУРГЕНЕВА В ПАРИЖЕ (публикация документов)

Е.М. Макаренкова

Вопреки компетентному мнению современного французского историка П. Нора о мании юбилеев и праздников, все дальше уводящей европейское сообщество от реальных событий[1], 125-я годовщина со дня основания Тургеневской библиотеки в Париже стала настоящим торжеством, заметной вехой в изучении духовного развития русской эмиграции.

Библиотеки и в целом книжное дело всегда были приоритетной чертой русской культуры, и не только дворянской. Об этой традиции много писал академик Д.С. Лихачев. Так и сегодня в России, переживающей нелегкие времена, трудно отыскать дом без книжных стеллажей или отдаленный населенный пункт, лишенный библиотеки.

Гостеприимный Париж, 125 лет тому назад ставший для многих выходцев из России второй родиной, дал жизнь светлому очагу культуры, вокруг которого группировалась русская колония.

Русская библиотека на rue de Valence, 11 не случайно носит имя великого писателя И.С. Тургенева, символа русской культуры во Франции. На протяжении более 100 лет она, как бы продолжая дело жизни ее основателя, играла роль просветительского центра, являясь русским людям опорой для поддержания духовной связи с родиной.

Создание и деятельность библиотеки, включая подвижничество персонала и судьбу ее книг, гуляющих по всему миру, но иногда возвращающихся в свой родной дом, – все это делает ее достойной современного исторического исследования. Скромным началом в этом направлении может служить нижеследующая публикация документов из Российского Государственного Архива литературы и искусства (РГАЛИ), относящихся к 1913–1914 гг. Эти материалы приоткрывают нам еще одну страницу из жизни русской эмиграции начала XX в., тесно переплетающуюся с трудными буднями Тургеневской библиотеки в Париже. Переписка Административного Совета и секретариата библиотеки с выдающимися деятелями русской культуры В.Э. Мейерхольдом[2], А.М. Калмыковой[3], С.П. Бобровым[4], обращение к меценатам и попечительским организациям передают атмосферу поиска и трепетного чувства любви ее сотрудников к собиранию книг, их неустанное стремление снабдить читателей библиотеки недоступной им русской литературой, найти новые издания для организации детского фонда.

Любопытные цифры приводит, в частности, секретарь библиотеки Н.А. Золотарев[5] в письме к А.М. Калмыковой от апреля 1912 г., из которых явствует, что еще задолго до массового исхода из России, связанного с войной, революцией и большевистской властью, в одном только Париже уже насчитывалось пять тысяч русских детей, родители которых стремились дать им патриотическое воспитание.

Эта информация наводит на мысль о том, что феномен русской эмиграции продолжает оставаться до некоторой степени загадкой для наших современников, несмотря на поток монографий, посвященных истории русского Зарубежья, вышедших в последнее время в России и на Западе[6].

С учетом данных, приводимых Н.А. Золотаревым в письме к А.М. Калмыковой, следовало бы пересмотреть периодизацию "волн" русской эмиграции, начальный этап которой принято связывать с 1917–1922 гг.

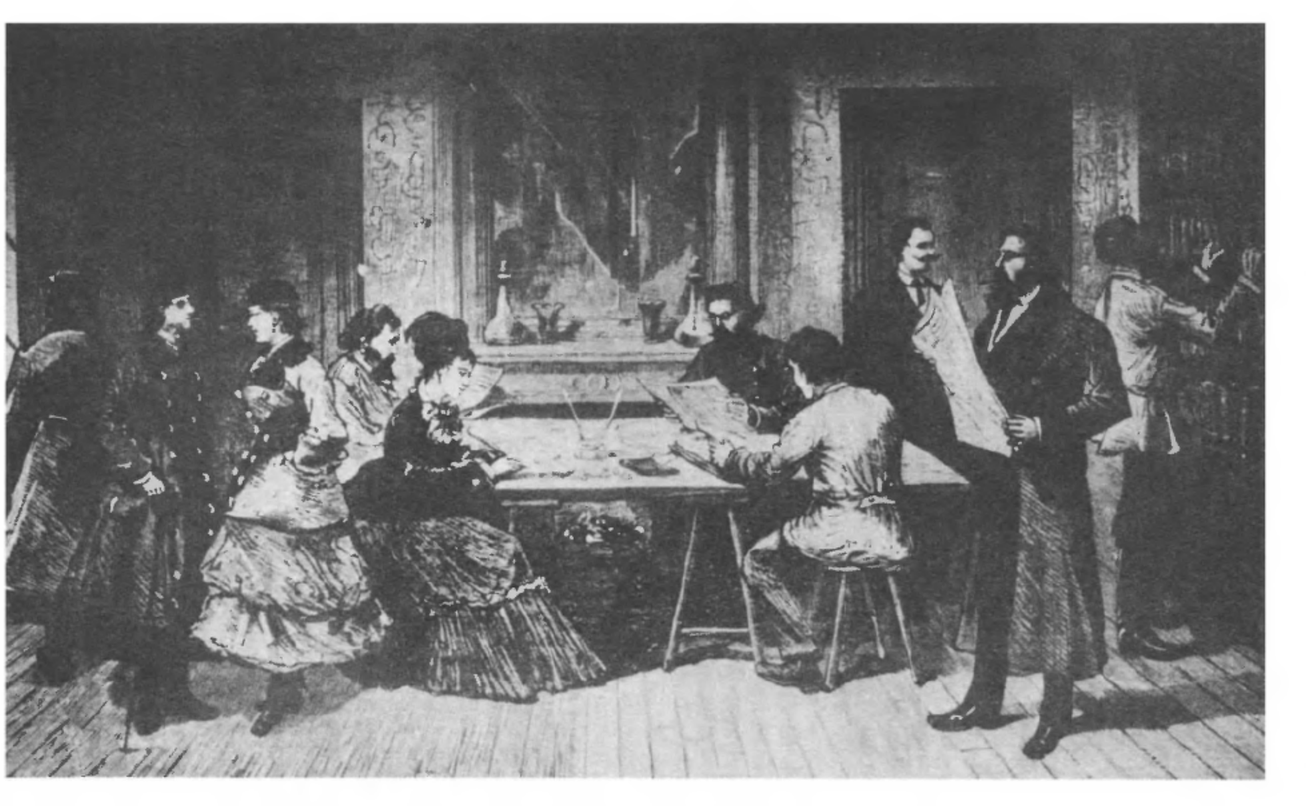

Рис. 13. Посещение библиотеки им. И.С. Тургенева в Париже

Являясь маленьким светочем русской колонии, Тургеневская библиотека в Париже полностью отдавала себя благородному гуманитарному делу. Ей всегда были чужды политические тенденции и страсти, раздирающие эмигрантскую среду. Однако, вопреки ее уставу, она все же оставалась небольшим островком в сфере культурных отношений России и Франции. Сложные дипломатические перипетии и временные охлаждения между нашими странами как бы обходили ее стороной. Она и сейчас сближает две культуры и являет собой институт русско-французской дружбы. В последнее время библиотека находится в надежных руках Е.В. Мякотиной-Каплан, дочери известного русского историка В.А. Мякотина[7], и это – залог ее будущего процветания.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Bibliothèque Russe — Paris, le avril 1912
I.S. Tourgueneff
Русская
Тургеневская библиотека
в Париже
328, rue St Jacques 328
Открыта:
по понед., сред. и пятницам отъ 7–8
по втор., четвер. и суб. отъ 5–7

Милостивая Государыня,
Александра Михайловна,

Правление Тургеневской библиотеки приносит Вам свою глубокую благодарность за оказываемое содействие в деле создания для русских детей, живущих в Париже, – число их доходит до пяти тысяч, – специальной детской библиотеки на русском языке.

Задаваясь такой задачей, Правление предполагало обратиться с просьбою о пожертвовании детских книг к частным лицам, живущим в Петербурге, к просветительным учреждениям и к редакциям детских журналов.

Между прочим Правление имело в виду обратиться к следующим обществам: к Лиге Образования, к СПБ. Педагогическому О-ву взаимной помощи, Комиссии по техническому образованию при И.Р.Т.О-ву, – при Педагогическом Музее военно-учебных заведений, О-ву Экспериментальной педагогики, О-ву содействия физическому образованию, Фребелевскому О-ву[8] для содействия первоначальному воспитанию, СПБ. О-ву народных университетов, СПБ. Родительскому кружку и к Вольно-Экономическому О-ву.

До настоящего времени Правление обратилось в С.Петербург к одной гр. Паниной и получило обещание помощи книгами от “Общественной Пользы”.

Не зная, является ли подобное обращение желательным, Тургеневская библиотека не решается приступить к рассылке его, не выяснив предварительно Вашего на этот предмет взгляда.

Ввиду этого, Правление библиотеки покорнейше просит Вас, Милостивая Государыня, не отказать в своем указании желательно ли подобное обращение или нет, и если желательно, то может ли Правление указать в этих обращениях Ваш адрес, как пункт, куда должны притекать в Петербург все пожертвования для детской библиотеки.

Также весьма ценно было бы Ваше указание на существующий лучший каталог детских книг с подразделениями по возрастам, в каковом будет ощущаться большая нужда у руководителей детской библиотекой.

Примите уверения в совершенном уважении

Председатель Правления *Др. Л. Шейнис*[9]
Секретарь *Н. Золотарев*
Заведующий Детским Отделом *А. Петрова*[10]

* * *

ТУРГЕНЕВСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

9 Rue du Val-de-Grâce – PARIS

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич!

Библиотека с большим удовольствием получала Ваш журнал "Любовь к трем апельсинам", и мы можем только горячо просить Вас об его высылке. Позвольте уж злоупотребить Вашей любезностью, сказав, что мы с глубокой благодарностью встретили пожертвование Вами Ваших книг и изданий. Иначе ведь нам нужно их выписывать.

Я постарался навести справки относительно И.Л. Рубинштейн[11], и мне сказали, что в конце мая она выехала из Парижа. Настоящий ея адрес, говорят, Venezia, Hotel Danieli, Италия.

С совершенным уважением
Секретарь Правления Библиотеки
Н. Золотарев

12/25 июня 1914
Париж

* * *

Hôtel D'Jena
Paris (16me)

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич!

Я очень извиняюсь за беспокойство. Но нам необходимо было известить Вас, что, судя по собранным данным, наш концерт в пользу Тургеневской Общественной библиотеки – намечается на воскресенье 29-го июня в 9 час. вечера. Из письма Вашего секретаря мы были осведомлены, что Вы заняты до 29-го июня. Продолжаем надеяться, что, несмотря на это, Вы не откажете нам своим участием,

столь ожидаемым Вашими поклонниками и интересующимися Вашим творчеством.

Вместе с тем мы очень просили бы Вас сообщить Вашу программу, так как необходимо уже приступить к печатанию.

Просим программу оставить в бюро или доверьте любезнейше послать письмом в библиотеку. Просим указать, в каком отделении Вы бы желали выступать.

С искренним уважением
Н. Золотарев

* * *

Париж. Библиотека-Читальня. Bibliothèque Russe – 63, Av. des Gobelins, Paris

Милостивый Государь![12]

Комитет нашей Биб.-Чит., обслуживающей главным образом студенческую часть русской колонии в Париже и располагающей крайне стесненными средствами, обращается к Вам с просьбой не отказать нам в 1914 году в бесплатной присылке Вашего периодического издания, представляющего значительный интерес для многих наших читателей.

С почтением
Секретарь Библиотеки

---

[1] *Nora P.* Les lieux de mémoires. P.: Gallimard, 1984.

[2] Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940) – режиссер, актер, педагог, реформатор театра, народный артист РСФСР (1923).

[3] Калмыкова Александра Михайловна (1849–1926) – учительница, участница народовольческого движения в России, содержала книжный склад в Петербурге.

[4] Бобров Сергей Павлович (1889–1971) – русский писатель, организатор футуристической группы "Центрифуга", в 20–30-е годы директор книгоиздательства "Лирика" в Москве.

[5] Золотарев Николай Алексеевич (?– 1914) – эмигрант, деятельный член Правления Тургеневской библиотеки, волонтер; убит в начале военных действий в 1914 г.

[6] *Назаров М.* Миссия русской эмиграции // Родник. М., 1996; *Хитрова Е.В.* Культурная адаптация русских эмигрантов во Франции в 20–30-е годы (по материалам мемуарных источников) // Россия и Франция: XVIII–XX вв. М.: Наука, 1998. Вып. 2. С. 217–233; *Raeff M.* Russia abroad. N.Y., 1990; *Struve N.* Soixante-dix ans d'émigration russe. Flammarion. P., 1977.

[7] Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937) – русский историк, публицист, политический деятель, с 1922 г. в эмиграции, член совета Русского заграничного исторического архива.

[8] Общества деятелей дошкольного воспитания, ставившие своей целью распространение системы немецкого педагога Ф. Фребеля. Получили распространение в России в 70-е годы XIX в.

[9] *Шейнис Лев Исаевич* (1871–1924) – доктор медицины, председатель Правления Тургеневской библиотеки с 1900 по 1924 г.

[10] *Петрова А.* – секретарь библиотеки в 20-е годы.

[11] Рубинштейн Ида Львовна (1885–1960) – артистка балета, участница Дягилевских сезонов в Париже в 20-е годы.

[12] Фотокопия с почтовой открытки на имя С.П. Боброва.

Часть IV

К 170-ЛЕТИЮ БЕЛЬГИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

РОССИЯ И БЕЛЬГИЯ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР

А.С. Намазова

В трудах Альберта Захаровича Манфреда освещена почти вся французская история нового и новейшего времени, от "старого порядка", через революцию 1789 года, конец XIX в. и вплоть до 80-х годов XX в. Однако все, кто близко знал Альберта Захаровича, помнят, что его любимой темой была Великая французская революция. Яркие живые образы героев французской истории, созданные талантливым пером блестящего ученого, вошли в золотой фонд отечественной исторической науки. Второй излюбленной темой А.З. Манфреда была проблема русско-французских дипломатических и культурных связей, взаимовлияние культур.

Мне посчастливилось быть ученицей Альберта Захаровича, именно он предложил мне заниматься историей Бельгии, совершенно не изученной в нашей стране. С тех пор прошло более 30 лет, появились книги, статьи, главы в школьных и вузовских учебниках, теперь есть и студенты, и аспиранты, занимающиеся различными проблемами истории Бельгии. Я всегда храню чувство глубокой благодарности и признательности дорогому учителю, определившему мой выбор в науке, которому я следую до сих пор. Быть может, эту статью Альберт Захарович прочитал бы с интересом.

* * *

В последние десятилетия в России заметно усилился интерес к истории стран Западной Европы. В конце XX столетия, может быть как никогда ранее, ощущается такое единство Европы, которое базируется на культурной идентичности, на общих экономических интересах, на демократических традициях и ценностях, на общей ответственности за судьбы Европы, за ее безопасность и будущее. И в этом сложном и противоречивом процессе Россия также ищет свое место и свою роль. Мы обращаем все большее внимание на исторические связи России с Европой, на необходимость использования исторического европейского опыта для развития и упрочения российской демократии.

В общей системе и структуре европейских связей важное место принадлежит взаимоотношениям различных европейских стран и народов. В этом контексте история русско-бельгийских отношений вызывает большой интерес со стороны обоих государств. Мы обращаем особое внимание на истоки экономических и культурных связей, на роль Петра I, давшего важный импульс этим отношениям. Отдельная большая тема – история дипломатических, экономических и культурных отношений между Бельгией и Россией. Особое значение имеет изучение стереотипов, которые устойчиво укоренились в сознании обоих народов. Что влияет на эти стереотипы, как позитивные, так и негативные? Несомненно, на них влияет историческая память. Применительно к русско-бельгийским отношениям было бы важно и интересно проследить эволюцию представлений на разных исторических этапах и выявить факторы, способствующие формированию позитивных взаимных представлений.

Начало русско-бельгийских отношений уходит своими корнями в эпоху средневековья, к XIII в., когда фламандец Виллем ван Рюисбрук совершил дальнее путешествие в Татарию и встречался там с сыном Чингисхана. Бельгийские города Брюгге, Ипр, Гент, Оденард и другие вели активную торговлю с русскими купцами. Из Бельгии ввозили в основном сукно, а Россия вывозила меха, пеньку, воск, лен и другие товары.

Особые отношения связывали Россию и бельгийские земли в эпоху Петра I. Всем известно, что Петр I в 1697 г. отправился в большое путешествие на Запад, который ему хотелось повидать собственными глазами. Выбор его пал на Голландию, где он собственноручно строил корабли в Заандаме и Амстердаме. Но мало кому известно, что спустя 20 лет, в 1717 г., во время своего второго путешествия в Западную Европу, Петр посетил и земли будущей Бельгии, находившиеся в то время под властью Австрии и называвшиеся Австрийскими Нидерландами.

24 января 1716 г. Петр I покинул Петербург, отправившись в начале в Данциг, затем в Мекленбург и Росток, после чего 6 июля прибыл в Копенгаген. Задержавшись на три с половиной месяца в Копенгагене, русский царь решил направиться в Голландию, где посетил Девентер, Амерсфорт, Утрехт, Амстердам, Заандам, Гаагу, Лейден, Роттердам, Бреду, Флиссинген и Мидделбург. В конце декабря он заболел и поправился лишь к 13 января 1717 г. А в этот день, в немецком городе Везеле, близ голландской границы, супруга Петра I Екатерина родила сына, Павла Петровича, но уже на следующий день он умер[1]. Петр оставил жену в Голландии, надеясь, что легче избежит всех тягот протокола, если будет путешествовать один. Он и на этот раз путешествовал инкогнито, но не имел ничего против, если по пути его следования гудели бы деревенские колокола и палили городские пушки.

Из Роттердама он приплыл по реке Шельде в Антверпен. В воскресенье 11 апреля 1717 г. между 3 и 4 часами дня яхта Петра пришвартовалась у городской цитадели. Из-за большого скопления народа на пристани царь предпочел подождать с высадкой до семи часов вечера, чтобы сойти на берег незамеченным. На берегу его приветствовали герцог Гольштейнский и князь фон Турн-унд-Таксис (официальные представители австрийских властей в Южных Нидерландах). Они и проводили Петра в аббатство св. Михаила (до настоящего времени не сохранилось), где до него уже останавливались различные высокопоставленные особы. На следующий день он посетил церковь кармелиток, биржу и частное собрание картин, а также церковь и библиотеку иезуитов. 13 апреля он осмотрел цитадель (также не сохранилась) и поднялся на башню готического собора Антверпенской богоматери – самого большого собора в Бельгии, высота его единственной башни-колокольни 123 м. Судя по имеющимся свидетельствам, в Антверпене Петр со свитой в 60 человек за полтора дня осушил 269 бутылок вина.

В тот же день, 13 апреля, после обеда русские гости на той же голландской яхте отправились в Брюссель. Еще за километр до города его жители столпились вдоль канала, чтобы поскорее увидеть царя. Комнаты для него были приготовлены в нескольких дворцах, но сам он предпочел остановиться в здании, где жил после отречения в 1555 г. германский император, король Испании Карл V. Этот дом, снесенный в 1778 г., находился в герцогском парке (ныне Брюссельский парк между зданием парламента и Королевским дворцом) более или менее изолированно, и это особенно привлекало Петра. Ужинал высокий гость с фельдмаршалом графом де Мерод-Вестерлоо. Встретившись затем еще несколько раз с царем в Брюсселе, граф воспроизвел в своих мемуарах их разговор о заслугах скончавшегося за два года до этого короля Людовика XIV. Петр будто бы сказал: "Это был великий государь, но он получил воспитание, подобающее его величию, и родился властителем просвещенного народа. Я же вырос в невежестве, не получил воспитания, и принял свой народ темным. Но из медведей, какими они были, я сделал людей"[2].

16 апреля царь посетил церковь святой Гудулы. В тот же день городской муниципалитет организовал в честь высокого гостя праздник. Погода стояла хорошая, и торжества устроили в том же парке герцогов Брабантских. Деревья были украшены гирляндами, играла музыка. В память об этом замечательном событии городские власти позднее украсили фонтан латинской надписью: "Петр Алексеевич, царь и великий князь Московский, сидя на краю этого источника, воду его облагородил возлиянием вина, в третьем часу пополудни 16 апреля 1717 г."[3] После недавней реставрации надпись эта исчезла. Неподалеку от фонтана, в глубоком овраге, где еще в 1830 г. укрывались голландские солдаты в попытке подавить Бельгийскую революцию, спрятался в кустах бюст Петра, созданный князем Демидовым в 1845 г. (этот бюст можно увидеть и сегодня).

Вечером царь с вельможами из его свиты ужинал во дворце губернатора Австрийских Нидерландов принца Евгения Савойского. Принимал гостей наместник губернатора маркиз де Прие, так как сам принц, лучший полководец Австрии, был занят третьей войной с турками (1716–1718 гг.) Отношения Петра с императором Карлом VI в Вене были тогда осложнены тем, что царевич Алексей Петрович бежал к сестре своей покойной жены императрице Елизавете Австрийской и с разрешения "цесаря" прятался до мая 1717 г. в тирольском замке Эренберг. В те дни, когда русский государь пировал в Брюсселе, спор из-за царевича был как раз в самом разгаре. Однако, надеясь на посредничество Карла VI в конфликте России со Швецией Петр держался дипломатично, и на торжественном ужине выпил за здоровье императора, за скорое и благополучное разрешение от бремени императрицы, и за успехи принца Евгения в войне с турками. Сам же он не раскрывал своих политических карт, утверждая, что целью его поездки во Францию было посещение новых шлюзов около Дюнкерка.

На следующий день 17 апреля царь осматривал во дворце князей фон Турн-унд-Таксис ценнейшее собрание картин, миниатюр, предметов из агата, янтаря, слоновой кости и эмали. Все в том же герцогском парке он сам помогал устроить фейерверк в свою честь. Князь фон Турн-унд-Таксис, предупреждая муниципальные власти Гента о предстоящем визите в их город высокого гостя, писал: "Царь ездит с места на место, чтобы осмотреть то, что здесь есть. Он слышал от своих людей, где ему надо побывать. Он очень переменчив и мало заботится о приличиях, может отобедать в полчаса, пьет немного, но ко всему проявляет интерес. Он говорит по-немецки на голландский манер, по-латыни и немного по-французски"[4].

После Брюсселя, царь посетил Гент и Брюгге. На берегу Северного моря, в скромном тогда рыбацком поселке Остенде, царь провел почти двое суток, тщательно осматривая остатки шлюзов Слейкенс-Сас, позволявшие некогда морским судам по каналам доходить до Брюгге. 21 апреля в небольшом прибрежном городке Ниупоорте на пути во французский Дюнкерк герцог Гольштейнский и князь фон Турн-унд-Таксис простились с Петром I и его свитой, пожелав им счастливого путешествия во владения французского короля. Там царь надеялся установить более тесные связи с Францией, скрепив новый союз обручением своей восьмилетней дочери Елизаветы Петровны с семилетним королем Людовиком XV. Однако в Версале встретили русского царя сдержанно, и он покинул Францию без каких-либо конкретных результатов.

На обратном пути из Франции Петр вновь заехал в Австрийские Нидерланды. Плывя по р. Самбра, он 25 июня в 11 часов утра достиг крепости Намюр в месте слияния двух крупнейших рек – Самбры и Мааса. Офицеры голландского гарнизона намюрской цитадели приветливо встретили русского царя, угостили его и по-

говорили о военных делах. Гости забавлялись, наблюдая бой на ходулях, а затем "потешное" сражение на воде. Стоя на борту своего корабля, Петр отвечал на приветствия собравшейся толпы. Дали хороший ужин, и танцы были до самого утра. Не пожелав остановиться в приготовленных для него дворцовых покоях, Петр отдыхал в своей каюте на корабле.

27 июня 1717 г., через неделю после отъезда из Парижа, царь и его свита из 40 человек добрались, наконец, до Спа, где провели почти месяц, до 24 июля. Врачи посоветовали Петру принимать целебные ванны, и каждое утро он ездил к источнику Геронстэр, в полутора километрах от Спа. Чтобы не скучать на водах, он совершал далекие прогулки по живописным окрестностям курорта, посещал фермы, испытывал разные крестьянские орудия, заглядывал в конюшни. Чередуя в течение четырех недель кутежи с питьем минеральных вод, Петр и в самом деле почувствовал себя лучше. На прощание он дал высокопоставленным лицам города большой банкет с раздачей памятных медалей. Позднее, уже из Амстердама, он прислал в Спа небольшую памятную доску из черного мрамора с гербом России и латинской надписью, выражавшей восхищение высокого посетителя гостеприимным курортом. Текст для Спа, куда приезжали влиятельные люди из многих европейских стран, был составлен как своего рода политическая программа Петра, с которой теперь каждый мог ознакомиться. Русский государь называет себя Russorum imperator, т.е. присваивает себе титул, которым он даст себя увенчать российским сенаторам лишь в 1721 г. после заключения Ништадтского мира со Швецией.

Один из старейших целебных источников в центре Спа с 1717 г. носит имя Петра. В то время над ним возвышалось весьма скромное строение, но в 1816 г., когда Вильгелм Оранский, наследный принц королевства Нидерландов, женился на сестре Александра I великой княгине Анне Павловне, голландская королевская семья решила воздвигнуть над источником Петра Великого новый павильон. В 1880 г. он был заменен нынешним восьмиугольным павильоном с небольшим куполом. Там и можно увидеть ту самую мраморную доску, присланную из Амстердама Петром, а также его бюст, изготовленный князем Демидовым.

В 1717 г. в Спа начался последний акт драмы царевича Алексея. Именно с этого курорта Петр послал находившегося в его свите опытного дипломата Петра Толстого в Австрию с поручением, если нужно, хитростью заманить "ослушного сына" в Россию. Император Карл VI, прекрасно понимая, что в России его нежеланного гостя ничего хорошего не ждет, до последней минуты оказывал ему покровительство и отпустил лишь тогда, когда Толстой убедил "цесаря", будто Алексей возвращается к отцу добровольно. В России же царевича, как известно, ожидали пытки, суд и смерть.

В конце XVIII – начале XIX в. многие русские люди также посещали бельгийские земли и оставили свои воспоминания об этих путешествиях[5]. Тесные династические связи существовали между русскими монархами и представителями династии Саксен-Кобург-Гота. Совсем недавно мы обнаружили в АВПРИ в фондах "Канцелярия" и "Административные дела"[6] несколько интересных дел, связанных с деятельностью представителя династии Саксен-Кобург-Гота принца Леопольда, который уже в семилетнем возрасте был зачислен на русскую военную службу и сразу же получил чин капитана, а в 12 лет, в 1802 г., ему было присвоено звание генерал-лейтенанта. Принц Леопольд участвовал в нескольких военных кампаниях, а в 1814 г. в свите Александра I торжественно вступил в побежденный Париж[7]. Читатель вправе задать вопрос, каким образом этот немецкий принц оказался среди приближенных самого российского императора, да еще имея в таком юном возрасте звание генерал-лейтенанта? Объяснение довольно простое: в 1795 г. старшая сестра принца Леопольда Юлия вступила в брак с великим князем Константином. Однако брак этот вскоре распался, но сохранились весьма дружественные связи между Леопольдом и Константином, который оказал Леопольду немаловажную услугу и способствовал определению юного принца в ряды императорской гвардии. Документы, относящиеся к этому эпизоду жизни принца Леопольда Саксен-Кобург-Гота, будущего короля бельгийцев, положившего начало династии, которая правит в Бельгии и поныне, хранятся в двух архивах – АВПРИ и в Российском государственном военно-историческом архиве[8]. Интересно отметить, что эти документы (их было всего восемнадцать) были экспонированы на национальной выставке в Брюсселе, которая проходила с 11 декабря 1965 г. по 28 февраля 1966 г. и была посвящена столетней годовщине смерти Леопольда Саксен-Кобург-Гота[9].

В последние десятилетия, особенно с началом горбачевской "перестройки", в Бельгии заметно усилился интерес к российской тематике и особенно к изучению двухсторонних отношений. Там были изданы интересные исследования о русско-бельгийских культурных, дипломатических и научных связях. В Лувенском католическом университете (нидерландофонной его части) есть отделение славистики, возглавляемое большим знатоком и поклонником русской литературы, истории и искусства профессором Эммануэлем Вагемансом. Именно он возглавил авторский коллектив, подготовивший интересную книгу "Русские горы: бельгийцы, жившие в России"[10]. Ранее она была опубликована на нидерландском языке. Заслуживают внимания исследования В.К. Ронина, нашего соотечественника, ныне живущего и работающего в Антверпене[11] (русс. пер. "Подданные царя в городе Синьоров")[12], а также его многочисленные статьи по разным аспектам русско-бельгийских связей. В 1995 г. вышла книга "Страна синей птицы. Русские в Бельгии"[13]. В самом конце 1998 г.

появился труд профессора Э. Вагеманса ("Петр Великий на землях Бельгии")[14] (текст на нидерландском и русском языках). В самые последние дни уходящего 1999 г. автору этих строк посол королевства Бельгия в Москве господин П.-Э. Шампенуа прислал в дар книгу В. Пеетерса и О. Вильсона ("Бельгийские промышленники в царской России")[15]. Весьма символично, что в сопроводительном письме господин посол написал, что эта книга "демонстрирует не только бельгийское экономическое присутствие в России в период царствования Александра III вплоть до революции 1917 г., но вместе с тем это свидетельство тесных связей, которые уже в ту эпоху связывали наши страны".

Нам представляется интересным остановиться на первой книге, которую мы назвали здесь "Русские горы: бельгийцы, жившие в России". В предисловии авторы пишут, что "Россия с ее загадочной непостижимой душой" всегда привлекала взоры западных людей, но особенно пристальный интерес к себе она вызывала в периоды кризисов и реформ. Так, в прошлом это было после смерти Петра Великого и после реформ Александра II, а в XX в. – после революции 1917 г. и в период "перестройки" М.С. Горбачева[16]. В книге представлено 19 очень разнообразных по тематике статей, освещающих различные аспекты русско-бельгийских отношений сквозь призму представлений бельгийцев, заброшенных теми или иными судьбами в Россию. Авторы книги отмечают, что русско-бельгийские связи в XVII–XVIII вв. еще совершенно не изучены, поэтому они представили в своей книге статьи, охватывающие 150-летний период существования независимой Бельгии, т.е. с 1830 г. Какими глазами бельгийские дипломаты, ученые, предприниматели, инженеры, юристы, писатели, интеллектуалы и социалисты смотрели на Россию? Какой реальный вклад внесли бельгийские инженеры, рабочие и промышленники в индустриализацию России непосредственно перед Октябрьской революцией? Играли ли они какую-нибудь роль в возникновении у нас революционного процесса? Что думали бельгийцы о союзнице – России – в первую и вторую мировые войны, а также о сталинском Советском Союзе 30–40-х годов? Ответы на эти вопросы и дают статьи, представленные в данной коллективной монографии. Россия вызывала у бельгийцев самые противоречивые чувства – иногда она притягивала, иногда отталкивала, но никогда не оставляла равнодушной. Пребывание в России, размышления о ней путешественников, политиков, дипломатов, журналистов, инженеров и предпринимателей – это своеобразный срез самой бельгийской истории, вовлеченной во взаимообогащающий процесс европейской жизни и культуры.

Большой интерес представляет статья Жоса ван Дамма "Путешествие Жана-Батиста Давида и Жана Ноле в Россию в 1842 г."[17] В ней рассказывается о необычном для той эпохи вояже в далекую Россию двух лувенцев. Жану-Батисту Давиду, преподавателю кафедры национальной истории и нидерландской литературы, при-

знанному лидеру фламандского движения за признание нидерландского языка, исполнился в то время 41 год. Он был неутомимым путешественником, посетившим многие страны: Германию, Францию, Швейцарию, Англию, Нидерланды, Польшу и Богемию. Он часто выступал с публичными лекциями о своих впечатлениях от поездок. После своего самого увлекательного и дальнего путешествия в Россию Давид опубликовал доклад на 35 страницах в одной из бельгийских газет. Компаньоном Давида стал его молодой друг Ян Ноле де Бровер ван Стееланд. Появился на свет он в Роттердаме, но фактической родиной его стала Бельгия. Ян Ноле изучал право сначала в Гентском, а затем в Лувенском университетах. Здесь он был удостоен титула доктора литературы за свою поэму "Ambiorix". Ян Ноле слыл человеком не только высокообразованным, но и жизнерадостным, уравновешенным и к тому же добродушным. Ко всему прочему он был еще и богатым. Знакомство с Давидом принесло им обоим радость, они обнаружили много общего в своих увлечениях. Давид сразу понял, что лучшего спутника для путешествия в Россию ему не найти. Итак, друзья покинули Лувен 1 августа 1842 г. и провели первую ночь в Антверпене, где сели на пароход до Роттердама. Отсюда в дилижансе они добрались до Амстердама, далее пароходом до Гамбурга, дилижансом до Любека, оттуда по морю за 18 часов они достигли Копенгагена. 13 августа бельгийцы прибыли в Гетеборг, отсюда они прошли через Гота-канал 60 шлюзов, чтобы добраться до Стокгольма. Из Стокгольма путешественники на пароходе прибыли в порт Або (Турку по-фински), бывшую столицу Финляндии, ставшую русской территорией в 1809 г. Затем судно вышло в Хельсинки, а оттуда через Ревель в Кронштадт, первый порт на русской земле. Вот таким оказался маршрут бельгийских путешественников. Судя по их описаниям, таможенный контроль был очень суровым: судно должно оставаться в море, таможенники пришвартовались к нему в лодках, поднялись на борт и осмотрели очень дотошно все чемоданы и сундуки, прежде чем переправить их на другое судно, которое отправлялось в Санкт-Петербург. Давид и Ноле были уже наслышаны об этой процедуре и особенно о страхе русских перед печатными изданиями. Они заранее решили доверить экземпляры книг, которые намеревались подарить, секретарю бельгийского посольства, который пользовался дипломатической неприкосновенностью.

Наконец, 31 августа бельгийцы прибыли в столицу России. В общей сложности они провели в ней четыре недели, которые оставили в их душах неизгладимый след. Первые десять дней были посвящены осмотру Санкт-Петербурга и его достопримечательностей. Столица русского государства очаровала путешественников. "Достойная представительница огромной русской территории, столица более европейская, чем русская. Какой огромной, гордой и величественной нам показалась она! Повсюду длинные широкие улицы,

насколько хватает глаз, повсюду прекрасные здания, совсем нет маленьких узких улочек, можно подумать, что в Санкт-Петербурге живут только невероятно богатые люди”[18]. Это было очарование, которое задало тон всем другим впечатлениям. Давид и Ноле посетили Исаакиевский собор, строительство которого еще не было завершено, а также Зимний дворец, который лишь недавно был отстроен после пожара. Следующим объектом их внимания стал доминиканский монастырь на Невском проспекте, который поразил путешественников своим великолепием. Профессор Давид признал, что в Бельгии нет монастыря, подобного этому. Через несколько дней друзья были приглашены в Царское Село, и здесь присутствовали на службе в дворцовой церкви, где лицезрели всю императорскую семью, кроме больной императрицы. Вот как описывает Ноле свои впечатления от этой встречи: “Царь Николай, если говорить о его внешних данных, был действительно самым красивым мужчиной в империи. Высокого роста, с гордой осанкой, благородное лицо, его орлиный взгляд – такой пронзительный, что невольно опускаешь глаза. Это государь, рожденный для трона, сознающий всю свою мощь и проникнутый чувством своего величия. Он знает, что он могущественный государь, который несет скипетр над миллионами подданных. Один приказ, и любой из них может быть сослан в Сибирь, один только жест, и самый скромный раб поднят на самую большую высоту знатности, одним словом, воля императора – это закон”[19]. Во время службы в придворной церкви бельгийцы с интересом рассматривали ее архитектуру и внутреннее убранство, иконостас, росписи на стенах, слушали волнующие голоса поющих. И тот и другой многого не понимали: не было ни привычных для католического храма стульев, ни скамеек, никто не пользовался молитвенником, общая молитва также сильно отличалась от привычных их слуху песнопений. Ни тот, ни другой не знали слова “икона”, тем более культа иконы в России. Ноле говорит о картине, которая представляет спасителя, или того или иного греческого святого, чаще всего Николая, Василия, Алексея, но наиболее часто они употребляют слово “Богоматерь”.

Ноле и Давид не уставали восхищаться Санкт-Петербургом. Оба были страстными поклонниками театра, оперы и балета и старались не пропустить ни одного спектакля. Русский язык, как и итальянский, казался им очень мелодичным и певучим. Оба признавали также, что русский балет гораздо лучше брюссельской труппы. Энтузиазм публики также поразил бельгийцев. Давид писал в своих воспоминаниях: “Эти русские, которых считают примитивными, возбуждались и были чувствительны к красоте и грации. Эти варвары – настоящие тонкие знатоки и истинные ценители!”[20]

Таковы вкратце впечатления, которыми поделились с читателями два бельгийских путешественника, совершивших смелую поездку в далекую тогда, малоизвестную для европейцев страну – Россию.

№11063

ОБЩЕСТВО

ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА СОДЫ ВЪ РОССІИ

ПОДЪ ФИРМОЮ

„ЛЮБИМОВЪ, СОЛЬВЭ и К°".

ОБЛИГАЦІЯ

ВЪ

ПЯТЬСОТЪ ФРАНКОВЪ

НА ПРЕДЪЯВИТЕЛЯ

Москва, 1900 г.

SOCIÉTÉ

POUR LA PRODUCTION DE LA SOUDE EN RUSSIE,

SOUS LA RAISON SOCIALE

„LUBIMOFF, SOLVAY & Cie".

OBLIGATION

DE

CINQ CENTS FRANCS

AU PORTEUR

Moscou, 1900.

Директоры Правленія

Бухгалтеръ

Кассиръ

Рис. 14. Облигация русско-бельгийского общества Любимофф-Сольвей по производству соды

Особая тема, которая чрезвычайно важна в наши дни – это экономическое присутствие бельгийцев в России с конца 30-х годов XIX в. В прокладке железных дорог в России активное участие принимали бельгийские инженеры и промышленники. Так, братья Ван дер Элст и Конинг участвовали в строительстве железной дороги в Нижний Новгород[21]. Наибольшую известность получил Джон Кокерилл, основатель бельгийской сталелитейной промышленности, умерший в 1840 г. в Варшаве во время ознакомительной поездки по России. Анонимное общество, носившее его имя “Кокерилл” в 1854 г. возводит две судоверфи в Тюмени и в Санкт-Петербурге[22]. К 1867 г. на них было построено около 120 пароходов, которым предстояло плавать по российским рекам[23]. В период между 1860 и 1865 гг. это бельгийское предприятие поставляет еще девять судов для судоходного общества, восемь локомотивов для трассы Ярославль – Москва, два бронированных дозорных военных судна. Под руководством бельгийского инженера Эжена Садуана, представителя фирмы “Кокерилл” в России, производится заказ бельгийскому инженеру Де Кейперу на монтаж стальной конструкции моста для Одессы. Помимо этого предприятие поставляет еще пять паромов на Волгу.

Продукция льежских оружейников также пользовалась давней славой в российской царской армии. Еще Петр I одним из первых делал заказы льежским производителям оружия. В 1840 г. бельгий-

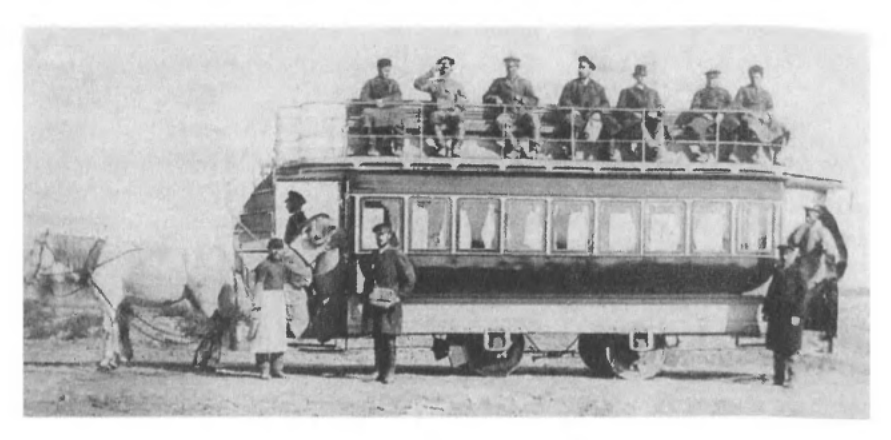

Рис. 15. Бельгийские трамваи в Казани

ским инженером Л. Фалиссе была организована оружейная мануфактура в России. Особой популярностью во время Крымской войны пользовалась продукция Леона Нагана, известного льежского оружейника, которому выпала особая честь быть принятым русским императором Александром III.

И в других отраслях российской промышленности бельгийцы оставили заметный след. Так, предприятие Ван Кампенхаута специализировалось на производстве мозаики, мрамора и зеркал. На выставке цветов, которая проходила в 1869 г. в Петербурге[24], специалисты по флоре из Гента, Брюсселя и Антверпена представляли со своими цветочными экспонатами наиболее многочисленную зарубежную группу. Их соотечественник Эдуард Пинарт заложил в России множество великолепных садов и парков.

Однако самые крупные инвестиции бельгийские промышленники производили в угольные копи на юге России. В 1886 г. было создано "Южнорусское Днепровское металлургическое общество" – совместное предприятие, союз бельгийской фирмы и успешно развивающегося российско-польского стального концерна. В следующем году бельгийский производитель кокса Коппэ начинает возведение ряда коксовых печей для "Днепровского общества", это были первые из 7 тыс. печей, которые его компания смонтировала в России.

В 1894 г. было создано еще одно значительное предприятие "Бельгийское общество по разработке угля в центре Донецка – Алмазная". Годом позже основывается второе дочернее предприятие "Николаевское общество судоверфей, мастерских и литейных цехов". Курс акций "Днепровского общества" поднялся от 500 до 6700 золотых франков. К концу XIX в. позиции зарубежных, в том числе бельгийских предпринимателей в России значительно укрепились. После прихода на пост министра Витте в 1892 г. российская промышленность стала привлекать все больший объем капиталов

Рис. 16. Акция русско-бельгийского металлургического общества

из-за границы. В самом конце XIX – начале XX в. почти половина всей индустрии находилась в руках иностранных капиталистов.

К 1900 г. Бельгия стала крупнейшим зарубежным инвестором в России, причем она опережала такие индустриальные державы, как Франция, Великобритания и Германия. Менее чем за 10 лет было основано около 160 бельгийских предприятий, полностью ориентированных на российский рынок. Некоторые бельгийские фирмы добились для себя в России почти полной монополии, поставляя конки, трамваи, электровагоны. Первой стала фирма "Трамваи Одессы" (1880 г.), затем ее отделения открылись в Варшаве, Харькове, Москве, Тбилиси и Ростове-на-Дону.

Бельгийское присутствие в дореволюционной России было весьма заметным: по одним источникам, бельгийцев насчитывалось около 7 тыс., другие же утверждают, что их количество доходило до 22,5 тысяч[25]. Начавшаяся первая мировая война, а затем революция 1917 г. привели к крушению надежд бельгийских предпринимателей на получение прибылей и к потерям бельгийского капитала, который составил около 900 млн золотых франков. Таков был итог экономической "авантюры" бельгийских промышленников. Именно этим можно объяснить столь позднее установление дипломатических отношений между Бельгией и Советской Россией – лишь в 1935 г., тогда как многие европейские страны заключили их еще в 1924–1925 гг.

Совершенно особенные отношения связывали дореволюционную Россию и Бельгию в области духовной культуры и в частности литературы. Имя выдающегося бельгийского поэта и писателя Эмиля Верхарна стало хорошо известно благодаря переводам его произведений Валерием Брюсовым. В 1913 г. бельгийский поэт посетил Россию, где встретил множество своих почитателей. Весь литературный архив Эмиля Верхарна хранится в Музее литературы при Бельгийской Королевской национальной библиотеке в Брюсселе. Среди многочисленных документов, писем и книг, принадлежавших поэту, имеется небольшой русский фонд, относящийся к пребыванию Э. Верхарна в России в конце 1913 г. Здесь и "Впечатления и воспоминания о Москве" на французском языке, и черновой вариант статьи "Восхитительная Россия" (фр. яз.), и предисловие к русскому изданию книги "Окровавленная Бельгия", и тексты различных приветствий, а также письма к поэту В. Брюсова, Б. Пастернака, З. Гиппиус, И.И. Мечникова, Л. Бакста и др.

Интересно письмо-рекомендация от 12 (25) ноября 1913 г. российского посольства в Париже к пограничным таможенным властям, подписанное императорским послом А.П. Извольским. В этом письме говорится: "Императорское посольство имеет честь покорнейше просить пограничное Таможенное Начальство благоволить оказать возможное законное содействие и обеспечение отправляющемуся в Россию бельгийскому журналисту г-ну Эмилю Вергарен"[26].

Во всех аудиториях Э. Верхарна встречали с большим энтузиазмом. Вот что писали студенты Лесного института: "Мы...приветствуем Вас, певца демократии, принесшего нам своим приездом в беспросветное время нашей реакции луч надежды на лучшее будущее"[27].

В честь приезда бельгийского поэта в Петербурге 25 ноября (8 декабря) 1913 г. состоялся банкет, на котором с приветственными речами выступили Ф.Д. Батюшков, В.Д. Набоков, Д.С. Мережковский и др.

В ответном слове Э. Верхарн выразил всю свою признательность тем, кто его так тепло принимал: «С тех пор как я в России, мне кажется, что самое полезное и приятное слово во французском языке – это слово "мерси". Вы, русские, выражаете Вашу симпатию так живо, так широко, что слово "мерси" теряет для меня свою обычную банальность и становится одним из самых необходимых слов нашего разговорного языка. Обращаясь к вам сегодня вечером, мне хочется украсить его еще больше. Я хочу вложить в него такую теплоту и горячность, чтобы оно донесло до каждого из Вас, а особенно до Вас, Господа, сказавших мне столько незабываемого, – часть моего сердца. Ваша литература – это литература горячей симпатии и изумительной сострадательности. Ваши великие писатели как бы расширили и углубили че-

ловеческие чувства. Покидая свою страну, я знал об этом благодаря Вашим книгам; сегодня я знаю об этом еще лучше благодаря Вашим протянутым рукам»[28].

После революции 1917 г., несмотря на печальный послереволюционный опыт, экономические и особенно культурные отношения между СССР и Бельгией стали особенно интенсивными в тридцатые годы, еще до официального признания Бельгией Советского Союза в 1935 г.

Так, в 1931 г. далекий вояж в Россию предпринял уже не молодой бельгийский сенатор-социалист Огюст Вермейлен. Его спутниками были Поль-Анри Спаак, член Бельгийской социалистической партии и главный редактор газеты "Социалистическая борьба", архитектор С. Ясинский, Эмиль Аллар, профессор университета и член БСП, мадам Аллар-Альтер, которая говорила по-русски, и намюрский адвокат Г. Девос. Путешествие по России длилось пять недель. Вермейлен побывал в Ленинграде, Москве и Нижнем Новгороде, по Волге он спустился до Сталинграда, по пути останавливаясь в Казани, Самаре и Саратове. Оттуда он проехал в Ростов-на-Дону, посетил Кавказ и Тифлис, и далее через Батум по Черному морю он доехал до Крыма и Одессы, заглянув также в Киев.

«Целью моего путешествия, – писал Вермейлен, – было прежде всего увидеть сокровища искусств музеев и церквей, и в частности я страстно хотел увидеть наконец картину Рембрандта "Чудо-ребенок", которая хранится в Эрмитаже. Но попутно, пользуясь возможностью, я посещал школы, клубы, дома отдыха и санатории, парки культуры и отдыха, спортивные площадки, заводы, суды, убежища проституток, приюты для брошенных родителями детей, город тракторов около Сталинграда, большой совхоз там же, винодельческий совхоз в Массандре, в Крыму. Я посещал также магазины, кинотеатры, церкви во время службы, институты, музеи революции, атеистические музеи»[29]. Вермейлен был настолько потрясен всем увиденным, что решил написать серию репортажей для прессы. Они были напечатаны социалистическим еженедельником "Народ" на французском языке с 7 по 21 октября 1931 г. Затем эти же очерки появились на страницах газеты "Валлония", одновременно они вышли на нидерландском языке в антверпенской "Народной газете". Позже Вермейлен издал свои очерки отдельной книгой под названием "Впечатления о России". Вокруг этих статей и книги в бельгийской прессе развернулась большая полемика. Многие упрекали Вермейлена, что он рисует в своих эссе слишком парадный портрет Советской России. Оппоненты Вермейлена утвержали, что пять недель – слишком малый срок, чтобы можно было составить объективное мнение о внутренней жизни большевистской России, тем более что большинство членов делегации не знают русского языка, а потому не могут разобраться в тонкостях советской жизни. Вермейлен же, выступая на пресс-конференциях, продолжал утверждать,

что Россия сделала большие успехи в своем экономическом развитии, что пятилетний план впечатляет своими успехами, а советские люди произвели на него самое благоприятное впечатление[30]. Путешествие в Советскую Россию Огюста Вермейлена было далеко не единственным. Вслед за ним в 1934 г. туда же отправился журналист Жак Крокар, литературный фонд которого с восторженными статьями обо всем увиденном хранится в Главном Королевском Архиве Брюсселя. Но это уже тема отдельной статьи.

---

[1] *Waegemans E.* Peter de Grote in de oostenrijkse Nederlanden. Antwerpen, 1998. P. 28.

[2] Ibid. P. 32.

[3] Ibid. P. 152.

[4] Ibid. P. 178.

[5] См. об этом ст.: *Намазова А.С.* Русские о Бельгии, бельгийцы о России // Европейский Альманах. 1993; *Ронин В.К.* Между войной и реформами: Русские в Бельгии, 1814–1861; *Он же.* Между реформами и революцией: Русские в Бельгии, 1862–1905 // Страна Синей птицы. Русские в Бельгии. М., 1995.

[6] АВПРИ. Ф. Канцелярия, Оп. 468. 1801–1811. Д. № 6172, 6173; Ф. Административные дела. 111-5. Д. № 2.

[7] АВПРИ. Ф. Административные дела. 111-5. Д. № 2. Л. 6.

[8] РГВИА. Ф. 3543. Д. № 1397; Ф. 474. Д. № 154, 1252, 1257.

[9] Catalogue de l'exposition "Leopold 1-er et son regne". Bruxelles, 1965.

[10] Montagnes Russes. La Russie vecue par les belges. Bruxelles, 1989.

[11] *Ronin V.K.* Antwerpen en zijn Russen. 1814–1914. Antwerpen, 1993.

[12] *Ронин В.К.* Подданные царя в городе Синьоров М., 1994.

[13] Страна Синей птицы. Русские в Бельгии. М., 1995.

[14] *Waegemans E.* Peter de Grote in de oostenrijkse Nederlanden. Antwerpen, 1998.

[15] *Peeters W., Wilson O.* L'Industrie belge dans la Russie des tsars / Ed. du Perron. Bruxelles, 1999.

[16] Montagnes Russes... P. 11.

[17] Ibid. P. 17–27.

[18] Ibid. P. 21.

[19] Ibid.

[20] Ibid. P. 22–23.

[21] *Peeters W., Wilson O.* Op. cit. P. 18–19.

[22] Ibid. P. 37.

[23] Ibid. P. 39.

[24] Ibid. P. 44.

[25] Ibid. P. 78.

[26] *Бланков Ж.* Русский фонд архива Эмиля Верхарна // Сравнительное изучение литератур. Л.: Наука, 1976. С. 477.

[27] Там же. С. 476.

[28] Там же. С. 477.

[29] Montagnes Russes... P. 237.

[30] Ibid. 244–245.

БЕЛЬГИЯ* ПО СТРАНИЦАМ РУССКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX в.

Г.А. Шатохина

Тема данной статьи привлекла не только своей источниковедческой новизной, но и своеобразием отражения на страницах русских газет и журналов событий, происходивших в странах Западной Европы в указанный период времени.

Ни одну из публикаций иностранной хроники в русской периодике тех лет нельзя рассматривать без учета негативного отношения России к революционным событиям в Европе. События эти освещали официальные "Санкт-Петербургские" и "Московские ведомости", а также ряд других тогдашних изданий, начиная с "Политического журнала", в которых современные читатели находили изложение европейских событий или отклики на них.

Впрочем, сторонники революционных идей не могли в годы екатерининской и павловской реакции открыто высказывать в печати свои симпатии к революционным переворотам. Поэтому в журналистике того времени отражается прежде всего "неприятие" революции. Что касается сочувственного отношения к революционным событиям в Нидерландах, Франции и Бельгии, то здесь приходится больше умозаключать, исходя из "факта умолчания", потому что говорить об этом в те годы можно было только в форме ругательной.

И все-таки информация была. Новая, содержательная, заставляющая думать русского читателя.

Что сообщает в это время периодика России о Бельгии? В советской историографии такой вопрос вообще не ставился.

Мы выбрали несколько периодических изданий, выходивших в России в 1790–1830 гг. В истории Бельгии это были годы непрекращающейся борьбы народа за национальную независимость сначала против австрийского (Брабантская революция 1789–1790 гг.), затем наполеоновского и, наконец, голландского господства (1814–1830 гг.).

Говоря об отражении бельгийской истории в русских газетах и журналах, мы даем представление и о характере каждого из выбранных изданий, его редакторе, политической позиции и источниках получения информации.

---

* До образования самостоятельного государства Бельгия (1830) десять южных провинций Нидерландов в указанное время были Австрийскими Нидерландами в составе империи Габсбургов, в 1794 г. были присоединены к Франции, в 1814–1830 гг. являлись частью единого Королевства Нидерландов. Называя эту территорию Бельгией, мы фактически обращаемся к ее историческому названию, известному еще с периода римского завоевания.

Мы остановились на материалах “Московских ведомостей”, “Политического журнала”, “Вестника Европы” и “Духа журналов”.

Газета “Московские ведомости” выходила в Москве в 1756–1917 гг. Она была основана Московским университетом, в числе привилегий которого было право открыть типографию и печатать книги и периодические издания. До середины XIX в. газета издавалась два раза в неделю по “почтовым дням” – вторникам и пятницам. “Московские ведомости” носили официальный характер. В них печатались указы, придворные известия, внутренняя и иностранная хроника и объявления.

В 1779 г. “Московские ведомости” вместе с университетской типографией были взяты в аренду известным русским просветителем и писателем Н.И. Новиковым. Он очень оживил пришедшую в упадок газету и поднял ее тираж через десять лет с 600 до 4 тыс. экземпляров. В газете стали помещать больше разнообразных статей, были приглашены новые сотрудники и переводчики. Значительно вырос в объеме отдел “Иностранные известия”. Редакция стремилась как можно быстрее и полнее довести до читателя международные сведения о политических событиях. Поэтому информация извлекалась непосредственно из гамбургских, лейпцигских и кенигсбергских газет.

В 1788 г. по приказу Екатерины II аренда Н.И. Новикову не была продлена. Однако на первых порах его уход не отразился на содержании и направлении “Московских ведомостей”. Это заметно было даже в информации о начавшейся вскоре революции во Франции.

Но выбор материала для освещения событий на Западе становился все более ограниченным. С конца 1793 г. сообщения о событиях во Франции подвергались строжайшей цензуре. То же можно сказать и об информации из других стран.

Нами были просмотрены “Московские ведомости” за 1792, 1797, 1799, 1805 гг. Самый большой объем информации о событиях в Бельгии мы почерпнули из газеты за 1792 г. Почти каждый номер публиковал новые известия из Брюсселя. Речь в них шла о внутреннем положении в бельгийских провинциях и военных действиях на этой территории. Какие бы то ни было комментарии редакторов газеты отсутствовали, давался только перевод опубликованного в иностранной прессе текста. Напечатанный в номере материал иногда занимал весь разворот газеты. Он был чрезвычайно интересен и глубок по содержанию. Русский читатель получал возможность оказаться в курсе политической борьбы в бельгийских провинциях, узнать о выступлениях брабантцев, о событиях в Брюсселе, о поражении демократической партии в борьбе за независимость страны.

Вот несколько примеров того, что писали “Московские ведомости” в 1792 г. о событиях в Брюсселе.

“Здесь примечают уже хорошие следствия от того, что разные заговорщики взяты недавно по повелению правительства под стражу. Большая часть из единомышленников их, опасаясь равномерной участи, удалилась тайным образом из Нидерланд, другие же стали гораздо осторожнее. Следствие над арестантами производится с величайшей поспешностью. В среду депутаты чинов Брабантских приходили к полномочному министру в Австрийских Нидерландах и приносили ему жалобу на нарушение конституции тем, что разные особы (известные споспешествователи заговору так называемых Брабантских выходцев) взяты под стражу...” (14 февраля, с. 249).

В октябре 1792 г.: “Во всех Австрийских Нидерландах запрещено продавать и читать французские ведомости, журналы и проч., под опасением кроме конфискации оных еще пени 1000 гульденов…” (с. 1469).

16 ноября из Брюсселя сообщали: “Различие партий в здешних областях подает повод опасаться печальных происшествий. Чернь здешняя под оным предлогом выбила окна во многих домах, да и разбила бы оные дома, если бы не разъезжали здесь французские дозоры…” (с. 1625).

Из сообщения от 19 ноября из Антверпена: “Вчера после полудня вступили сюда французы под командою генерала де Мормиера. Число их простирается до 5 тысяч. Цитадель наша еще не сдается…” (с. 1643).

Если внимательно просмотреть весь годовой комплект “Московских ведомостей”, то можно было бы составить подробную хронику событий в бельгийских провинциях. А если вникать в суть происходившего? Стоило ли читателям в абсолютистской, бесправной России знать о том, что брабантские депутаты могли жаловаться на нарушение конституции?

С конца 1793 г. газетные сообщения о бельгийских провинциях становятся более скупыми, а после присоединения Бельгии к Франции практически исчезают со страниц в печати.

Так, в “Московских ведомостях” за первое полугодие 1797 г. прошли лишь две короткие заметки из Брюсселя (в них упоминалось о передвижении французской армии). Столько же сообщений появилось и в “Московских ведомостях” за второе полугодие 1799 г. Одно из них касалось приведения в оборонительное состояние берегов Бельгии (с. 1382); второе лаконично информировало о том, что “в ночь с 9 на 10 сентября проехал здесь (в Брюсселе. – *Г.Ш.*) прусский курьер в Париж” (с. 1662).

И единственный материал в газете за 1805 г.: “Из Антверпена, декабря 24. Сюда прислано множество галерных невольников, чтоб на корабельных наших верфях, где господствует чрезвычайная деятельность, работать. Пять линейных кораблей закончены будут строением наступающею весною. Материалы и корабельная амуниция подвозятся в изобилии, и в скором времени Антверпен учинится одною из первых строевых корабельных гаваней Франции” (с. 95).

Вместе с тем интересующийся событиями в Западной Европе русский читатель мог обратиться и к “Политическому журналу”, издававшемуся ежемесячно Московским университетом в 1790–1802 гг.

История его издания такова: в 1789 г. профессора университета М.Г. Гаврилов и П.А. Сохацкий приняли решение переводить на русский язык “Политический журнал, с показаниями ученых и других вещей, издаваемый в Гамбурге Обществом ученых мужей”[1].

По прошествии двенадцати лет от начала издания в России этого журнала П.А. Сохацкий и М.Г. Гаврилов писали: «Один только “Политический журнал” предложил всю связь современной истории в такой полноте, что ни одно политически подлинное происшествие, ни одно исторически важное приключение не осталось без упоминания. Так “Политический журнал” сделался полным архивом современной истории» (кн. 1, 1802 г.).

Безусловно, как и все печатные органы России, “Политический журнал” подвергался строгой цензурной проверке. Из-за этого некоторые номера выходили с опозданием на три–четыре месяца. Начиная с 1794 г., отмечали современники, “Политический журнал” был изувечен цензурой так же, как и газеты.

Мы просмотрели “Политический журнал” за все годы его издания. Количество материалов о событиях в Бельгии 1790–1794 гг., опубликованных в нем, превзошло все наши ожидания. В журнале подробно освещалось все, происходившее в бельгийских провинциях. В 12 номерах за 1790 г. информация о Бельгии занимала 174 с. (общий объем журнала более 2000 с.). Это сводки событий, тексты документов (например, Акт соединения Бельгийских провинций от 19 декабря 1789 г.), биографические справки на руководителей брабантской партии, хроника конгресса в Гааге. Приблизительно такой же объем информации содержался и в журнале за 1791–1792 гг.

Хотелось бы отметить, что ни в одном номере “Политического журнала” мы не встретили комментариев русской редакции к публикуемым статьям. За появлявшимися в печати переводами из иностранных изданий Екатерина II следила сама. Поэтому в статье о Бельгии, опубликованной после поражения Брабантской революции читаем: “Дикое древо возмущения, приносившее в сей земле столь ядовитые плоды, было бы в прошлом году одним разом сечено скорее, нежели распустилось. Что по разным местам остались еще скрытые корни, то весьма натурально...” (1791 г. Ч. VI. С. 114).

Негативное отношение России к революционной Франции выражалось и в следующей публикации “Политического журнала”: “... в Брюсселе, Литтихе и Нидерландах французская армия числом до 120 тысяч вознамерилась там насильно ввести французскую систему. Бельгия, почувствовав полную меру несчастия, желала и домогалась возвращения войск Императора и правления Австрийского. Произошли столкновения в Генте и других местах между жителями и французскими войсками” (1793 г. Ч. I. С. 135).

С 1795 г. сообщения о Бельгии публиковались в журнале редко, стали менее интересными. Как исключение хотелось бы только отметить “Дополнения к новой статистике Бельгии”, появлявшиеся в последние годы издания журнала.

Все, кто желает ознакомиться подробнее с содержанием “Политического журнала”, могут обратиться к указателю, составленному в 70-е годы XIX в. почетным корреспондентом Императорской публичной библиотеки А.Н. Неустроевым[2].

В начале XIX в. издание журнала было продолжено, но под другим титулом. До 1807 г. он назывался “Современная история света”, затем “Политический, статистический и географический журнал, или современная история Света”, а с августа 1809 по 1830 г. включительно издавался под заглавием “Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света”.

Первым русским литературно-политическим журналом стал “Вестник Европы”. Возможность издавать такой журнал появилась в России только в начале XIX в. После вступления на престол Александра I страна жила в ожидании существенных реформ. Появилось множество проектов, касавшихся различных сторон государственной жизни, в том числе и издательских дел.

В 1804 г. был издан новый цензурный устав, самый либеральный устав XIX столетия. Появилось большое число журналов, издававшихся кружками и обществами, примыкавшими к тому или иному политическому лагерю.

В этой обстановке писатель, критик, историк Н.М. Карамзин, отрицательно оценивавший возможности литературной и журнальной деятельности в последние годы царствования Павла I, начал издавать “Вестник Европы”.

Фактически инициатива издания журнала принадлежала арендаторам Московской университетской типографии и в первую очередь И.В. Попову, образованному купцу и книгопродавцу, который упросил Н.М. Карамзина, жившего в то время в Москве, составить программу совершенно нового, по европейскому образцу, журнала и принять на себя его редакцию.

Н.М. Карамзин руководил журналом около двух лет. “Вестник Европы” публиковал статьи, извлеченные из двенадцати лучших английских, французских и немецких журналов. Литература и политика составляли две главные его части.

В этом выдвижении в журнале политики на равноправное с литературой место заключалось своеобразие “Вестника” и его ответ на потребности дня. В первый же год издания число подписчиков превзошло 1200 человек.

Вопросам внешней политики посвящались большие по объему статьи. Позиция карамзинского “Вестника” здесь была весьма осторожна. Не имея возможности прямо возражать против союза России с буржуазной Францией, Н.М. Карамзин весьма сдержанно относил-

ся к личности Наполеона и ставил ему в заслугу главным образом подавление революции и фактическое восстановление монархии (1801 г. № 1).

В 1804 г. Н.М. Карамзин получил звание историографа и полностью посвятил себя занятиям историей России. Дальнейшая судьба "Вестника" связана с именем М.Т. Качановского.

О каком-либо независимом обсуждении внешнеполитических вопросов на страницах "Вестника" в годы наполеоновских войн говорить не приходилось, но, конечно, нападки на Бонапарта и патриотические мотивы в стихах и прозе, какими был пронизан "Вестник" этих лет, были искреннее тех вынужденных и сдержанных комплиментов, какие появлялись при Н.М. Карамзине и возобновлялись в периоды мира.

Самым слабым местом "Вестника" в 1807–1812 гг. стал раздел "Политика". Политическая позиция журнала в период недолгого мира, который и не мог не восприниматься как временный, была очень противоречива. Цензура получила категорическое предписание "не одобрять и не принимать к печатанию никаких артикулов, содержащих известия и рассуждения политические". Этот раздел не мог играть той роли, какую играл до наполеоновских войн, и на деле сводился к выпискам из иностранных газет (в случае надобности с оговорками или ироническими замечаниями в скобках или сносках).

Мы просмотрели весь комплект "Вестника Европы". Первый материал по истории Бельгии опубликован в № 17 (журнал выходил два раза в месяц) за 1810 г. Это статья под названием "О прежних переменах в Голландии по нынешнем ее присоединении к Франции". Речь в ней идет об истории всех 17 провинций Нидерландов, начиная с V века. Мы считаем, что это первая в русской периодике историческая справка о Южных и Северных провинциях Нидерландов, попытка дать русскому читателю общие сведения о сложном пути развития двух европейских наций.

"Вестник" за 1811 г. содержит информацию о пребывании императора Наполеона в Бельгии. В журнале за 1814 г. публикуется материал о военной кампании в Европе, о продвижении генерала Бюлова по территории бельгийских провинций, обстановке в Брюсселе, Антверпене, Бреде (части 73–75 за 1814 г.).

В 1815 г. "Вестник" сообщает об образовании Нидерландского королевства (ч. 81), обстановке в Бельгии и Голландии и новом уставе королевства (ч. 83), публикует новый устав о печати и речи Его Величества (ч. 82).

Продолжение обсуждения проекта о прекращении злоупотребления свободой печати, предложенного королем, печатается в № 17–18 за 1816 г., а в № 21 – статья "Об открытии в Брюсселе Генеральных Штатов и содержании речи Короля, в которой он объявил план улучшения промышленности и земледелия".

В части 102 за 1818 г. содержится текст выступления короля в Генеральных Штатах по вопросу общего состояния государства, сообщения о предполагаемом бонапартистском заговоре в Брюсселе, аресте заговорщиков. О суде над ними речь идет в частях 103–104 за 1819 г., а в части 108 за тот же год публикуется повестка дня заседания Генеральных Штатов, отчет о заседании.

Начало 20-х годов XIX в. в России характеризовалось обострением классово-идеологической борьбы. В это время складывалась идеология дворянских революционеров-декабристов, что находило свое отражение в некоторых органах печати. Однако основная масса дворян и помещиков защищала крепостное право и неограниченную монархию. “Вестник Европы” стоял на позиции последних.

Все внешнеполитические высказывания “Вестника” в это время сводились либо к заверениям о всеобщем успокоении, либо к возмущениям “злодеяниями”, т.е. революциями, волновавшими в эти годы не одну страну в Европе.

С 1820 по 1825 г. ни одного сообщения о бельгийских провинциях в “Вестнике” мы не встретили. В 1826 г. помещены два ничего не значащих сообщения (№ 13–16 и 17–20); в 1827 г. – одно (№ 19); в 1828 г. – три (№ 1, 11, 29), последнее в № 29 – это небольшая статья об экономическом положении Нидерландского королевства; и четыре заметки в 1829 г. (№ 1, 15, 18, 20).

О бельгийской революции 1830 г. “Вестник” сообщал в двух заметках. Одна из них следующего содержания: “Вследствие происходивших в Брюсселе беспокойных явлений с 25 числа августа (н.с.), прекращенных 27-го, в Гааге обнародована 7 сентября Королевская прокламация, в которой Его Величество приглашает своих верноподданных к тишине и с доверенностью ожидает решение созванных им Генеральных Штатов, коим поручено будет заняться рассуждением о мерах для успокоения умов и водворения спокойствия” (№ 15–16. С. 314)[3].

Завершая краткий обзор “Вестника Европы”, хотелось бы отметить тот факт, что в апрельском номере за 1830 г. журнал поместил статью “Об успехах литературы голландской” – первую в русской периодике публикацию на эту тему. Речь в ней шла не только о литературе, но и о науке, искусстве Северных и Южных провинций Нидерландов, начиная с эпохи раннего средневековья.

Четвертое, и последнее из выбранных нами, издание “Дух журналов”[4]. Он издавался Г.М. Яценко в 1815–1820 гг. По отзывам современников это был наиболее серьезный журнал того времени, погибший под ударами цензуры. Издатель задумал говорить в “Духе журналов” о политических вопросах. Он видел свою задачу в том, чтобы “представить читателям панораму лучших периодических изданий, указывая только на те в них точки, которые более других достойны замечания” (кн. 1, 1815 г.).

“Дух журналов” выходил еженедельно, а с 1819 г. два раза в месяц. Имел семь разделов, главным из которых был “Архив исторический и политический”. Журнал выражал конституционные устремления, и даже опубликовал восторженные описания конституций Англии и Америки. Вел кампанию против запретительной системы и защищал свободу торговли. На его страницах были помещены переводы трудов Ж. Б. Сея, И. Бентама, Ж. Сисмонди и других западноевропейских экономистов. Здесь печатались статьи о немецкой классической философии и романтизме. В разделе “Архив исторический” была помещена не только информация о политических событиях в мире, но и печатались тексты различных документов (трактаты, договоры, акты).

Что же сообщал “Дух журналов” своим читателям о Бельгии? В 1815 г. все внимание было сосредоточено на решениях Венского конгресса, и в кн. 14 была опубликована статья “Нидерландское королевство”, в которой шла речь об объединении Бельгии с Нидерландами в единое государство. В том же году “Дух журналов” дает материал о битве при Ватерлоо, а также “Письмо из Брюсселя” (об увеличении милиции в бельгийских провинциях) в кн. 18.

Автор статьи “Взгляд на 1815 г.” (кн. 1, 1816 г.) приветствовал создание Нидерландского королевства. Он писал: “Если позволено усомниться, чтобы коммерция народа сего (бельгийского. – *Г.Ш.*), при соперничестве англичан, столько процветала, как прежде: то по крайней мере смело утверждать можно, что при кротком Правительстве благосостояние его гораздо надежнее, нежели под железным скипетром Франции” (кн. 1. С. 13).

В 1817 г. “Дух журналов” поместил материалы об экономическом положении бельгийских провинций в системе Нидерландского королевства. В кн. 18 рубрика “Обозрение политических событий” была полностью отведена Нидерландам. Там была помещена справка о доходах и расходах королевства, документы, относящиеся к решению вопроса о налогах и повышении цен. Документы отражали несогласие бельгийских провинций с проектом повышения цен на уголь, так как это привело бы к уменьшению конкурентоспособности бельгийских товаров на европейском рынке.

В кн. 19 был опубликован проект нового таможенного тарифа королевства и речь Генерал-директора над таможнями. В кн. 24 на 20 страницах публиковались тексты выступлений бельгийских депутатов в Генеральных штатах. Депутаты от бельгийских провинций настаивали на непринятии таможенного тарифа, ибо “англичане наводнят всю торговлю своими мануфактурными изделиями, а свободная внешняя торговля, а особливо транзитная, будет гробом для многочисленных фабрик южных наших провинций” (с. 180). Здесь же опубликовано решение Генеральных штатов о сохранении форм судопроизводства, введенных Наполеоном, а также закон о книгопечатании, вводивший наказание за издание литературы, “порочащей нынешнее правительство Франции”.

В 1818 г. информация о состоянии дел в Нидерландском королевстве опубликована в кн. 9. В 1819 г. – в кн. 2 (речь короля в собрании обеих палат и роспись доходов и расходов королевства на 1819 г.). В кн. 6 за тот же год напечатаны следующие статьи: "Краткое обозрение занятий Генеральных Штатов в декабре 1818 – январе 1819 г.", "О провинциях Намюр и Литтих, процветавших при французах", "Письмо из Брюсселя о пользе представительного правления".

Но наряду с вопросами, касавшимися зарубежных стран, журнал стал публиковать статьи и на темы русской жизни, что дало повод к репрессиям. Особенно недовольно было правительство попытками "Духа журналов" говорить о крепостном праве. Поэтому в 1820 г. Г.М. Яценко получил приказ закрыть свой журнал.

В заключение можно отметить, что когда работа по подготовке статьи только начиналась, в нашем распоряжении был лишь список из более десятка названий русских газет и журналов, которые предполагалось просмотреть. При этом было мало надежд на то, что в них будет содержаться материал по заинтересовавшей нас теме. Однако даже выборочный анализ только четырех изданий свидетельствовал об обратном: в конце XVIII – начале XIX в. издававшаяся в России периодика публиковала на своих страницах весьма разнообразные материалы о Бельгии, давая возможность русскому читателю быть в курсе происходивших в этой стране событий.

---

[1] Журнал состоял из статей, переведенных из "Politisches Journal hebst Anzeige von gelehrten und andern Sachen. Hrsg. von einer Geselschaft von Gelehrten".

[2] Библиографическое указание "Политического журнала" за 1790–1802 гг. СПб., 1874.

[3] "Исторический, статистический и географический журнал" оказался более смелым. В ч. 4 за 1830 г. (№ 1–3) дана объективная картина брюссельских событий, а после публикации речи Короля Нидерландского Вильгельма на открытии заседания Генеральных Штатов была сделана такая редакторская сноска: "Помещаем сию речь – как исторический акт, свидетельствующий о духе происшествий в Нидерландах".

[4] Полное название – "Дух журналов, или Собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах по части истории, политики, государственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и проч."

БЕЛЬГИЙСКИЙ ЭКОНОМИСТ В РУССКОЙ ПЕЧАТИ: ГЮСТАВ ДЕ МОЛИНАРИ В ЖУРНАЛАХ КАТКОВА

*В.К. Ронин**

Среди десятков ярких личностей, ставших в XIX в. первыми связующими звеньями между Бельгией и Россией, дольше всех и с наибольшей славой исполнял эту миссию либеральный экономист Гюстав де Молинари (1819–1912). В мире журналистов и экономистов Бельгии 50–60-х годов XIX в. его имя было у всех на слуху, в России же оно стало почти символом западной учености. По своей известности в образованных кругах Петербурга и Москвы и по частоте упоминаний в русской прессе тех лет он далеко превосходил других бельгийцев, включая даже короля Леопольда I.

Нас будут интересовать четыре главных вопроса. Что привело бельгийца к сотрудничеству в журнале "Русский Вестник", издававшемся в Москве М.Н. Катковым? О чем и как рассказывал русскому обществу де Молинари, что хотел внушить ему в эту ключевую для России эпоху реформ? Какой показал он читателям Бельгию? Как воспринимало русское общество фигуру западного ученого и его идеи?

НАЧАЛО РОМАНА

Либеральное начало царствования Александра II сразу вызвало у профессора политической экономии в Королевском Музее бельгийской промышленности в Брюсселе и в Коммерческом институте в Антверпене живой интерес к России. Издаваемый им еженедельник "Экономист бельж", главный рупор сторонников свободы торговли, уже весной 1857 г. горячо приветствовал снижение таможенного тарифа в России. Осенью того же года де Молинари с еще бóльшим энтузиазмом писал о прогрессе дорогих ему идей мира и свободы торговли в далекой империи. Он ссылался при этом на профессора Московского университета экономиста И.К. Бабста, чьи либеральные высказывания звучали сладкой музыкой в ушах бельгийца.

В той же статье появился еще один мотив, характерный для де Молинари в те годы. Парадокс: "азиатская" самодержавная Россия снижает таможенные пошлины, открывая путь свободе торговли, в то время как либеральная Бельгия держится за устаревший протекционизм! Правительство царя благосклонно к идеям полной экономической свободы, к идеям laissez faire в сфере труда и торговли, ли-

---

* Ронин Владимир Карлович – кандидат исторических наук, в Бельгии – доктор истории и лиценциат славистики, доцент Католического Фламандского института в Антверпене.

берал Бабст назначен преподавать политическую экономию наследнику престола. В Бельгии же, в старых промышленных центрах, таких как Гент и Льеж, – засилье консерваторов-протекционистов, и никому и в голову не придет обучать государя экономическим теориям. Захваченный этим противопоставлением автор восклицал: "Вот увидите, что к делу свободы торговли наша пропаганда обратит казаков и башкир раньше, чем жителей Гента!"[1]

Любопытно, что в те же самые месяцы, когда бельгийский профессор издалека умилялся экономическому либерализму в России, русский профессор восхищался либерализмом политическим в Бельгии. М.Н. Капустин, историк права в Московском университете, осенью–зимой 1857 г. изучал на месте политическую жизнь маленького королевства с его конституцией, парламентскими выборами, местным самоуправлением и политическими партиями[2] – реалиями, тогда еще неведомыми в России. На европейском континенте (т.е. не считая Англии) именно Бельгия воспринималась тогда русскими как истинная страна свободы[3]. 20 декабря 1857 г. на заседании Бельгийского общества политической экономии, одним из руководителей которого был де Молинари, Капустин говорил о первых шагах русского правительства к отмене крепостного права, пока еще только в трех западных губерниях. Рассказ русского профессора был встречен овацией. Через несколько недель в "Экономист бельж" освобождение крестьян в России было прямо противопоставлено ... сохранению в Бельгии "военного крепостничества" – обязательной воинской повинности[4].

Так начинался долгий роман бельгийского ученого с Россией. В апреле 1858 г. в "Русском Вестнике" вышла его первая статья – об условиях и механизме кредита. В примечании от редакции говорилось: "С удовольствием извещаем наших читателей, что ... г. де Молинари, принадлежащий к замечательнейшим современным экономистам, ... изъявил желание быть постоянным сотрудником "Русского Вестника" и будет, кроме более или менее обширных статей, составляемых по нашему особому приглашению, сообщать нам время от времени обозрение текущих экономических явлений". Регулярное сотрудничество иностранного автора в русской периодической печати выглядело тогда еще делом совсем новым и необычным.

Предложение о таком сотрудничестве исходило, очевидно, от Каткова, энергичного издателя, в то время большого либерала-англомана[5]. Как раз перед этим его юный "Русский Вестник", дитя александровской "оттепели", в поисках лучших западных образцов либерального развития уже обратил свои взоры к маленькому конституционному королевству на Северном море и опубликовал в 1857–1858 гг. "Политические очерки Бельгии" Капустина. Эти три большие статьи подробно знакомили читателей и с самой страной во всей пестроте языков, и с традициями населяющих ее народов –

фламандцев и валлонов. Главное же внимание было уделено "запретному плоду" для россиян – политическим реальностям свободного государства. Капустин дважды упомянул в своих очерках и де Молинари[6], причем никак его не представив. Видимо, бельгийский профессор был уже известен образованной московской публике. Сотрудничать же, хотя и косвенно, с русской журналистикой он начал еще раньше. В брюссельской газете "Норд", созданной и руководимой агентами русского правительства для защиты интересов России за границей посредством "иностранного" печатного органа, на экономические темы писал де Молинари[7], что помогало придавать официозу петербургской бюрократии облик весьма либерального издания[8].

Эпоха реформ пробудила в русском обществе острый интерес к экономическим и социальным вопросам и к опыту либерального развития западных стран. Статьи Капустина в "Русском Вестнике" привлекли внимание публики к Бельгии, а поскольку имя де Молинари было уже знакомо, почва для его сотрудничества в московском журнале была таким образом вполне подготовлена.

Со своей стороны, де Молинари включился в это сотрудничество с большой заинтересованностью. О его мотивах позволяют судить первая же его "Экономическая корреспонденция" из Брюсселя от 9 апреля 1858 г. и статья "Об отмене крепостного права в России" в "Экономист бельж" три месяца спустя. По его мнению, Россия переживает великие перемены, равные по значению революции 1789 г. Однако реформы проводятся там без насилия, мирно и в либеральном духе, т.е. единственно правильным в глазах Молинари образом. Правительство опирается на поддержку умной и образованной части общества и потому может и должно разрешить свободные дебаты о реформах. В этих дебатах надлежит звучать и голосу экономистов. Их знания так же нужны для врачевания "общественного тела", как знание анатомии и физиологии для лечения больных.

Русским реформаторам полезно знать опыт Запада. "Наши болезни не те, что ваши, но они так же важны. Нас гложет, например, язва пауперизма ..., подрывающая уверенность в прочности нашего экономического устройства и замедляющая развитие наших сил"[9]. (Заметим, что о пауперизме и остроте "социального вопроса" как раз в Бельгии сообщал еще в 1848 г. в письме с курорта Остенде русский публицист-славянофил А.И. Кошелёв[10].) Не только редакция "Русского Вестника" просила де Молинари подробно писать о политических и экономических событиях на Западе, но и сам он считал это весьма полезным для русской публики.

Наконец, именно "Русский Вестник" мог быть для бельгийского экономиста наилучшей трибуной в России. Этот литературно-политический журнал был с самого начала, с 1856 г., органом умеренных либералов-западников. Вскоре он стал самым читаемым в стране,

число его подписчиков достигло 7 тысяч. Общественная среда, сложившаяся вокруг журнала Каткова, имела прямое влияние на либеральную часть правительственной бюрократии и придворных кругов. Недаром "Экономист бельж", извещая о поездке своего издателя в 1860 г. для чтения лекций в Москву, с гордостью указал: «Г-н Г. де Молинари является в течение нескольких лет сотрудником "Русского Вестника", наиболее важного журнала России»[11].

ЛЮБИМАЯ ПЕСНЯ

С апреля 1858 г. в "Русском Вестнике" и в его еженедельном приложении "Современная Летопись" несколько раз в год появлялись статьи и корреспонденции де Молинари. Осенью 1859 г., после долгого перерыва в связи с франко-австрийской войной в Италии, он посылал их в Москву чуть ли не каждую неделю. Он был убежден, что его излюбленные темы и идеи – это и для русского общества "любимая песня"[12]. Ощущение счастливого совпадения интересов, своего и русских читателей, рождало не только очевидный энтузиазм и усердие в писании все новых статей для Москвы; поразителен также сам тон этих публикаций, тон доверительного, почти интимного разговора со знающими и понимающими единомышленниками. Автор то и дело повторяет: "Вы знаете..."; "Ведь вам известно..."; "Вы, конечно, скажете, что..."

Свое научное кредо он раскрыл уже в первых статьях: "Экономический мир так же, как мир физический, управляется естественным законом равновесия, который поддерживает в нем порядок и восстановляет его, когда возмущающие причины нарушают этот порядок". Вопреки мнению "регламентаторов и социалистов", экономика – отнюдь не хаос, ожидающий "руки бюрократа или слова пророка". Правительство не должно ни вмешиваться, ни запрещать. Только полная свобода торговли, предпринимательства и труда способна предотвращать кризисы и гарантировать процветание. Единственное дело властей – быть "производителями безопасности": охранять свободу от монополизма и протекционизма и охранять собственность от социализма. Не только материальная, но и интеллектуальная и художественная собственность должна быть надежно защищена законом. Любое насилие, будь то революция или война, губительно для экономики.

Эти главные идеи классического либерализма де Молинари не уставал повторять во всех своих русских публикациях, какой бы конкретной темы он ни касался. Темы были те же, на которые он писал и для своих соотечественников в "Экономист бельж": дебаты в западных странах о снижении таможенных пошлин и о золотом монометаллизме, деятельность ассоциаций свободной торговли и опасность монополий. Однако де Молинари считал невозможным ограничиваться чисто экономическими темами. Он представил читате-

лям "экономическое и политическое сальдо" войны в Италии, сорвавшей таможенные реформы и во Франции, и в Бельгии. Из Брюсселя шли сообщения о сессиях парламентов и о новых законах. Не менее важными казались ученому новости экономических и социальных наук: конгрессы, создание научных обществ, новые книги. Почти каждая его корреспонденция в Москву завершалась "библиографическим бюллетенем".

Некоторой неожиданностью, вызвавшей наибольший интерес у читателей "Русского Вестника", стала публикация там осенью 1859 г. по-русски книги де Молинари "Наполеон III – публицист". Это исследование об идеях и целях "сфинкса новейших времен" было написано по прямому заказу Каткова. Ее печатание в журнале повлекло за собой неприятности даже для цензора, пропустившего несколько крамольных цитат из старых сочинений Луи Бонапарта, когда он еще не был императором французов. "Император Наполеон III, получивший предупреждение от русской цензуры! Не пикантно ли?" – вспоминал позднее де Молинари в своих "Письмах о России". Хотя автор взялся писать о своем герое беспристрастно, "как бы об одном из древних фараонов", общий вывод книги – полное отрицание взглядов Наполеона III как "формы политического социализма"[13].

Еще до того как в декабре 1859 г. в Петербурге и Москве были вновь официально допущены публичные лекции, де Молинари получил от правительства Александра II разрешение прочесть несколько лекций в обеих столицах империи. О приезде "европейского экономиста, известного хорошо и нашим читателям", тут же сообщил в своем журнале Катков, который, без сомнения, сыграл в этом деле важную роль. В Москве бельгиец жил в доме Каткова и именно ему посвятил затем свою книгу писем о России "как свидетельство признательности и пылкой симпатии"[14].

Но не только дружба с Катковым, знакомство с другими русскими и успех лекций, о чем еще будет сказано ниже, заставили брюссельского профессора после небольшого перерыва с еще большим энтузиазмом сотрудничать в московских журналах. Поездка по России с февраля по май 1860 г. лишь усилила его веру в перспективы экономического либерализма в этой стране. «Я знал уже, – писал он в "Современной Летописи", – что политическая экономия пользуется уважением в России, но не ожидал никак, чтобы она распространена была до такой степени ... В эту минуту нет в Европе страны, где бы потребность в политической экономии чувствовалась так сильно, как в России. Более того, русские уже стихийно, как никто другой, привержены доктрине laissez faire»[15].

Преувеличенное представление об успехах экономического либерализма в тогдашней Российской империи основывалось лишь на разговорах с несколькими русскими либералами да парой случайных попутчиков, говоривших по-французски.

Бельгийский экономист не упускал случая прямо воздействовать на русское общественное мнение и политику. Говоря о заключении в июне 1858 г. между Бельгией и Россией договора о торговле и мореплавании, он внушал: "Пошлины, которыми вы облагаете наши вывозные товары, а именно ткани, очень высоки. ... Понизьте же немного более ваш тариф..." Он приветствовал обсуждение в России крестьянского вопроса в дворянских комитетах, но осторожно добавлял: "Нам хотелось бы только, чтобы поле, открытое для обсуждения, было несколько обширнее". В статье об Испании он как бы вскользь замечал: "Избыток наших капиталов и нашего труда нашли бы у вас полезное и выгодное занятие. ... Я был бы счастлив, если бы Россия в этом отношении вступила в конкуренцию с Испанией"[16]. Должно было, однако, пройти более 30 лет, чтобы мечта его осуществилась и бельгийские капиталы, инженеры и рабочие двинулись в российские степи и города[17].

Дальше этих осторожных, мягких, высказанных словно мимоходом подсказок и советов де Молинари здесь не шел. В своих "Письмах о России" (они были опубликованы в Бельгии почти целиком уже в 1860 г. в "Экономист бельж", а затем вышли отдельной книгой) он гораздо откровеннее указывал, как далеки еще были Россия и политика русского правительства от подлинного либерализма. Он жаловался на цензуру, сводившую почти на нет просветительские усилия либеральной прессы. В произволе цензуры он справедливо усматривал проявление несчастной российской традиции всевластья чиновников, таких, например, которые на границе отобрали у него книги и брошюры, необходимые ему для официально разрешенных лекций! Бюрократический гнет и чудовищная регламентация всего и вся ограничены разве что одним "необходимым коррективом", писал он саркастически, – коррупцией. Наряду с самым почитаемым русским святым, Николой-угодником, есть "и другой святой, к которому российская администрация относится с еще более ревностным благоговением, – это великий святой Рубль"[18].

В публикациях де Молинари в журналах Каткова нет и тени подобной критики. Причину мы видим не только в боязни цензуры, с которой ему уже приходилось сталкиваться, или во вмешательстве русского редактора. Важнее было то, что роман бельгийского экономиста с Россией продолжался, еще сильна была надежда влиять на русское общество и политику и заботливо пестовать идеи laissez faire. Методы дипломатии могли быть здесь не лишни.

После подавления польского восстания 1863 г. во внутренней политике правительства Александра II реакционные тенденции стали ощущаться все явственнее. Тем не менее убежденность де Молинари в перспективах либерализма в России оставалась так же сильна как и прежде. Это подтверждают публичные лекции, прочитанные им во время второй поездки в Петербург зимой–весной 1865 г. Новым элементом здесь была резкая полемика с западным общест-

венным мнением. В те дни завоевание войсками царя Средней Азии усилило на Западе страх перед "московским варварством" и его военной экспансией. Русофильство брюссельского профессора было уже прямым вызовом. В первой же лекции он поспешил объяснить свою позицию: "Я хорошо знаю, что у нас на Западе боятся московского варварства. Признаюсь, это меня смешит! Не говоря уже о высшем слое русского общества, цивилизованном, которое освоилось уже со всеми возможными утонченностями цивилизации, самые низшие классы народа вашего так честны, так смышлены, так трудолюбивы, так гостеприимны в отношении иностранцев, что думаю, что многие народы цивилизованные могли бы позавидовать вам. Нас пугают успехами русских в России, стараются представить страшными эти новые успехи в Азии. На это я отвечу так. Россия делает успехи в Азии, тем лучше. Боже мой! Да что же значат эти успехи; да ведь это распространяет цивилизацию!"[19]

Корреспонденции де Молинари по-прежнему, хотя и намного реже, вплоть до 1876 г. поступали в издания Каткова, где либерализм и англомания уже с 1862–1863 гг. сменились откровенной реакционностью и великодержавным шовинизмом. В этих корреспонденциях уже почти отсутствовали идеи, касавшиеся России. Содержались лишь добросовестные отчеты о различных международных конгрессах, о Всемирной выставке 1867 г. в Париже. Были и новости из Бельгии: от парламентских дебатов и агитации за реформу избирательной системы до эпидемии холеры и возвращения в родную страну сестры короля, "несчастной императрицы Шарлотты" – потерявшей рассудок вдовы расстрелянного в Мексике Максимилиана Габсбурга, которого французы пытались сделать там императором. С 1870 г., когда деятельность де Молинари сосредоточилась в Париже, он рассказывал в "Русском Вестнике" главным образом о событиях во Франции, давая волю своей ненависти к Парижской коммуне, Интернационалу и вообще ко всему, что напоминало о пугавшем его социализме[20].

У ОКНА МАЛЕНЬКОЙ МАСТЕРСКОЙ

Летом 1859 г. редакция "Русского Вестника" попросила де Молинари помимо общеэкономических корреспонденций "постоянно сообщать сведения о Бельгии". Тот сразу же с энтузиазмом откликнулся на эту просьбу. Дело было, конечно, не только в патриотизме. Пример экономически развитой страны со всеми характерными "язвами" и проблемами тогдашнего западного общества, но с образцовой либеральной конституцией и открытой всему миру, мог быть особенно полезен для той миссионерской проповеди laissez faire, какую вел бельгийский экономист на страницах московских журналов. Он сам сказал об этом ясно: "Мы можем не стесняясь никакими препятствиями ... обличать злоупотребления привилегий и монополий в

деле торговли, кредита и пр., можем требовать более справедливого распределения общественных повинностей и более простого и дешевого управления. Правда, множество затруднений воздвигают нам высшие классы своими предрассудками и непониманием собственных интересов, но ... нам не затыкают рта, и наши журналы не подчинены, как во Франции, административному произволу"[21]. Бельгийцы вправе гордиться своей конституцией и упроченными свободами. Благодаря свободной атмосфере, Бельгия стала "страной конгрессов", принимая у себя чуть ли не каждый год "воинов науки" из всех стран мира.

Русские, бесспорно, могут многое заимствовать у бельгийцев. (Позднее де Молинари писал, что институты местного самоуправления, земства, русское правительство в 1864 г. "почерпнуло у либеральной Бельгии"[22].) Однако надо ясно видеть и теневые стороны маленького королевства. "Наша конституция – превосходная машина, достигшая по наружности возможного совершенства. Но во всякой машине есть скромные, незаметные части, которые играют главную роль". Видеть эти негативные скрытые пружины мешает "гражданский шовинизм" бельгийцев. "С некоторых пор у нас вошло в обыкновение превозносить Бельгию и называть ее счастливейшею страною на всем земном шаре". Но политическая система страны на самом деле еще далека от совершенства английской, и "нам не мешало бы быть поскромнее". Если судить по тексту конституции 1831 г., нет народа свободнее бельгийцев. "Но изучите работу, которая в продолжении тридцати лет производится в правительственной сфере, и вы убедитесь, что этот образец всех конституций приходит с каждым днем все более и более в противоречие с истиною".

В чем же причина? "По моему мнению, источник зла составляет то, что я назову правительственным социализмом"[23].

О главных проявлениях этого "правительственного социализма" в Бельгии де Молинари в своих корреспонденциях в Москву в 1859–1864 гг. писал особенно часто и эмоционально – рост военных расходов и строительство укреплений вокруг города-порта Антверпена. Они не только тяжелым бременем ложатся на экономику, но и отвлекают страну от внутренних реформ.

Опасное проявление "правительственного социализма" – языковая политика. В Бельгии, где большинство населения, фламандцы, говорит на нидерландском языке, том же, что и в Голландии, в XIX в. во всех сферах общественной жизни безраздельно господствовал язык меньшинства – французский. Бельгийская администрация "имеет до сих пор странную претензию – говорить с управляемыми не тем языком, который *им* нравится, но тем, который *ей* известен". Курсив де Молинари призван был еще сильнее подчеркнуть абсурдность ситуации. Едва Бельгия в 1830 г. отделилась от Голландии, франкоязычная часть населения, валлоны, "тотчас же присвои-

ли французскому языку те же самые привилегии, которые отняли у голландского". В ответ на это возникло "фламандское движение". О нем профессор-валлон писал с удивительной симпатией, ведь то было движение к свободе против ненавистного де Молинари бюрократического "деспотизма". К тому же ему нравилось "истинно либеральное направление" главных фламандских газет и журналов того времени. Он подбирал для русских читателей кричащие факты дискриминации фламандцев, недостаточно знающих французский язык, в суде, администрации, школе и армии. С особенно резким сарказмом писал он о недовольстве бельгийских чиновников "нестерпимыми притязаниями фламандских плательщиков податей, которые требуют, чтобы ими управляли на их собственном языке, а не на языке администраторов". Статья об этом кончается восклицанием: "Вот какова наша система!"

Печальное следствие всего этого – социальный и национальный раскол общества перед лицом аннексионистских амбиций Франции Наполеона III. Недовольство низших классов своим бедственным положением может пошатнуть "наше юное и непрочно утвердившееся государство". Фламандцы обозлены "политическим перевесом валлонского элемента". В пораженных экономическим кризисом Генте и Антверпене к правительству и даже к королю люди относятся враждебно.

Страх перед расчленением Бельгии звучал с 1862 г. почти в каждой русской публикации де Молинари. "Если наши фламандские провинции не потеряют ничего от присоединения к Голландии, то мысль о присоединении к императорской Франции не имеет в себе ничего привлекательного для Валлонцев, что я, как Валлонец, могу вам засвидетельствовать"[24].

Никогда с тех пор читатели русской прессы не получали столько разнообразной, подробной и критической информации о маленьком королевстве, как в те годы, когда корреспондентом журналов Каткова в Брюсселе был де Молинари. О многих реальностях бельгийской жизни, как, например, о существовавшем уже тогда политическом антагонизме между фламандцами и валлонами, русские читатели впервые узнавали именно из его статей[25]. Создаваемый им образ Бельгии был, как мы видим, далек от "гражданского шовинизма".

СЕМЕНА И ВСХОДЫ

В своей известности в России ученый вполне убедился, прибыв туда в 1860 г. В тот год увидел свет русский перевод первой части его курса лекций по политической экономии (1855), и в предисловии издатель обещал немедленно переводить следующие части курса "по мере их выхода"[26]. Но на банкете, устроенном в честь гостя 22 февраля в отеле Донона в Петербурге русскими экономистами и статистиками, бельгийца чествовали прежде всего как просветителя во-

обще, имея в виду именно его статьи в русской печати. Сенатор Д. Хрущов, открывая банкет речью на французском языке, приветствовал гостя, "посеявшего плодотворные семена в нашей почве, в экономическом отношении еще мало возделанной"[27].

Несмотря на сильный снегопад и непроезжие улицы, на первой лекции де Молинари в зале Московского университета было более 200 слушателей: аристократы, профессора, журналисты и, как сообщал с гордостью "Экономист бельж", "также множество дам из высшего общества". Подробный отчет о 10 лекциях бельгийского профессора в Москве печатала газета "Наше Время", а о пяти лекциях в Петербурге, собравших до 300 человек, включая нескольких министров, – "Русский Инвалид". Аплодисменты публики заставили гостя не только продлить свое пребывание в России до мая, но и отправиться с лекциями также в другие культурные центры страны: Харьков и Одессу. И везде его ждала самая радушная встреча, вспоминал он, "будь то со стороны властей или со стороны многочисленных незнакомых друзей, встреча, которая сегодня обеспечена в России любому пилигриму науки". Автор не обольщался. В провинции его чествовали не столько ради его идей или статей в "Русском Вестнике", сколько как представителя западной науки, к которой в России испокон веков столь же много питали почтения, сколь мало прислушивались.

Семена, брошенные де Молинари в русскую почву, дали и другие, менее приятные для него всходы. В своей книге писем о России он вспоминал также о конкретной, но жесткой дискуссии с московскими сторонниками протекционизма, а в Петербурге он, по его словам, получил немало уколов от консервативной газеты "Северная Пчела", органа протекционистов, где "его идеи свободной торговли обсуждали с живостью, хотя и соблюдая приличия"[28]. О реакции других газет и журналов, и прежде всего радикальной демократической печати, на его проповедь экономического либерализма де Молинари не написал ни слова. Реакция "левых" должна была его глубоко задеть, ведь их журнал "Современник", второй по числу подписчиков в России и первый по влиянию на молодежь, особенно студентов, встретил бельгийца и его идеи просто насмешками. Классическая доктрина lassez faire, уже со времен революции 1848 г. устаревшая, казалась молодым русским публицистам слишком буржуазной, недостаточно социальной, недостаточно демократической и даже недостаточно новаторской. В России, где в 1860 г. еще сохранялось крепостное право, а самодержавный строй не содержал в себе ни грана либерализма, социальные вопросы обострялись с пугающей быстротой, так что все больше молодежи склонялось к решению революционному. Этой России, молодой, радикальной, де Молинари уже нечего было сказать.

Властитель дум разночинной интеллигенции Н.Г. Чернышевский поместил в сентябре 1860 г. в "Современнике" ироническую рецензию на курс политической экономии бельгийского профессо-

ра. “Молинари знаменит в Западной Европе, но еще знаменитее у нас. Какими-то неисповедимыми судьбами он явился просвещать нас”. Позднее Чернышевский с еще большим сарказмом назвал де Молинари “чисто русскою знаменитостью”. По словам рецензента, лекции бельгийца отнюдь не произвели эффекта в обеих столицах. Еще в апреле 1860 г. автор анонимных “Заметок нового поэта” в “Современнике” восклицал: “Да неужели же мы до г. де Молинари не имели никакого понятия о политической экономии?” На лекциях, иронизировал Чернышевский, высокий гость “встретил недоброжелательство со стороны утопистов, смотрящих на политико-экономические вопросы с социальной точки зрения”. С этими “утопистами” лектор и в Москве, и в Петербурге “постоянно везде боролся”. Так как слово “социалист” могло бы привлечь внимание цензора, радикальные публицисты именовали себя “утопистами”. Своим отрицанием доктрины де Молинари они гордились. “Думал ли ... профессор, что в этой дикой России, которую он приехал просвещать, найдутся люди, не безусловно восхищающиеся авторитетами его и его учителей, и что его посещение России не произведет ровно никакого события?”

С издевкой писал Чернышевский в своей рецензии о желании де Молинари “насмерть поразить социализм”. Защищая существующие на Западе экономические институты, либерализм не в силах опровергнуть социализм, который возник как реакция именно на эти институты. Учение де Молинари рецензент назвал “набором общих мест” и даже “пустою болтовней”, призванной лишь уберечь от разрушения сложившуюся несправедливую организацию общества. В другом месте он резко оспаривал идею бельгийского гостя, будто важнейшая экономическая потребность России 1860 г. – снижение таможенного тарифа[29].

В умеренно либеральной прессе рецензия Чернышевского была встречена крайне враждебно. В журнале “Отечественные Записки” его упрекали даже в “насмешке над наукой” вообще. Это, в свою очередь, вызвало ироническую реплику Ф.М. Достоевского в почвенническом журнале “Время”: де Молинари и другие авторы, задеваемые Чернышевским, “люди общественные. Они выступили на всеобщий суд и осуждение. Оставьте же полную свободу суду и этому осуждению”.

Зато над сентиментальной привязанностью “Русского Вестника” к западным светилам, над тем, что Катков “очень любит Молинари”, равно потешались и сам Достоевский[30], и радикальные демократы. В их сатирическом журнале “Свисток” в январе 1861 г. И.И. Панаев описал воображаемую беседу Каткова со “знаменитым бельгийским политико-экономом г. де Молинари”. Издатель, чья звезда в русском обществе уже почти закатилась, жалуется:

“ – Меня оставили почти все мои сотрудники ..., и если бы не вы, мой благородный европейский друг, ..., я не знал бы, что делать ....

– Но с вами и с вашею помощью я не трепещу за свое издание, – прибавил он через минуту и крепко сжал руку г. де Молинари".

Полгода спустя "Свисток" напечатал без подписи сатирические стихи (их автором был сам Некрасов), где в уста Каткову, известному в журналистском мире своей расчетливостью, вложены жалобы на слишком высокие гонорары, которые он вынужден платить авторам:

Русский обычай издревле:
"Брать, так уж брать", говорит...
Вот Молинари дешевле,
Но чересчур плодовит[31].

Существовали ли в действительности в деловых отношениях Каткова с его бельгийским сотрудником какие-либо денежные проблемы, на которые намекает сатирик? Скорее, это была чистая выдумка противников Каткова.

Имя де Молинари было тогда настолько вплетено в ткань идейных споров в России, что его критики слева на протяжении целого десятилетия продолжали атаковать его с таким пылом, словно он сам был россиянином. Например, в июле 1863 г. поэт-сатирик радикально-демократического направления Д.Д. Минаев в стихотворении "Фанты" высмеял в алфавитном порядке 18 публицистов противоположного лагеря, причем фамилии их обозначил лишь первой буквой, чтобы читатели могли догадываться сами. На букву М ("мыслете") здесь приведено такое четверостишие:

Вот и Мыслете. О, кто ты,
Славивший в лютом угаре
Разные тяжкие льготы?
Кто – М...[32]

Рифма не оставляет сомнений, что речь идет о де Молинари – неустанном пропагандисте экономических свобод ("льгот"), социальные последствия которых могли оказаться для простого люда весьма тяжкими. Примечателен уже сам факт, что бельгиец оказался в этом перечне русских публицистов. Де Молинари здесь – единственный иностранец.

В сочинениях радикальных демократов имя брюссельского профессора стало символом либерального доктринерства, пережившего свой век, оторванного от реальной жизни и глухого к страданиям бедняков. Де Молинари по-прежнему воплощал в глазах россиян западную ученость, но для молодых радикалов, нигилистов – "мальчишек", как их называли их противники, – то была ученость выродившаяся, циничная, пытавшаяся с помощью нескольких экономических софизмов увековечить существующие общественные отношения. В 1863 г. в статье "Сенечкин яд" в защиту "мальчишек" М.Е. Салтыков-Щедрин язвительно писал: "Мальчишки не верят в науку, ибо не читают статей г. Молинари..." Не обошел писатель

своим убийственным сарказмом бельгийского экономиста и его русского собрата В.П. Безобразова и в гениальной "Истории одного города" (1869–1870). Отсталые, забитые и темные жители Глупова посеяли столько горчицы, что "цена упала до невероятности. Последовал экономический кризис, и не было ни Молинари, ни Безобразова, чтобы объяснить, что это-то и есть настоящее процветание"[33].

Несмотря на подобные критические стрелы, нельзя отрицать, что лекционная поездка бельгийца в Россию в 1860 г. прошла в целом успешно. Этого, однако, не скажешь о его втором турне, пять лет спустя. Даже его собственный "Экономист бельж" не мог скрыть, что эти новые лекции, хотя на них, как и прежде, приходило много людей, не привлекли большого внимания русской печати.

С течением лет даже умеренные либералы в России разочаровались в де Молинари, который со страниц уже откровенно реакционного "Русского Вестника" продолжал все в тех же словах обличать всякий социальный радикализм и предоставление избирательных прав рабочим. У русских интеллектуалов, подолгу живших за границей и наблюдавших там, как меняется общественная атмосфера в 70-е годы XIX в., особенно во Франции, старая проповедь де Молинари вызывала уже только раздражение. И.С. Тургенев писал из Баден-Бадена в ноябре 1876 г. в Париж своему другу и единомышленнику, либералу-западнику П.В. Анненкову: "Кстати, знаете ли вы человека пошлее Молинари на обоих полушариях?" Тоскуя в буржуазном Париже, Анненков ответил: "Молинари действительно крайне пошл, но он под цвет всему здешнему (внутреннему) быту"[34].

Но и это еще не полный спектр восприятия де Молинари русским обществом. В подготовительных материалах к "Идиоту" (1868 г.) Достоевский вложил в уста князю Мышкину "лекцию об образовании, самопознании, петролее, машинном производстве, которое должно поглотить всё и освободить людей ... от борьбы за существование". Это, по существу, конспект только что вышедшей тогда в "Русском Вестнике" статьи де Молинари о Всемирной выставке 1867 г. в Париже. В той же статье бельгиец вновь предсказывал будущую ведущую роль России в мире: "Если русским и американцам суждено когда-нибудь перегнать нас, людей Запада, то не совершится ли это благодаря превосходству их просвещения, нравственности и цивилизации?" Это, конечно же, была одна из любимых мыслей самого Достоевского[35].

Столь же серьезно и сочувственно читал работы де Молинари Лев Толстой. Одним из эпиграфов к своей статье "Одумайтесь!" (1904 г.) против русско-японской войны и милитаризма вообще он взял переведенную им на русский цитату из книги де Молинари "Набросок политической и экономической организации будущего общества" (1899 г.). Говоря о размерах военных расходов и армий европейских государств в XIX в., бельгийский экономист заключал: "Две трети дохода всех государств идут на проценты с долга и

на содержание армий сухопутных и морских. Все это сделано государствами. Не будь государств, ничего бы этого не было". Антигосударственный и антимилитаристский пафос этих слов был настолько близок Толстому, что с 1904 по 1910 г. он последовательно включал их во все составленные им сборники философских и моральных афоризмов для самообразования: "Круг чтения", "На каждый день" и "Путь жизни"[36].

Как проповедник классической фритредерской доктрины экономического либерализма Гюстав де Молинари не добился в России того, о чем мечтал. Ни его публичные лекции, ни статьи в русских журналах не сформировали русское общественное сознание так, как он того хотел. Никакого, даже частичного влияния на ход реформ в далекой империи они также не оказали. Восприятие его личности и идей в русском обществе того времени колебалось, как мы видим, от восторженного чествования и сочувственного цитирования до полного неприятия и насмешек. Но как посредник между Бельгией и Россией он многое сделал для того, чтобы обе страны лучше узнали друг друга. Интерес русских ученых, публицистов, студентов к маленькому либеральному королевству заметно возрос именно в начале 60-х годов XIX в.[37] Именно тогда, когда главным и постоянным источником сведений о Бельгии были в России корреспонденции де Молинари.

---

[1] L'Economiste belge. 1857. № 9. P. 7; № 29. P. 4–5.

[2] *Капустин М.Н.* Политические очерки Бельгии // Русский Вестник. 1857. Т. 11. № 20. С. 885–915; Т. 12. № 21. С. 645–676; Т. 13. Кн. 2/1. С. 485–511.

[3] *Ronin V.* Tussen oorlog en hervormingen. Russen in Belgie 1814–1861 // Het land van de Blauwe Vogel. Antwerpen, 1991. P. 45, 56–59; *Ронин В.К.* Между войной и реформами: Русские в Бельгии, 1814–1861 // Страна Синей птицы. Русские в Бельгии. М., 1994.

[4] L'Economiste belge. 1858. № 1. P. 1; № 2. P. 3; № 10. P. 2.

[5] См. о нем: *Katz M.* Mikhail N. Katkov: A political biography. P., 1966.

[6] *Капустин М.Н.* Указ. соч. Т. 11. С. 911; Т. 12. С. 674.

[7] Le Nord. 1860. 21 avril.

[8] *Ronin V.* Le publicisme russe en Belgique au milieu du XIXe siecle // Revue des pays de l'Est, 1991. N 1/2. P. 2–24; *Ронин В.К.* Русская публицистика в Бельгии в середине XIX века // Славяноведение. 1993. № 4. С. 4–13.

[9] Современная Летопись "Русского Вестника". 1858. Т. 14. С. 345–348; L'Economiste belge. 1958. N 20. P. 2; N 22. P. 5.

[10] Письма А.И. Кошелёва //Русский Архив. 1886. № 3. С. 352.

[11] L'Economiste belge. 1860. N 15. P. 234.

[12] Современная Летопись... 1858. Т. 14. С. 345.

[13] Русский Вестник. 1859. Т. 24. С. 71, 854; *Molinari de G.* Lettres sur la Russia. Bruxelles; Paris, 1861. P. 71. Ср.: L'Economiste belge. 1860. N 51. P. 702.

[14] Современная Летопись... 1859. Т. 24. С. 271; *Molinari de G.* Lettres... P. 71.

[15] Современная Летопись... 1860. Т. 28. С. 228; 1861. № 1. С. 11; 1863. № 1. С. 2–3; Molinari de G. Lettres... P. 407.

[16] Современная Летопись... 1858. Т. 16. С. 196, 216, 222; 1859. Т. 20. С. 228; Т. 24. С. 3–21; 1861. № 28. С. 4; № 31. С. 4; 1862. № 16. С. 26; № 32. С. 7; № 36. С. 1.

[17] Подробнее о бельгийском экономическом присутствии в России около 1900 г. см. статьи бельгийских историков в сб.: Montagne Russe: Belevenissen van Belgen in Rusland. Berchem, 1989. См. также нашу ст.: *Ronin V.* Etudes belgo-russes II: Les ouvriers wallons dans la region de Petersbourg en 1900 // Revue belge d'histoire contemporaine. 1993. N 3/4 (в печати).

[18] *Molinari de G.* Lettres... P. 214, 32.

[19] *Молинари Г.* Публичные лекции. СПб., 1865. С. 8.

[20] Русский Вестник. 1865. Т. 60; 1871. Т. 94; 1872. Т. 102; 1874. Т. 114.

[21] Современная Летопись... 1859. Т. 22. С. 365–366; 1861. № 4. С. 3.

[22] *Molinari de G.* Au Canada et aux Montagnes Rocheuses, en Russie, en Corse, a l'Exposition Universelle d'Anvers. P., 1886. P. 206.

[23] Современная Летопись... 1861. № 4. С. 1–2; 1862. № 2. С. 2–4; № 5. С. 3.

[24] Современная Летопись... 1859. Т. 23. С. 307; Т. 22. С. 386; 1861. № 4. С. 2; № 28. С. 3; № 35. С. 3–7; 1862. № 2. С. 5–6; № 13. С. 1–5; № 19. С. 9–10; № 32. С. 6–7; № 48. С. 3–5; 1864. № 26. С. 1–3; 1865. № 29. С. 9; Русский Вестник, 1862. Т. 42. С. 106–118.

[25] *Ronin V.* Les Flamands et les Wallons aux yeux des Russes (1815–1914) // Revue belge de philologie et d'histoire, 1992. N 4. P. 949–950.

[26] *Молинари Г.* Курс политической экономии. СПб., 1860. Ч. 1.

[27] Современная Летопись... 1860. Т. 25. С. 305; *Molinari de G.* Lettres... P. 406.

[28] L'Economiste belge. 1860. N 12, 19. P. 184, 303; *Molinari de G.* Lettres... P. 402–403.

[29] *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. М., 1950. Т. 7. С. 466–475, 909; Современник. 1860. № 4. С. 457–458.

[30] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. М., 1984. Т. 27. С. 140, 150.

[31] Свисток. М., 1982. С. 210–211, 223.

[32] *Минаев Д.Д.* Избранное. Л., 1986. С. 64.

[33] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. М., 1969. Т. 7. С. 8–9, 107; Т. 8. С. 352.

[34] *Тургенев И.С.* Переписка. М., 1986. Т. 1. С. 565, 566.

[35] *Достоевский Ф.М.* Пол. собр. соч. М., 1974. Т. 9. С. 284, 486. Ср.: Русский Вестник. 1868. Т. 77. С. 164–194.

[36] *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. М., 1936. Т. 36. С. 100; 1957. Т. 42. С. 83–84; 1932. Т. 44. С. 357; 1956. Т. 45. С. 265–266.

[37] См. об этом: *Ronin V.* Tussen hervormingen en oorlog: Russen in Belgie 1862–1914 // Het land van de Blauwe Vogel. P. 80–87; *Ронин В.К.* Между реформами и войной: Русские в Бельгии, 1862–1914 // Страна Синей птицы.

НАРУШЕНИЕ НЕЙТРАЛИТЕТА БЕЛЬГИИ ГЕРМАНИЕЙ В 1914 ГОДУ ПО ДОНЕСЕНИЯМ РОССИЙСКИХ ПОСЛАННИКОВ

А.О. Севрюкова

Истоки политики независимости Бельгии восходят к 1830 г., когда образовалось государство Бельгия, и к 1839 г., когда был оформлен его международный статус. Статус постоянно нейтрального государства был навязан Бельгии по договорам 1839 г., заключенным между Австрией, Францией, Великобританией, Пруссией и Россией с одной стороны и Нидерландами – с другой, а также между Австрией, Францией, Великобританией, Пруссией и Россией с одной стороны и Бельгией – с другой. По решению глав великих держав Бельгия признавалась независимым и нейтральным государством. Она была лишена права ввязываться в какой бы то ни было конфликт, за исключением того случая, когда она была вынуждена защищать свои государственные интересы от завоевателей, пренебрегших договором. Гарантами независимости Бельгии выступали Великобритания, Франция, Австрия, Пруссия, Россия и Нидерланды.

Бельгия сумела сохранить статус нейтрального государства в 1870 году, когда Пруссия начала войну против Франции. Много раз бельгийской дипломатии удавалось оставаться вне военно-политических союзов. Однако к началу XX в. международная обстановка накалилась. Германия, преемница Пруссии, в 1914 г. нарушила договоры 1839 г. и предъявила Бельгии унизительный ультиматум: предоставить бельгийскую территорию для прохождения немецких войск, имевших целью атаковать Францию, или, в противном случае, самой стать жертвой агрессии. Тогда для Бельгии принять вышеуказанные требования означало нарушить международные обязательства, скомпрометировать утвержденную ранее независимость, в случае победы Германии, или подвергнуться санкциям со стороны Англии и Франции, в случае их победы. Отклонить ультиматум Германии значило спровоцировать завоевание собственной территории, но в то же время, это позволяло сохранить честь и высшие интересы страны. Король Бельгии Альберт принял решение не делать никаких уступок Германии, военные действия перешли на территорию Бельгии, которая понесла в ходе первой мировой войны большие потери, защищая свою независимость от агрессора.

События этого периода хорошо отражены в так называемых “цветных книгах” – серой бельгийской, желтой французской и синей английской. Эти сборники документов содержат дипломатическую переписку министерства иностранных дел Бельгии с аналогичными ведомствами двух самых сильных европейских государств-гарантов ее независимости – Франции и Великобритании. От отношений с ни-

ми зависело не только благополучие самой Бельгии, но и мир во всей Европе. По договору 1839 г. Россия также являлась гарантом безопасности Бельгии. В первой половине XIX в. Россия принимала активное участие в судьбе Бельгийского государства. Образование Антанты в 1904 г. и подписание англо-русского соглашения 1907 г., несмотря на существование некоторых противоречий, закрепили блок России, Франции и Великобритании и, следовательно, сохранили положение Бельгии как государства, безопасность которого зависела и от позиции России. Казалось бы, Россия не была обременена прямыми обязательствами защиты Бельгии. Эти государства не объединяла общая граница, Бельгия больше не являлась государством-барьером, ограждавшим Европу от влияния революционной Франции, являвшейся теперь союзником России. Однако вопрос бельгийской независимости не был безразличен Российской империи. Ее и Бельгию связывали тесные экономические отношения, стремительно укреплявшиеся в начале XX в. (к его началу в России находилось 191 бельгийское предприятие). Положение и внешнеполитические цели России ставили ее в один ряд с Великобританией и Францией, а следовательно, и Бельгией. Нарушение Германией нейтралитета последней неминуемо провоцировало вмешательство Франции и вступление в войну Англии. Для России, готовившейся к военному столкновению с Германией и Австро-Венгрией, существование франко-бельгийского фронта было особенно важным.

В отличие от желтой французской и синей английской книг, российская оранжевая книга не содержит документов, в которых был бы отражен кризис июля–августа 1914 года, возникший в результате решения Германии использовать бельгийскую территорию для прохода войск с целью нападения на Францию. Некоторые материалы переписки российского МИДа были опубликованы в сборнике "Международные отношения в эпоху империализма"[1], составленном из документов из архивов царского и Временного правительств. Основная часть документов Архива внешней политики Российской империи, характеризующих позицию России в этом кризисе, а также взгляд российских посланников на события 1914 года в Бельгии, остается неопубликованной. Донесения российского посланника И.А. Кудашева представляют особый интерес как для более полного раскрытия проблемы нарушения нейтралитета Бельгии, так и для изучения позиции России.

Князь Иван Александрович Кудашев, воспитанник Пажеского корпуса его императорского величества, корнет конного полка лейбгвардии, поступил на службу во вторую канцелярию Министерства иностранных дел в марте 1883 г.; в 80–90-е годы служил в миссиях в Копенгагене и Брюсселе. В январе 1901 г. он был назначен министром-резидентом при дворах герцога Гессенского и Саксен-Кобург-Готского, а в мае 1906 г. – чрезвычайным посланником и полномочным министром при короле датском. Кудашев занял аналогичный пост при дворе "его величества Короля Бельгийцев" в сентябре 1910 г., вступил в управле-

ние миссией в Брюсселе 29 ноября того же года, будучи в должности шталмейстера, и занимал этот пост в течение шести лет до февраля 1916 г., когда он был назначен чрезвычайным и полномочным послом в Испании. Помимо высоких наград Российской империи (орденов Св. Владимира 2-й и 4-й степеней, Св. Анны I степени, Св. Станислава I степени) российский посланник был удостоен многих орденов европейских королевских домов: ордена Леопольда, креста Саксен-Кобург-Готского, большого креста "Дубового венка" Люксембургского, датского большого креста "Данеброга"[2]. Все десять лет своей службы в Бельгии Кудашев находился при дворе короля Альберта, следовал за ним во время военных действий. В особенно насыщенные событиями первые дни августа 1914 г. Министерство иностранных дел России получало по несколько телеграмм или донесений в день от Кудашева.

В начале XX в. Бельгия поддерживала тесные экономические связи с обоими соседями – Францией и Германией. В 1904 г. было продлено действие торгового соглашения, заключенного между Бельгией и Германией, способствовавшего развитию хороших отношений между странами; в начале века Бельгия становится средоточением германского капитала. Экономические связи Бельгии и Франции осложняются отсутствием аналогичного торгового соглашения, которое Франция, следуя политике протекционизма, не желает подписывать. Однако, несмотря на периоды напряженности, возникавшие в экономических вопросах между Бельгией и Францией, политические и культурные отношения этих двух стран оказались более крепкими, чем у Бельгии с Германией. Это объяснялось и общностью языка, культуры, менталитета, а также большим доверием, которое испытывали бельгийцы по отношению к французам, всегда выражавшим свою преданность договору о гарантии нейтралитета Бельгии. В Бельгии ежедневно распространялись французские газеты, в театрах ставились французские пьесы, бельгийцы зачитывались французскими романами. Донесения Кудашева подтверждают, что к 1913 г. опасения бельгийцев по поводу возможного вооруженного конфликта в Европе становятся все более явными, при этом несомненно больший страх внушала агрессивная Германия. В депеше от 25 января (7 февраля) 1913 г. Кудашев сообщает, что в отчете парламентской комиссии о предполагаемых реформах бельгийской армии российский военный агент Агапеев "усматривает, что необходимость увеличения вооруженных сил королевства основывается главным образом на ссылках касательно последних мероприятий по увеличению и дислокации германской армии". "Бóльшая половина населения королевства – валлоны, находящиеся в постоянном соприкосновении с населением соседней Франции, – сообщает Кудашев, – и ... их симпатии, в особенности в среде рабочих и фабричных классов, скорее клонятся к родственному французскому народу, общему с ним по языку, культуре и психологии, нежели к совершенно чуждым им тевтонам"[3].

К концу 1913 – началу 1914 г. международная обстановка осложнилась. Вопрос возможности нарушения бельгийской границы германской армией представлялся ясным как самим бельгийцам, так и остальным европейцам. В рапорте от 6 мая (23 апреля) 1914 г. временно исполняющего обязанности военного агента в Брюсселе и Гааге ротмистра Накашидзе представлен анализ возможных путей нарушения Германией нейтралитета Бельгии и Люксембурга. "Короткость нынешней франко-германской границы, не позволяющая развернуть на ней всю массу германских войск, а также выгодность для этих последних занять излюбленное немцами охватывающее положение уже в самом начале войны с Францией, выдвинули уже давно вопрос возможности перехода части германских войск через Люксембург и Бельгию", – сообщает агент[4]. Действительно, в военных планах Шлиффена и Мольтке предусматривалось прохождение армии через бельгийские территории с целью нанесения удара по французским войскам с северо-востока. Немцы, не рассчитывавшие на сопротивление Люксембурга и силу бельгийской армии, тщательно готовили наступление – на территориях, граничащих с Бельгией, была создана сеть железнодорожных линий, по наблюдениям российского военного агента, "не имеющая значения в торговом отношении, но являющихся новыми путями для перевозки войск ..."[5].

В своем рапорте военный агент задается вопросом, какое решение примет бельгийское правительство в случае нападения Германии. Накашидзе предполагает, что общественное мнение страны, а также позиции правящих кругов разделятся, и будет иметь место борьба симпатий к Франции и Англии и прогерманской ориентации, что "отразится невыгодно на быстроте принятия решения бельгийцами и тем более замедлит мобилизацию, которая при отсутствии большого опыта по этой части и слабой подготовленности соответствующих учреждений будет, вероятно, протекать с крупными затруднениями и довольно медленно ..."[6]. По мнению агента, правительство Бельгии при ведении военной кампании, сосредоточив войска на линии Льеж–Намюр и ограничившись прикрытием подступов к Брюсселю, постарается избежать столкновения с германскими войсками. Такое положение дало бы бельгийской армии возможность в будущем, когда исход борьбы великих держав явно обнаружится, перейти уже открыто на сторону победителя. Однако предположения российского военного агента оказались неверными. Бельгийцы задолго до начала военных действий знали, чью сторону они примут. Как показывают материалы фонда № 185 архива Министерства национальной обороны Бельгии*, военные планы бельгийцев уже с начала XX в. строились на защите территории от герман-

---

* Материалы архива министерства национальной обороны Бельгии, фонд № 185, в настоящее время хранятся в Российском государственном военном архиве, однако вскоре будут переданы Бельгии.

ских войск, а в течение 1913 г. работала центральная комиссия по мобилизации гражданского населения. Со времени осложнения отношений между Австро-Венгрией и Сербией министерство обороны приняло ряд мер. Административные службы функционировали в выходные дни так же, как и в будни, шла подготовка к переводу армии в состояние усиленного мира, к призыву резервистов и отзыву офицеров из отпусков.

Бельгия, рассчитывавшая на помощь держав-гарантов, все еще не теряя надежды на мирное разрешение кризиса, тем не менее, как показывают донесения российского посланника, готовилась отражать вторжение германской армии. В депеше от 15 (28) июля 1914 г. Кудашев сообщает, что согласно сведениям, полученным им в Министерстве иностранных дел Бельгии, правительство приняло решение "энергично сопротивляться неприятельскому вторжению"[7]. Ссылаясь на газеты, Кудашев сообщает о призыве солдат запасов 1912, 1911 и 1910 гг. и о сосредоточении войсковых частей около укрепленных пунктов[8]. Германия в свою очередь в преддверии наступления прервала железнодорожное сообщение с Бельгией[9]. 2 августа Германия, ссылаясь на сведения о нарушении бельгийской границы Францией, предъявила Бельгии унизительный ультиматум. В его первоначальном тексте, составленном Мольтке 26 июля 1914 г., бельгийскому правительству за 24 часа предлагалось предоставить территорию страны для прохождения германских войск в обмен на территориальную компенсацию в ущерб Франции. Государственный секретарь Германии фон Ягов вычеркнул этот абзац. Мольтке, со своей стороны, сократил срок, в течение которого Бельгия должна была дать ответ, до 12 часов, что сделало условия ультиматума еще более жесткими. Бельгийцы не медлили с ответом. Условия Германии не были приняты, Бельгия решила оказывать сопротивление. Англия, Франция и Россия узнали об ультиматуме только после того, как бельгийцы дали на него ответ.

4 августа немецкие войска нарушили границу Бельгии. Только теперь бельгийское правительство приняло решение передать правительствам Англии, Франции и России обращение. В секретной телеграмме Кудашева от 22 июля (4 августа) сообщается о заявлении министра иностранных дел Бельгии, сделанном российскому посланнику: "Бельгийское правительство с прискорбием должно сообщить российскому императорскому правительству, что сегодня утром вооруженные силы Германии в нарушение установленных договором обязательств вступили на бельгийскую территорию. Королевское правительство твердо решило сопротивляться всеми средствами, находящимися в его распоряжении. Бельгия обращается к Англии, Франции и России как к державам-поручительницам с призывом о сотрудничестве в защите ее территории. Это будет согласованная и общая акция, имеющая целью сопротивление насильственным мерам, примененным Германией к Бельгии, и вместе с тем гарантией независимости и не-

Рис. 17. Бельгийский король Альберт I и королева Елизавета (справа в авиационном шлеме) с народом в час великой беды

прикосновенности Бельгии в будущем. Бельгия счастлива возможностью заявить, что она возьмет на себя защиту укрепленных мест"[10]. В секретной телеграмме, отосланной также 22 июля (4 августа), Кудашев передает сведения о вручении германским посланником министру иностранных дел Бельгии ноты, в которой говорится, что Германия, ввиду отказа Бельгии принять ее предложения, вынуждена начать военные действия. В этой же телеграмме Кудашев сообщает, что на чрезвычайном заседании парламента король произнес патриотическую речь, в которой заявил, что в Бельгии существует лишь одна партия, та, которая будет ценой жизни защищать свою независимость. Альберт призвал всех бельгийцев объединиться вокруг своего государя для защиты родины. Слова короля были шумно одобрены[11]. На следующий день было распространено воззвание Альберта к солдатам, в котором король заявил: "Видя опасность независимости, нация содрогнулась и ее сыны ринулись к границе. Мужественные солдаты священного дела, я уверен в вашей стойкой отваге и приветствую вас от имени Бельгии. Ваши сограждане гордятся вами. Вы одержите победу, поскольку вы являете собой силу, стоящую на службе справедливости. Цезарь сказал о ваших предках: "Из всех народов Галлии, белги самые храбрые. Слава тебе, армия бельгийского народа!"[12]

4 августа Министерство иностранных дел России передало посланникам в Гааге, Брюсселе и Христиании Свечину, Кудашеву и Арсеньеву соответственно телеграмму, в которой говорилось о том,

что английское правительство заявило бельгийскому, голландскому и норвежскому правительствам, что оно ожидает от них сопротивления Германии, если последняя попытается нарушить их нейтралитет. В случае такого сопротивления с их стороны Англия будет готова их поддержать и, по желанию, соединиться с Россией и Францией для немедленного воздействия и отпора Германии. Передавая это сообщение, английский посол выразил желание своего правительства, чтобы Россия "высказалась в том же смысле в Гааге, Брюсселе и Христиании". В этой телеграмме Сазонов отдал вышеуказанным посланникам распоряжение совместно с французскими коллегами сделать соответствующее заявление[13]. Бельгийский МИД незамедлительно получил ответ посланников России и Франции на запрос относительно отношения этих стран к происходящему и возможности защиты нейтралитета Бельгии. Бельгийская серая книга содержит ноту министра иностранных дел Бельгии Ж. Давиньона королевским посланникам в Париже, Лондоне и Петербурге от 5 августа (23 июля) 1914 г., в которой сообщается о том, что французский и российский посланники уведомили его в желании их правительств откликнуться на обращение и действовать совместно с Англией для защиты бельгийской территории[14]. В секретной телеграмме от 5 августа Кудашев уведомляет министра иностранных дел России Сазонова о том, что совместное заявление было сделано[15]. Россия и Франция подтвердили верность данным в 1839 г. обязательствам.

После начала военных действий и осады немецкими войсками крепостных сооружений Льежа германское правительство попыталось убедить бельгийское правительство не оказывать сопротивление. Через своего представителя в Гааге 8 августа оно просило американского посланника в Брюсселе предложить бельгийскому правительству сдать крепость Льеж, обещав восстановить дружеские отношения. Американский посланник, посчитал позорным для себя выполнить подобное поручение. Российский посланник, сообщая об этом инциденте Сазонову, добавил, что бельгийское правительство негласно осведомлено об этом предложении "и конечно с возмущением его отвергнет"[16]. Ожидания Кудашева оправдались, – на следующий день французский посланник передал ему, что накануне в разговоре с французским и английским военными агентами король оставил германское предложение без внимания. В секретной телеграмме Кудашева от 10 августа сообщается о заявлении, сделанном германским правительством посланнику Бельгии в Гааге через министра иностранных дел Нидерландов. Германское правительство вновь повторило, что Германия вступила в Бельгию не как враг, а только ввиду обстоятельств, определяемых военными мерами, предпринятыми Францией. МИД Бельгии подготовил ответ германскому правительству, о содержании которого были уведомлены Великобритания, Россия и Франция[17]. В нем говорилось: "Бельгия, верная своим международным обязательствам, может лишь повторить свой

ответ на ультиматум, тем более что 3 августа ее нейтралитет был нарушен, что на ее территорию была принесена мучительная война и что гаранты нейтралитета честно и незамедлительно ответили на ее призыв"[18]. Реакция союзников на стойкую позицию Бельгии, не желавшей сдаваться под тяжелым натиском германской армии, была оперативной. Английское и французское правительства через своих посланников поздравили и поблагодарили бельгийское правительство за ответ, данный им на последнее предложение Германии, о чем сообщает Сазонову Кудашев в телеграммах 11 и 12 августа[19].

Позиция России в течение кризиса августа 1914 г. видна не только по дипломатической переписке. Уже 8 августа сам Николай II выразил свое отношение к происходившему в телеграмме королю Альберту. В АВПРИ в фонде 138 "Секретный архив министра" хранится рукописная копия телеграммы, в которой говорится: "С чувством глубокого восхищения мужественной бельгийской армией, Я прошу Ваше Величество поверить в Мою сердечную симпатию и принять Мои лучшие пожелания успеха в этой героической борьбе за независимость своей страны"[20]. Оригинал текста ответной телеграммы Альберта, полученной в Петергофе 9 августа, также содержится в архиве. В ней король Бельгии от имени армии и бельгийской нации благодарит Николая II за выраженные пожелания[21]. В последующей телеграмме Николай высказывает восхищение тем, что бельгийская армия первой оказала сопротивление завоевателю. "В качестве свидетельства этого восхищения, – пишет Николай II, – которое я разделяю вместе со всей Россией, Я прошу Ваше Величество принять рыцарский крест Святого Георгия, Моего военного ордена, который жалуется только храбрым людям"[22]. Бельгийская серая книга содержит телеграмму Сазонова Давиньону от 13 августа, в которой отражается официальная позиция России – российское правительство выразило удовлетворение непреклонным и достойным поведением королевского правительства[23].

Бельгию как государство, независимость которого гарантировала Россия, как союзника России в войне волновал ход военных действий на российском фронте. О том, что отсутствие известий из России беспокоит бельгийцев, свидетельствует донесение Кудашева от 7 (20) августа. "Члены правительства, – пишет Кудашев, – постоянно обращаются ко мне с вопросами о наших военных действиях ... Известия о каждом успехе могут оказать лишь самое благоприятное воздействие, особенно в виду вынужденного отступления войск к Антверпену и ожидаемого сегодня занятия немцами не защищеннаго Брюсселя, от которого мы отрезаны"[24].

Бельгия рассчитывала на помощь России и в дипломатическом отношении. Интересно донесение Кудашева о разговоре с королем Альбертом 20 августа. Альберт вызвал российского посланника и попросил передать государю императору заверение в том, что Россия как и прочие другие союзники могут рассчитывать на лояльное

и неизменное содействие королевских войск и всего бельгийского народа в их единодушном решении бороться до конца. Вместе с тем король просил государя императора не отказать Бельгии в могущественной поддержке не только во время войны, но и по ее окончании. Как сообщает Кудашев, в течение часовой беседы король затронул все события за истекшие три недели и с негодованием вспомнил об ультиматуме Германии и о полученной им личной телеграмме императора Вильгельма с предложениями, принятие которых обесчестило бы короля[25]. Через несколько дней российский посланник получил распоряжение заверить короля Альберта в том, что позиция России в отношении Бельгии не изменится. В распоряжении говорилось: "Государю Императору благоугодно было повелеть Вам передать Королю благодарность за сделанное через Вас сообщение и заявить, что по окончании войны Бельгия может рассчитывать на полную дипломатическую поддержку России"[26].

Бельгийская армия, будучи намного слабее германской, стойко защищала территорию своей родины. Одним из свидетельств этому служат строки из писем Кудашева Сазонову от 19 сентября и 16 ноября 1914 г. Кудашев, находившийся с середины августа вместе с посланниками других держав и бельгийским правительством в Антверпене, наблюдал за мужественными сражениями бельгийской армии, вследствие неравного соотношения сил вынужденной отступать под натиском немцев. "Вообще, – пишет Кудашев, – я должен отдать справедливость бельгийцам, они показали себя героями. Из всех слоев общества люди всех возрастов поступают добровольно на военную службу, стремятся в бой, раненые только и мечтают о том, чтобы поскорее вернуться в строй"[27]. Сам Кудашев бывал на линии фронта. Он пишет о своих впечатлениях от встречи с солдатами бельгийской армии: "Молодцы: день и ночь по щиколотки в воде, спят на мокрой соломе. Застал их играющими в бридж, а в 500 метрах от траншей за водой находится немецкий пост в ферме"[28]. Российский посланник констатирует факты варварского поведения немцев, в частности потрясшее весь мир разграбление города Лувена, в котором была предана огню библиотека, хранившая ценные средневековые рукописи. Очевидно, получая информацию из газет и из уст военных, Кудашев передает Сазонову сведения об отступлениях бельгийской армии и о зверствах немцев. Он сообщает о наложении на Брюссель контрибуции в 500 млн франков, в случае невыплаты которой немцы грозили сжечь столицу, о депортации жителей, способных к полевым работам, в Германию. "От германской границы до Мехелена (г. Малин. – *А.С.*) Бельгия имеет вид степи, по которой прошла саранча. ... Бельгия разорена вконец, и на возрождение этой несчастной страны потребуется много лет и миллиардов денег", – сообщает российский посланник[29].

Разрушения, которым подверглись города Бельгии, вызвали возмущение не только его. 12 сентября коллеги Кудашева из Великобритании, Франции, России, Нидерландов, Турции, Швеции, Гре-

ции и Румынии, находившиеся при бельгийском королевском дворе, посетили город Малин для того, чтобы объективно констатировать вандализм, с которым немцы вели войну. Иностранные посланники, как пишет Кудашев в телеграмме от 13 сентября, пришли к выводу о том, что этот ничем не защищенный город подвергся бомбардировке, которая "имела целью разрушение собора, мэрии, музея, библиотеки и других исторических памятников, которые до сегодняшнего дня были не тронуты всеми завоеваниями и которые теперь полностью разрушены"[30]. В фонде 134 «Архив "война"» содержится особое дело № 16 под названием "Насилие над Бельгиею и Люксембургом". В нем помимо телеграмм и донесений российского посланника содержатся фотографии разрушенных городов Бельгии – Малина и Термонда, представляющие особый интерес. На снимках изображены развалины колокольни в Термонде, разрушенный мост через реку Дэндр, руины рядом с архиепископством в Малине[31].

Сами бельгийцы предпринимали дипломатические шаги для того, чтобы мировой общественности стало известно о деяниях немцев. В середине сентября правительство Бельгии направило в Вашингтон и Лондон комиссию, которая должна была опровергнуть слухи, распространяемые немцами о жестокостях бельгийцев в отношении немецких пленных, констатировать зверства германских войск в Бельгии, а также просить помощи и поддержки у правительства Соединенных Штатов. Комиссия, в состав которой вошли выдающиеся бельгийские политики (например, Э. Вандервельде), была облечена полномочиями чрезвычайного посольства и располагала письмом короля Альберта. Бельгийцы были обеспокоены тем, что президент США может отказаться принять комиссию из опасения, что его государство таким образом окажется вовлеченным в европейский вооруженный конфликт. Посольство было принято в Вашингтоне, однако президент Вильсон счел разумным не давать окончательного ответа, учитывая, что германский император Вильгельм II со своей стороны направил ему письмо с объяснением причин разрушений в городе Лувене.

К началу октября ситуация на фронте осложнилась, отступление бельгийской армии к Антверпену вынудило правительство вместе с дипломатическим корпусом покинуть город и направиться в Остенде, о чем свидетельствует телеграмма Кудашева от 7 октября[32]. Однако уже к 13 октября правительство, воспользовавшись гостеприимством Франции, переехало в Гавр. В этот же день пресса распространила прокламацию, в которой объяснялся вынужденный отъезд правительства и дипломатов ситуацией на фронте и тем, что именно в Гавре наилучшим образом может быть организовано военное сотрудничество с Англией и Францией. Кудашев воспроизводит ее текст в телеграмме Сазонову[33]. Король Альберт остался во главе армии.

В конце ноября 1914 г. между Германией и оккупированной Бельгией разразился конфликт, связанный с публикацией в герман-

ской прессе документов, разоблачавших совместные военные планы Бельгии и Англии. Германское правительство воспользовалось найденными при обысках в архивах военного министерства и министерства иностранных дел в Брюсселе копиями памятных записок начальников штаба бельгийской армии, составленных в 1906 и 1911 гг. Германия выдвинула королевскому правительству обвинение в заключении тайного договора с Англией, направленного против Германии, желая таким образом оправдать в глазах нейтральных стран нарушение нейтралитета Бельгии. В донесении Кудашева прилагаются листы газеты "Norddeutschen Allgemeiner Zeitung" от 25 ноября 1914 г., в которой были опубликованы отрывки из найденных документов[34]. В оккупированном к тому времени Брюсселе германское правительство распространило прокламацию, отпечатанную в типографии Брюсселя, под заголовком "Документы, найденные в бельгийской ставке", которая, очевидно, была расклеена по всему городу. В ней говорилось о том, что бельгийское правительство, приняв предложения англичан, повинно в тяжких нарушениях обязанностей, которые на нее возлагались как на нейтральную державу. "Обнаруженные бумаги, – сообщалось в прокламации, – представляют документальное доказательство сговора Бельгии с державами Антанты, факт, ставший известным компетентным германским службам незадолго до начала войны. Они оправдывают наши военные действия и подтверждают сведения, полученные верховным командованием германской армии, касательно намерений французов. Пусть они раскроют глаза бельгийскому народу на тех, кому они обязаны катастрофой, которая сегодня разразилась в этой несчастной стране"[35]. Вольная трактовка германским правительством документов, не имевших ничего общего с подготовкой секретного договора Бельгии с Англией и являвшихся материалами переговоров военных ведомств двух стран о возможности оказания Англией поддержки Бельгии в случае возникновения вооруженного конфликта в Европе, была немедленно опровергнута правительством Бельгии. В донесении Кудашева от 8 декабря этот ответ воспроизводится. В нем указывается на то, что в момент предъявления Бельгии ультиматума и в последующих нотах германского правительства единственной причиной нарушения территориальной целостности Бельгии являлась стратегическая необходимость[36].

Положение Бельгии вызвало бурю негодования всей Европы. Небольшое нейтральное государство, отказавшееся принять ультиматум Германии, подвергнутое разорению, стойко оказывало сопротивление врагу. Российские газеты публиковали статьи о положении Бельгии, о переменах на бельгийском фронте, о мужественном поведении королевской четы в трудные часы. Мария Веселовская, публицист, переводчик, литературовед, специалист по бельгийской литературе, которая переписывалась с бельгийскими поэтами и писателями, во время войны собирала и публиковала свои статьи о положении Бельгии. В фон-

де ее документов, хранящемся в Институте мировой литературы, содержатся собранные ею статьи российской прессы. Это статьи о короле Альберте, королеве Елизавете, о бургомистре Брюсселя А. Максе, о положении на фронте с фотографиями под такими заголовками: "королева-скиталица", "рыцарь без страха и упрека"[37].

Русские поэты и писатели также не смогли остаться безучастными к судьбе Бельгии. А. Блок в октябре 1914 г. написал стихотворение "Антверпен", в котором есть такие строки:

Пусть это время далеко, Антверпен! –
И за морем крови Ты памятен мне глубоко ...
Речной туман ползет с верховий
Широкой, как Нева, Эско.

. . . .

Но все – притворство, все – обман:
Взгляни наверх ... В клочке лазури,
Мелькающем через туман,
Увидишь ты предвестье бури –
Кружащийся аэроплан[38].

З. Гиппиус посвятила Бельгии стихотворение "Три креста", Ф. Сологуб – "Унижение Бельгии", Л. Андреев – пьесу "Король, закон, свобода", действие которой происходит в начале войны в доме бельгийского писателя Э. Грелье.

Несмотря на то что бóльшая часть Бельгии оказалась оккупированной немецкими войсками, правительство Бельгии стремилось заручиться поддержкой России в вопросе предоставления гарантий политической и экономической независимости страны после окончания военных действий. В течение периода 1914–1916 гг. правительство России через своего посланника при бельгийском королевском дворе оказывало дипломатическую поддержку бельгийскому правительству. Донесения Кудашева подтверждают желание российской стороны оставаться верной обязательствам государства-гаранта. Бельгийцы же, как сообщает Кудашев, испытывали братские чувства по отношению к русскому народу и к России. "Среди большей части бельгийцев, – сообщает посланник, – глубоко вкоренилось и все более и более утверждается непоколебимое убеждение в мощи России и как в правительственных сферах, так и в народе гораздо более рассчитывают на Россию нежели на прочих союзников для освобождения Бельгии от ненавистной германской оккупации". Такое отношение к союзникам Кудашев связывает с тем, что со времени победы на Марне на западном фронте не произошло никаких существенных перемен. «Бельгия смотрит на Россию, как на свою будущую избавительницу, возлагает на нее все свои надежды, – пишет Кудашев, – и нередко приходится слышать от бельгийцев: "C'est dans la Russie que nous fondons tout notre espoir, car c'est elle qui nous donnera la victoire finale et qui sera notre libératrice"»[39].

[1] Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг. Серия III. М., 1933.

[2] АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 1882 а.

[3] Там же. Ф. 133. Оп. 470(1913). Д. 13. Л. 4.

[4] Международные отношения в эпоху империализма... Т. II. № 366. С. 475.

[5] Там же. С. 475.

[6] Там же. С. 477.

[7] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 185. Л. 26.

[8] Там же. Л. 26.

[9] Кудашев – Сазонову // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470(1914). Д. 15. Л. 5.

[10] Международные отношения в эпоху империализма... Т. V. № 543. С. 411.

[11] АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 16. Л. 10.

[12] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 179. Л. 229.

[13] Международные отношения в эпоху империализма... Т. V. № 526. С. 402.

[14] Серая книга: Бельгийская дипломатическая переписка, относящаяся до войны 1914 г. Пг., 1914. № 52. С. 50.

[15] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 15. Л. 12.

[16] Там же. Ф. 134. Оп. 473. Д. 16. Л. 16.

[17] Серая книга. № 65. С. 62.

[18] Кудашев – Сазонову // АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 16. Л. 18.

[19] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 15. Л. 22, 25.

[20] Там же. Ф. 138. Оп. 467. Д. 574/606.

[21] Там же. Л. 27.

[22] Там же. Л. 29.

[23] Серая книга. № 72. С. 67.

[24] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 15. Л. 34.

[25] Там же. Л. 35.

[26] Там же. Ф. 138. Оп. 467. Д. 574/606. Л. 9.

[27] Там же. Ф. 133. Оп. 470. Д. 15. Л. 13.

[28] Там же. Л. 149.

[29] Там же. Л. 131.

[30] Там же. Д. 87. Л. 65.

[31] Там же. Ф. 134. Оп. 473. Д. 16. Л. 34–40.

[32] Там же. Ф. 133. Оп. 470. Д. 87. Л. 72.

[33] Там же. Ф. 134. Оп. 473. Д. 16. Л. 41.

[34] Там же. Л. 46.

[35] РГВА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 248. Л. 1.

[36] АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 16. Л. 55.

[37] ИМЛИ. Ф. 159. Оп. 1.

[38] *Блок А.* Соч. в 2-х т. М., 1955. Т. 1. С. 441.

[39] “Все наши надежды мы возлагаем именно на Россию, поскольку именно она принесет нам окончательную победу и станет нашей освободительницей”. АВПРИ, Ф. 133. Оп. 470. Д. 15. Л. 28.

SUMMARIES

PREFACE

The present edition contains a number of articles concerned with the different aspects of diplomatic relations and cultural links between Russia and European countries.

The first part of the book is dedicated to the memory of the outstanding Russian historian Albert Z. Manfred, who for many years had been the Head of the History of France Department of the Institute of universal history.

The second part consists of the items on some topical problems of diplomatic relations between Russia and European states. The published materials are based on the scrupulously studied diplomatic documents of Foreign Policy Archive of the Russian Empire and some foreign archives. These documents reflect the progress of Russian-European connexions in such areas of social life as politics, economy and culture and throw a new light on some unknown facts of mutual influence and mutual enrichment both for Russian and European mentality.

A special attention is paid to the problem of the Russia's image in perception of the European intellectual élite.

The third part is focused on Russia's cultural contacts with Europe.

The last section is devoted to 170th anniversary of founding the independent Belgian state. The authors consider various problems of modern history of Belgium and its culture.

ALBERT ZAKHAROVITCH MANFRED. FOREVER

S.N. Gurvitch

The author with hearty gratitude reminds of A.Z. Manfred, the great specialist in French history and the person of the highest mentality. She writes of the significant role he played in her life, helping her to overcome all the difficulties and obstacles she had to come across on her scientific way as a daughter of N.I. Bukharin.

HOLIDAYS OF THE AGE OF THE ENLIGHTENMENT AND OF THE GREAT FRENCH REVOLUTION

V.V. Kareva

In this article the author examines the character and peculiarities of the holidays, as well as the part they play in the life of the French society in the XVIIIth century. The main idea the author rests upon is that holidays, festivals, shows, amusements etc. are the best source of knowledge for researcher who wants to learn more about the certain soci-

ety or the certain epoch. The author follows the evolution of celebrations in the XVIIIth century: their gradual deliverance from the influence of the previous age of gallantry, establishing the complicated playing space of the Enlightenment proper, then destruction of it by the French revolution, and finally forming a new one, fully correspondent to the tests and demands of the new society.

WILLIAM PITT THE YOUNGER AND THE FRENCH REVOLUTION

N.N. Yakovlev

The author analyses the views of some researches that England from the very beginning – just from the 14th July 1789 – was hostile towards the events in France. The author shows that Pitt's attitude was not the same at different points of time: firstly, his reaction on the revolution was not negative. It was even likely to be a sympathy to the moderate wing of the revolutionaries, for he hoped that in France the régime would prevail similar to one, that had been formed in England after 1688. The crisis of Pitt's position took place later, in 1793. He changed his mind so severely as if there were two different persons – Pitt of the 80-s and Pitt of the 90-s.

"DESTALINISATION" OF THE FRENCH REVOLUTION (XVIIIth CENTURY)

A.V. Gordon

The author tells the reader about the ideological clichés that were used in Soviet historiography in the 30-s – 40-s XXth century concerning the French revolution, and how they were replaced by the new sights in 60-s. Trying to keep neutrality the author examines a large number of works and estimates the contribution of the Soviet historians to this subject.

RUSSIA AND THE NETHERLANDS IN THE SECOND PART OF THE XVIIIth CENTURY

G.A. Shatokhina

The Russia's foreign policy during the reign of Katherine II is an inexhaustible subject of historical research. Considering the relations between Russia and the Republic of the United Provinces of the Netherlands at the period the author steadily affirms that they were marked with deep mutual interest in politics, diplomacy and financial spheres of both countries.The author touches upon also the history of relations between Russia and the Netherlands during the reign of Pavel I and the first year of Alexander I.

RUSSIA AND SPAIN IN THE YEARS OF THE NAPOLEON WARS

S.P. Pozharskaya

The article is devoted to the relations between Russia and Spain in 1808–1812 that made a remarkable trace in the history of diplomacy and foreign policy as well as in the history of the social thought. Basing on the documental collections in Russia and Spain, the author pays a special attention to mysteries of the diplomacy of Alexander I.

ENGLISH LIBERALS AND IMPERIAL POLITICS BY THE EYES OF THE RUSSIAN DIPLOMATS

T.N. Guella

From this article the reader can learn how the Russian diplomats and the military representatives of Russia conceived the events of English policy of 60-s – 70-s of the XIXth century, which they were witnesses. The article is written basing on the materials of the archives, namely the reports of the Russian diplomats about the party struggle, their analyses of various sides of Gladstone's policy.

RUSSIA AND VATICAN AT THE BEGINNING OF 60-s XIXth CENTURY

O.V. Serova

Using the documents of the Foreign Office Archives of the Russian Empire the author examines the relations between Russia and the Papal Throne at the eve and in the time of the revolt in Poland in 1863 till 1866, when after the failure of their attempts to make the Pope condemn the clergy's participation in this revolt, the Russian Government ruptured the diplomatic relations.

SOME ASPECTS OF THE RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND GERMANY IN 1890–1894

A.G. Matveeva

The article is based on the documents of the Foreign Policy Archive of the Russian Empire and concerns the attitude of the Russian authorities towards the resignation of the prince Bismark from the post of Chancellor of German Empire in 1890. The political line of new Chancellor General L. von Kaprivi brought significant correctives into relations between two countries.

LEWIS NAMIER AND THE WAR 1812

E.A. Dobrova

The author analyses two publications on the same subject – Napoleon's invasion in Russia, written by two outstanding historians – L. Namier and E. Tarle, and tries to answer the questions that arise while reading the texts.

"THE PATRIARCH OF FERNEY" INVITES THE GUESTS AGAIN...

I.I. Sivolap

The essay is about the history of the Voltaire museum in Ferney, that has been opened on 27th June 1999. The author tells of Voltaire's meetings and talks with E. Dashkova and A. Vorontsov, of N. Karamzin's visit this place.

ALEXANDER I IN MEMOIRS OF F.R. DE CHATEAUBRIAND

E.V. Kiseleva

The article shows the interest of the European intellectual élite towards Alexander I in the first quarter of XIX century. His memoirs tell us in what degree tsar was under the influence of liberal ideas, but at the same time his turn to the reaction in 20-s was clearly noted by Chateaubriand.

GENÈVE PORTRAIT OF THE WIFE OF TH. M. DOSTOEVSKY

I.I. Sivolap

The essay is about the staying Th.M. Dostoevsky with his wife Anna Grigorjevna in Genève in the 1860-s. Basing on her published diary of 1867 the author restores the history of Anna's photo, made in Genève, that is kept in the State literary museum.

THREE NEW MONUMENTS OF RUSSIAN-SWISS FRIENDLY CONNEXIONS OPENED IN 1999

I.I. Sivolap

We learn of the monuments: to A. Suvorov, to F. Lefort and to V. Nabokov that were opened in Russia and Switzerland in 1999 as signs of the old friendly connexions between two countries.

FROM THE HISTORY OF THE RUSSIAN PUBLIC "TURGENEV" LIBRARY IN PARIS

E.M. Makarenkova

This publication is dedicated to the 125th anniversary of the Russian public "Turgenev" library in Paris founded in 1875. The correspondence of its administrative council with the famous persons of Russian culture and education – V. Meyerhold, S. Bobrov, A. Kalmykova – is the evidence of the great enlightenment activity of the library members.

RUSSIAN AND BELGIUM: THE DIALOGUE OF CULTURES

A.S. Namazova

The author considers the stereotypes in the minds of the people in both countries, follows the evolution of their mutual perception of each other at different historical stages, tries to find out the factors helping to form the positive images. A special attention is paid to cultural and economical links between Russia and Belgium, particularly to the unknown facts of such contacts at the end of XIXth – beginning of XXth century.

BELGIUM IN RUSSIAN PERIODICAL PRESS (THE LATE XVIIIth – EARLY XIXth CENTURIES)

G.A. Shatokhina

The author shows how the events of Belgian history were reflected in Russian press and gives the detailed characteristics to the each of four periodical editions, presented in the article.

BELGIAN ECONOMIST IN RUSSIAN PRESS: GUSTAVE DE MOLINARI IN KATKOV'S MAGAZINES

V.K. Ronin

The article is devoted to the great liberal Belgian economist who collaborated actively with Russian publisher Katkov. All the publications written by de Molinari in "Russky vestnik" in the 1870-s were met with real interest by Russian reader.

THE VIOLATION OF THE NEUTRALITY OF BELGIUM BY GERMANY IN 1914 FROM THE REPORTS OF RUSSIAN MESSENGERS

A.O. Sevrjukova

The article covers the period of Belgian history just before the World war I, when Belgium happened between two great powers in confrontation. Using the documents of the Foreign Policy Archive of the Russian Empire and partly – of the Ministry of National defence of Belgium, the author restores the events of the period.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть III

КУЛЬТУРА

Часть IV

К 170-ЛЕТИЮ БЕЛЬГИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

CONTENTS

Part III

CULTURE

Part IV

TO 170th ANNIVERSARY OF FOUNDING
THE INDEPENDENT BELGIAN STATE

Научное издание

РОССИЯ И ЕВРОПА
Дипломатия и культура

Выпуск 2

Утверждено к печати
Ученым советом Института
всеобщей истории
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *В.Н. Токмаков*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *М.К. Зарайская*
Корректоры *Н.П. Круглова, Р.В. Молоканова*

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 18.07.2002
Формат 60×90 1/16. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная
Усл.печ.л. 15,0 + 0,1 вкл. Усл.кр.-отт. 15,6. Уч.-изд.л. 16,9
Тираж 530 экз. Тип. зак. 3442

Издательство "Наука"
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

Russia and Europe

Diplomacy and Culture

ISBN 5-02-008780-7
9 785020 087804

NAUKA